

ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
О советском Таджикистане

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 16 (1557)

14 АПРЕЛЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Интервью «Огонька»

Н. ДОДХУДОЕВ,
председатель Совета Министров Таджикской ССР

Пожалуй, ни одна из республик многонационального Советского Союза не отличается столь резкими контрастами природы, как наш Таджикистан.

На таджикской земле равнины с теплым, субтропическим климатом соседствуют со снеговыми вершинами высочайших хребтов. Весной, когда на берегах Вахша, в Гиссарской долине начинается бело-розовое цветение садов, на Памире — на высоте четырех с лишним тысяч метров над уровнем моря — бушуют метели, стоят жестокие морозы.

Своеобразны и условия исторического развития нашего народа. Из глубины тысячелетий дошли до современного человечества памятники высокой культуры государств Согдианы и Бактрии, классические произведения таджикских поэтов и мыслителей.

Когда оглядываешься назад, на события, памятные людям одного поколения, вновь и вновь восхищаешься теми преобразованиями, которые произошли за десятилетия советского строя в жизни нашего народа. Таджики совершили скачок от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, когда в Туркестанском крае была создана автономная советская республика, царский вассал эмир бухарский продался новым хозяевам — империалистам Антанты. С помощью английских агентов он начал вооруженную борьбу против народов Средней Азии, рассчитывая сделать их колониальными рабами Британской империи.

В трудные годы гражданской войны, когда кольцо блокады сжимало Советскую Россию, Коммунистическая партия, Владимир Ильич Ленин отечески заботились о народах Востока, которые вместе с русскими рабочими и крестьянами поднялись на борьбу за свободную и счастливую жизнь.

С помощью победоносной Красной Армии, руководимой выдающимся полководцем М. В. Фрунзе, восставшие дехкане разгромили банды эмира. Позорный крах потерпели и другие наймиты британского империализма: турецкий авантюрист Энвер-паша и главарь басмаческих банд Ибрагим-бек.

В 1929 году Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика была преобразована в союзную республику. Дюшамбе, выросший из небольшого кишлака в столицу республики, был преобразован в город Сталинабад.

Знаменательные события! Первые шаги новой союзной республики совпали с началом развернутого социалистического переустройства всего народного хозяйства страны.

Неуклонно проводя ленинскую националь-

РЕСПУБЛИКА

ную политику, Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство СССР усиленно помогали нам быстрее преодолеть экономическую и культурную отсталость. Многомиллионные капиталовложения в народное хозяйство Таджикистана в течение ряда лет, пока молодая республика не окрепла, покрывались за счет союзного бюджета. В кишлаки и на стройки республики партия посылала лучших своих сынов. Неоценимую помощь трудовому дехканству в организации и укреплении колхозов оказали рабочие Москвы, Иваново-Вознесенска и других русских городов, направленные в деревню весной 1930 года в числе двадцатипятитысячников.

Развитие сельского хозяйства Таджикистана четко определилось, республика должна была стать одной из хлопковых баз страны.

Хлопок — главное богатство республики. Его посевы уже в 1930 году возросли почти в 70 раз против 1925 года. Выросли замечательные мастера хлопководства. В 1938 году Таджикистан занял первое место в Союзе по урожайности хлопка, сдав государству 183 тысячи тонн «белого золота».

Совершенствуя методы возделывания хлопчатника, хлопкоробы Таджикистана внедрили на своих полях новую, прогрессивную агротехнику, что дало возможность намного увеличить производство хлопка-сырца. В 1956 году страна получила от таджикских совхозов и колхозов 417 тысяч тонн этого ценнейшего сырья. Четыре крупных колхоза республики, расположенные в Пролетарском, Сталинабадском, Шахринауском и Орджоникидзеабадском районах, производят сейчас столько же хлопка, сколько до революции собирала вся Восточная Бухара. Родина высоко отметила успехи нашей республики в развитии хлопководства, наградив Таджикистан орденом Ленина.

В Вахшской долине, славящейся плодородной почвой и особенно жарким климатом, вот уже более четверти века выращивается высококачественный тонковолокнистый хлопок, который прежде ввозился из-за границы. Вместе с новыми советскими сортами тонковолокнистого хлопка, далеко превзошедшими знаменитого в свое время «египтянина», в Вахшской долине выращиваются теперь лимоны, инжир, гранаты, хурма...

Наряду с Вахшской оросительной системой в республике в содружестве с братским узбекским народом построено много и других оросительных каналов, таких, как Большой и Северный Ферганские каналы, Большой Гиссарский канал. Это позволило освоить десятки и сотни тысяч гектаров ранее пустовавших земель. Из года в год в республике растет поголовье крупного рогатого скота и овец. Только за последние два года надои молока на одну фуражную корову возросли более чем в два с половиной раза, а настриг шерсти на одну овцу — более чем в полтора раза.

Растет благосостояние колхозников. Во многих сельхозартелях среднемесячный доход на одного трудоспособного члена колхоза составляет в денежном выражении свыше тысячи рублей. Годовые доходы многих колхозников исчисляются десятками тонн зерна и десятками тысяч рублей.

Нужно ли говорить, что в полуфеодальной Восточной Бухаре вообще отсутствовала какая бы то ни было промышленность! Сегодня на многих промышленных товарах, которые продаются в магазинах, красуются марки предприятий Таджикистана: Сталинабадского текстильного комбината, Ленинабадского шелкокомбината. Есть в республике и швейные, и обувные, и трикотажные фабрики. Разнообразную продукцию из фруктов и овощей вырабатывает консервная промышленность.

В горах и на равнинах проложены шахты, нефтяные скважины. В республике добываются каменный уголь, нефть, свинец, цинк, олово, вольфрам и другие цветные и редкие металлы, ценные минералы, необходимые для металлургии, химической промышленности и строительства.

Промышленность республики вырабатывает сейчас за восемь с половиной дней столько же продукции, сколько она выпускала в течение всего 1929 года. А по валовой продукции на душу населения советский Таджикистан уже к концу первой послевоенной пятилетки превысил уровень царской России.

Мачты высоковольтных передач тянутся к городам и заводам от гидростанций, построенных на горных реках. Воды Сыр-Дарьи вращают турбины Кайрак-Кумской ГЭС, снабжающей энергией две соседние республики — Таджикистан и Узбекистан. Новые гидростанции строятся на реке Вахше и на Вахшском магистральном оросительном канале.

Куда ни поедешь по республике, почти всюду благоустроенные дороги. Ровные ленты шоссе общей протяженностью во многие тысячи километров тянутся и по склонам гор, и среди скал, и по равнинам. Стальные рельсы связали Таджикистан со всей железнодорожной сетью страны; в горные районы и по Вахшской долине проложены узкоколейки. Сейчас в любой из районов республики можно попасть на рейсовом самолете.

Бурный расцвет экономики советского Таджикистана вызвал коренные перемены в его культуре, национальной по форме, социалистической по содержанию. В 1929 году во всей республике было всего 2 средних и 11 семилетних школ, а теперь количество школ исчисляется многими сотнями. Каждый год молодые учителя и врачи, инженеры и агрономы, геологи и ирригаторы выходят из университета и девяти институтов республики, пополняя ряды таджикской советской интеллигенции.

По развитию высшего образования наша республика оставила далеко позади не только все страны зарубежного Востока, но и многие капиталистические государства Европы. В Англии, например, один студент приходится на 520 жителей, а в советском Таджикистане — на 172 жителя.

Крупным научным центром стала созданная в послевоенные годы республиканская Академия наук. В ее институтах и лабораториях ведутся разносторонние исследования по естественным, техническим, гуманитарным дисциплинам.

Председатель Совета Министров Таджикской ССР Н. Додхудоев.

Таджикский народ гордится своими успехами в развитии искусства и литературы. Продолжая традиции основоположника современной таджикской литературы С. Айни, наши поэты, прозаики, драматурги создают новые и новые художественные произведения, достойные замечательной советской эпохи. Таджикские театры, танцевальные ансамбли, народные певцы-хафизы, коллективы художественной самодеятельности еще накануне Отечественной войны демонстрировали свое творчество в Москве и удостоились высокой оценки общественности.

Вторая декада таджикского искусства и литературы в столице СССР явится новым смотром наших возросших культурных достижений, будет служить дальнейшему развитию дружеских связей таджиков с великим русским народом и другими братскими народами социалистической Родины.

Замечательных успехов добился таджикский народ за годы Советской власти. Сейчас особенно ощутимо, какую счастливую судьбу открыл нашему народу Октябрь. Вместе со всеми трудящимися Советского Союза Таджикистан готовится торжественно отметить приближающуюся 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

ДВА БРАТА

На первой обложке этого номера журнала: два брата — Карим и Раджаб Исмаиловы. Оба они председатели колхозов, расположенных на территории Орджоникидзеабадского района, Таджикской ССР. Карим возглавляет колхоз «Москва», а Раджаб — имени Ленина.

Для обоих братьев нынешний год был знаменательным: старшего, Карима, вторично наградили золотой медалью «Серп и Молот», младшему, Раджабу, впервые присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сыновья батрака, братья Исмаиловы и сами немало побатрачили у местных баев.

В молодые годы они боролись с басмаческими бандами, потом учились и работали. Карим в 1930 году создал первый в районе колхоз.

Сельхозартели «Москва» и имени Ленина соревнуются между собою. Бывает, что Карим обгоняет Раджаба по хлопку, а Раджаб — Карима по животноводству. Случается и наоборот.

В колхозах применяются новые методы возделывания хлопчатника: более узкие междурядья, квадратно-гнездовое размещение растений и, главное, использование машин на культивации как вдоль, так и поперек рядков.

В 1956 году в колхозе «Москва» с площади 720 гектаров собрано и сдано государству в среднем 41 центнер хлопка с гектара; лишь на один центнер отстал колхоз имени Ленина.

Кроме хлопчатника, здесь возделываются зерновые, масличные, а в долине, по соседству с хлопковыми полями, расположились сады и виноградники, крупные массивы овощей и картофеля. На фермах колхозов — многотысячные стада скота. Сельхозартели ведут большое культурно-бытовое строительство: строят жилые дома, детские ясли, благоустраивают кишлаки.

Я. НАЛЬСКИЙ

Вечный свет

Поэма

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ОЖИДАНИЕ

Среди надежд, сомнений и тревог
Я эту ночь провел, заснуть не мог.

Давно затих мой дом и весь квартал,
А я не спал, я ждал и трепетал.

Я муки причинял кудрям моим,
Меня за горло брал табачный дым.

К губам я пламя спички подносил,
Но, закурить забыв, ее гасил.

Всю ночь метался, потеряв покой.
Я взял перо дрожащею рукой:

Я думал, что спокойней стану сам,
Когда перу волненье передам.

Хотя к поэтам часто ночь добра —
Любви и вдохновения сестра, —

Я ничего не мог сказать пером,
А ночь весны росла, росла кругом.

Какая в сердце ночи тишина,
В какую тишь душа погружена!

Замолкли перекличка петухов,
И смех невест, и шепот женихов,

И птичьих крыльев плеск, и шум ветвей,
Задумавшихся о весне своей.

Я выбежал, как искра, в темный сад.
Увидел: звезды, как плоды, висят.

Их вывесил апрель, чтоб в эту ночь
И небу и земле цвести помочь.

Листы, весенней полные красы,
Облил он влажным жемчугом росы.

Цветов черешни трепетной рукой
Касался воздух с ласкою мужской.

В томительном предчувствии родов
Раскрыла слива лепестки цветов.

Фиалки у арыка расцвели,
Вдыхали розы чистый пар земли.

И падал, падал с виноградных лоз
Прозрачный сок весенних сладких слез.

Казалось, что земля изнемогла
От мощного весеннего тепла.

Деревья замечтались о плодах.
Был сад ночной в раздумье и в трудах.

Подобно мне, томится он давно,
В нем все насыщено, напряжено.

Подобно мне, исполненный забот,
Трепещет он, тревожится и ждет...

Деревья, вас взрастил я в добрый час,
И днем и ночью охранял я вас,

Я драгоценной не жалел воды,
Я принял ваши первые плоды.

Пришла пора цветения опять.
Возможно ли в такую пору спать!

И мы не спим, деревья, мы не спим,
Волнуемся волнением одним.

Мы вместе будущего ждем; оно
В листах, в цветах, во мне зарождено.

Стремлюсь я в дом, где жизни дышит цвет,
Где человек рождается на свет.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Над снежной белизной таджикских гор
Рассвет свое сиянье распростер.

Вошел я в дом, где радостно кричат,
Был не по росту белый мне халат.

Вошел я в дом, где первый детский крик,
Как первый гром, прекрасен и велик.

Один лежит в свивальнике, молчит,
Другой кричит и ножками сучит,

А третий, хоть закрыл глаза пока,
Уже свой рот раскрыл для молока.

Того несут, того берут назад...
Чтоб не ошибся материнский взгляд,

Висят на их ручонках номерки...
Ах, будущие вы озорники!

Свое дитя всегда сумеет мать
Не по лицу — по голосу узнать.

Тот голос для нее — с вселенной связь,
Он в ней живет, в душе укоренясь.

Вот няня, юной свежестью блестя,
Выходит, на руках держа дитя.

Совсем еще, смотрю я, молода,
Но счастлива, как мать, как мать, горда!

О, эта гордость! Как она слилась
С голубизной больших и чистых глаз!

Кто знает, чем живет ее душа!
Не собственного ль жаждет малыша!

Чтоб мальчик был кудряв, румян, пригож,
На одного товарища похож...

Каким теплом сердечным дом согрет,
Где человек рождается на свет,

Рождается — мы это признаем —
Во всем многообразии своем!

Вот этот, беленький, светлее льна,
Мила ему, как видно, тишина,

А этот боек, смуглолиц, курчав,
Уже он хочет шума и забав.

Один уже обрел свой цвет и вид,
Другой еще себя в себе таит...

Мужчина некий, гневаясь давно,
Заглядывает в узкое окно.

То вытащит карманные часы,
То черные покрутит он усы,

То станет в угол, волком он глядит,
На нянечку, на целый мир сердит.

Раскрыл он чашки глаз, бранит жену...
Но за какую тяжкую вину!

Жена отныне мужу не мила
За то, что мужу дочку родила!

Не хочет он ни слова ей сказать,
Не хочет видеть дочь, поздравить мать.

«Невежда! — я подумал, разозлясь. —
Ты пыль на нашем теле, пыль и грязь!

Молчи! Твою жену поздравлю я,
И девочку твою восславлю я!

Восславлю наших золотых подруг,
Их разум, прелесть их рабочих рук,

Восславлю дочь, с которою слита
И почесть матери и красота.

Ах, девочка, твой возраст меньше дня
Но вся страна уже твоя родня.

Ты родилась, чтоб радовалась мать,
Чтоб ты могла ей спутницею стать,

Чтобы служить народу своему —
Его борьбе, и сердцу, и уму.

А если средь свершений и надежд
Ты встретишь одного из тех невежд,

Кто не достоин женщину любить,
Стремясь ее унизить, оскорбить,

Так дай невежде с твоего пути
Несолоно хлебавши отойти...»

Вот акушерка двинулась на зов
Бессонных начинающих отцов.

Завидное спокойствие храня,
С улыбкою взглянула на меня:

— Устройте пир на весь Таджикистан:
У вас родился крепкий мальчуган!

Жена! Жена здорова, весела,
Она ведь целый мир приобрела,

Об этом вы не забывайте впредь...
На мальчика хотите посмотреть!

Я встал, от радости не чуя ног.
Так вот какой ты! Как дела, сынок!

Он губками пошевелил в ответ,
Как будто мне произнося привет,

И в сердце он ко мне вошел навек,
В свивальнике молчащий человек.

Не обижайся, девочкин отец,
Да будет спору нашему конец!

Ты девочкой, я мальчиком богат,
Пусть наши кубки вместе прозвенят.

Кто знает, чудный день придет, и вдруг
С тобой мы станем сватами, мой друг!

Я своему ребенку преподнес
Цветенье хлопка, виноградных лоз,

Вершин таджикских непорочный снег
И звонкий смех таджикских быстрых рек,

Я дал ему сады и города,
Я дал хлеб-соль народного труда,

Я дал ему с отарами луга,
Я дал народных песен жемчуга,

Я дал ему работы новизну,
Я дал ему Советскую страну!

Мечты, надежды, счастье, боль мою
Тебе я, мальчик мой, передаю.

О да, не только счастье, но и боль
Тебе в дорогу передать позволь.

Не только радость встретится тебе,
Готовься к новым схваткам и борьбе,

А я, отец, исток твоей судьбы,
Тебе вручу оружье для борьбы.

Скорей расти, мой сын, наследник мой,
Соратник, спутник, собеседник мой!

Ты в Азии издал свой первый крик,
И дом твой — азиатский материк,

Но в Азии счастливой ты рожден,
Где утвердился вольности закон.

Лежи, дыши спокойно и легко,
Кричи вовсю, пей, мальчик, молоко,

А я пойду, мне к поезду пора,
Сегодня встречи новой жду с утра.

Я новой встречи жду со стариком,
С писателем, который всем знаком.

Со стариком, что жребий знал раба,
С писателем, чья жизнь была борьба,

С борцом седым, чья борода светла,
Как жизнь народа, как его дела.

С ним породнилась Азии краса,
Ее сердец он слышит голоса,

А в Азии, вблизи и вдалеке,
Кто не слыхал об этом старике!

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Зовется это здание «Вокзал» —
Прозаик, видно, так его назвал,

А я хочу, свою рифмуя речь,
Его Вратами Города наречь.

Отсюда, где всегда шумит народ,
Начало юный город наш берет,

Отсюда, где всегда сердца кипят,
Берет начало наш Сталинабад.

Я помню, прибыл первый паровоз —
Столице новой счастье он привез.

К нам прибыл лес — веселый русский гость,
Железа первый лист и первый гвоздь,

И первое оконное стекло,
И братской дружбы жаркое тепло,

Чтобы открылся нам источник благ,
Чтобы столицей сделался кишлак.

Мне Куйбышева памятен приезд.
Пришли дехкане из окрестных мест,

Чтобы услышать Партии привет,
Когда столица родилась на свет.

Да, мы живем в такие дни, когда
Рождаются в Отчизне города.

И я стою у городских ворот,
Где человечьих дум водоворот,

Где поцелуев жар и горечь слез
Влюбленным возвещает паровоз,

Где провожают матери детей,
Где предо мною лучший из путей:

Из города, в котором я живу,
Отсюда рельсы тянутся в Москву.

И любо мне приют разлук и встреч —
Вокзал — Вратами Города наречь...

Я помню тень иных, старинных врат.
В те дни еще не умер эмират.

Обитель рабства помню я, Гиссар,
Мечеть я помню, площадь и базар,

Я помню, мимо городских ворот
В тоске и страхе проходил народ,

И видели бесправные рабы,
Как виселицы высились столбы,

А в подземелье, врыты в мрачный прах,
Несчастные томились в кандалах.

Я помню крепость, где сидел хаким —
Правитель, родом проклятый людским.

Нас грабить был обычай у него,
И были мы добычей для него.

Из Бухары, где властвовал эмир,
Нам через те ворота внешний мир

Оковы присылал, бичи, обман,
Угрюмого невежества туман.

А мы взамен, с проклятьем и тоской,
Эмиру отправляли груз другой:

Мы отправляли подати в казну
Эмира, обиравшего страну.

И деньги бедноты — печальный груз, —
Как слезы, были солоны на вкус...

Хотел кознелюбивый эмират,
Чтобы на брата шел войною брат,

Чтобы являлся взору человек
Лишь в толпах жалких нищих и калек!

Здесь даже быстроногая река
Так нашим горестям была близка,

Что — вся в морщинах — плакала навзрыд
От старых человеческих обид.

Стонали птицы здесь во мгле ночей,
Здесь лани убегали от ключей,

Здесь горевали воды родников,
Здесь выли псы о доле бедняков

И даже почернел тюльпан степной
От скорби, что стояла над страной.

Нередко в ярость приходил народ.
На площади у городских ворот

Он правды требовал, священных прав
Свой трепет перед сильными поправ,

И раздавались выстрелы в ответ,
И погибал народа лучший цвет.

Но через те ворота в гневный год —
Об этом не забудет наш народ —

Вошла свободы армия сюда,
Взошла впервые красная звезда.

Нам волю, обновление земли
Рабочие России принесли,

Они пришли, стране даруя жизнь,
Таджики обрели вторую жизнь!

Обрел ее и славный наш старик,
Пред ним забил бессмертия родник.

Он вышел из темницы в первый раз,
И новый, яркий день его потряс,

Он вышел с поднятою головой,
Впервые свет увидев над собой.

Он правдой оснастил свое перо,
Чтоб воевать за свет и за добро.

Он каплей света стал, и старика
Взяла к себе народная река,

Но был таков его лучей накал,
Что и в реке он мощно засверкал.

...Я жду его. Мне в этот час милей
Вокзал — ворота юности моей.

Подходит поезд. И вагон возник.
Стоит в дверях, я вижу, наш старик,

Такой, какой блуждал по Бухаре,
Такой, как на портрете в букваре.

С трудом, на палку опираясь, он
По трем ступенькам сходит на перрон.

Прищурясь, озирается вокруг.
Мы видим: истощил его недуг,

Ослабли зренье, голос и рука...
Мы крепко обнимаем старика,

И чутко наши слушают сердца,
Как бьется сердце мастера, творца...

Мы движемся по улице прямой.
Художник возвращается домой.

От каждой двери, каждого двора
Текут, текут к владетелю пера

Приветы, что поэзии сродни:
Народ встречает своего Айни.

Такого утра не было светлей!
Я встретил двух желанных мне людей:

Один издал сегодня первый крик,
Другой — любимый Родиной старик;

Один — ребенок мой, крылатый мой,
Другой — учитель мой, вожатый мой!

В САДУ

Теперь в саду я разговор начну,
Чтоб вы в саду увидели весну,

Чтоб вы нашли среди ее примет
Чудеснейшую — добрый, вечный свет.

Вот мы сидим с писателем вдвоем,
На нас прохладой веет водоем,

На столике — перо, бумажный лист,
А воздух так прозрачен, так душист,

Так самобытны птичьи голоса...
С тех пор прошло всего лишь два часа,

Как мы сюда с вокзала привезли
Учителя, певца родной земли.

И кажется: как слог его ясна,
Была среди встречающих весна!

Все ближе к старику, все горячей
Костер из тонких солнечных лучей.

Весенним дуновеньем вдохновясь,
Вкруг водоема травка поднялась,

И каждая травиночка была —
Как нежный луч весеннего тепла.

Дождь перестал три дня тому назад,
Глухого грома отгремел раскат.

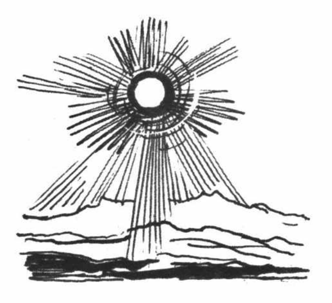
Все, что растет, как человек в пути,
Стремится к цели. Эта цель — расти!

По горлышкам цветов, листов и лоз
Так щедро солнце юга разлилось,

И вся земля, ее зеленый цвет
Преобразились в добрый, вечный свет.

Вот стебли к солнцу тянутся; они
И сами стали солнцем в эти дни.

Давно растаял утренний туман,
Кругом земля — как света океан,

И светом вся душа напоена,
И в ней поет весна, поет весна!

Сын Азии сидит передо мной.
Он стар, но тоже озарен весной,

Ему осталось жить не много лет,
Но нам дарит он молодости свет.

К такому свету, от него далек,
Тянулся он, как к солнцу стебелек,

Но света не давала та пора,
Его тогда не знала Бухара.

Сокрытый в темной келье ученик,
Не знал он: как, откуда свет возник,

Как в небе появляется заря!
Как светит месяц, землю серебря!

Как, пламенем рубиновым богат,
Вздыхает вздохом огненным закат!

Что видел он! Ему седой Восток
Являл гробов и саванов поток.

В ту келью, позабытую теперь,
Тогда через одну и ту же дверь

Входили воздух, люди, голоса
И узенького света полоса.

Не видел он из кельи медресе
Вселенной в солнечной ее красе.

Чернели только Азии дворы
Под куполами древней Бухары.

Там человечья кровь лилась, бурля,
Смердела трупным запахом земля,

Молитву смерти там шептал арык,
И только муэдзина резкий крик

Давал понять, что, мол, проснулся день
Или вечерняя ложится тень.

И тускло, тускло, как трава в росе,
Мерцал светильник в келье медресе,

Давая слабый свет его глазам.
То этим светом был Омар Хайям,

То Саади пылал огнем строки,
То пламенел певучий Рудаки.

От мусульманских истин прописных
Увлек его к познанью ясный стих.

От жалкой слепоты спасло его
Поэзии народной волшебство.

В одной поэзии он черпал свет,
В ней находил отраду и ответ...

Сказал ему коварный эмират:
— Все те, кто ищет света, зло творят.

Искал и жаждал света в келье ты,
Теперь погибнешь в подземелье ты!

Его подвергли пыткам палачи,
На дно колодца бросили в ночи.

Он задыхался, слабый и больной,
Как вдруг проник в темницу свет дневной.

Тем светом, по признанью старика,
Явилась брата русского рука.

Так был он Революцией спасен,
Так был он заново на свет рожден.

Ничто, ничто не сохранилось в нем
От той поры, когда он был рабом,

Лишь на спине рубцы нам говорят
О том, что был когда-то эмират...

Искатель света и писатель книг,
Впервые силу света он постиг,

Впервые принял он из рук страны
Светильник правды, разума, весны,

В нем вспыхнули огонь и страсть борца,
И он таджиков озарил сердца.

Он тысячи сердец к себе привлек...
Не в нем ли воплощается Восток!

Как он, Восток бесправен был и слаб,
На дно темницы брошен был, как раб,

Но вот свободы свет к нему проник,
И молодость обрел Восток-старик.

В нем вспыхнули борца огонь и страсть,—
Насильников он сбрасывает власть!

Еще их танки в Азии слышны,
И дышит Запад запахом войны;

Еще Восток пожарами объят:
То нефть горит, ее столбы дымят;

Еще захватчик превращает в прах
Дома, в которых трудится феллах;

Но вечный свет уже узнал Восток,
Отныне он в борьбе не одинок.

Его союзник — юная весна,
Его противник — новая война...

Сидим вдвоем, глядим на водоем,
А я о сыне думаю своем.

Не для войны пришел он в этот мир,
И мне пора друзей созвать на пир,

Давно пора поведать им о том,
Что новым счастьем мой украшен дом.

Тогда я посмотрел на старика,
Чья участь высока и широка.

Увидел глубину его морщин,
Увидел чистоту его седин.

В его глазах, где мысль была жива,
Прочел я поздравления слова.

Казалось мне, что говорит Айни:
— Ты человека с деревом сравни.

Цветя на солнце, зреет в добрый час,
Ни засухи, ни ветра не страшась.

Чем больше у него в земле корней,
Тем человек красивей и сильней.

Когда с бедой ты хочешь бой вести,
Ты корни в почву Родины пусти.

ОНИ БОРОЛИСЬ С БАСМАЧАМИ

Это было в 1921 году. Ибрагим-голю, что значит Ибрагим-вор, вместе с бандой басмачей вырезал в Кулябском районе сотни дехкан. После этого вор переименовал себя в бека. Всюду, где проходили его банды, дымились пепелища и лилась кровь... Ибрагим-бек хвастал новенькими английскими пистолетами и пробовал точность их боя на головах младенцев. Бухарский эмир, живший на английские деньги, назначил Ибрагим-бека главнокомандующим всеми басмаческими силами.

Советская власть несла в кишлаки книгу, бандиты Ибрагим-бека сжигали школы и закапывали учителей живыми в землю. Советская власть несла в кишлаки медицину, Ибрагим-бек вешал врачей. Дехкане готовились к весеннему севу, Ибрагим-бек сжигал их дома и угонял скот.

Муком Султанов учился военному искусству на фронтах гражданской войны, сражаясь под командованием Фрунзе. Став в 1930 году председателем колхоза «Кзыл Юлдуз», он организовал отряд краснопалочников. Вооруженные подчас только палками — отсюда и название этих добровольческих отрядов,— колхозники защищали свои дома и поля от набегов бандитов.

Весной 1931 года Ибрагим-бек сколотил остатки басмаческих банд и начал широкое наступление, стараясь в угоду своим зарубежным хозяевам помешать борьбе трудящихся Средней Азии за хлопковую независимость Советского Союза.

Пятьдесят тысяч краснопалочников поднялись против Ибрагим-бека. Правительство республики обратилось к бойцам и командирам Красной Армии с воззванием: «Через голову Ибрагим-бека — к мирному строительству национальной культуры и хозяйства!» Таджикистан превратился в боевой лагерь.

После кровопролитных боев, потеряв много убитыми и ранеными, потерпев сокрушительное поражение, Ибрагим-бек бежал в горы. Словно затравленный зверь, он двигался ночью, прячась днем в ущельях. Но и в горах он не чувствовал себя в безопасности. По пятам его преследовали отряд Мукома Султанова и славный десятый кавалерийский полк ОГПУ. Ибрагим-бек последнюю ставку делал на побег за кордон. Спустившись по восточным склонам Бабатага к реке Кафирниган, Ибрагим-бек рассчитывал пробиться к границе. Запутав следы, он ушел от преследования.

...Однажды в сопровождении казначея Саттарбы и своего секретаря Али он во весь опор несся на коне по извилистой дороге. На хлопковых полях работали люди. Красноармейцев и добровольцев поблизости не было. Ибрагим-бек пришпорил коня. Колхозники увидели всадников. Когда пыль рассеялась, кто-то заметил:

— Зачем в полдень мчаться так быстро? Почему бы всадникам не остановиться, если они честные люди, не поговорить с нами, не выпить холодной воды? А не похож ли тот высокий, что скачет в середине, на Ибрагим-бека?

И немедля с хлопкового поля в сторону, противоположную той, куда пронесся Ибрагим-бек, побежал колхозник. Он задыхался, сбивал ноги об острые сухие глыбы земли, но не остановился, покуда не нашел Мукома Султанова. Услыхав, в чем дело, Султанов отдал приказ:

— По коням!

Вечером Ибрагим-бека схватили. Этот день был объявлен в республике днем народного праздника. Басмачество было разгромлено до конца.

— После этого я повесил винтовку и взял в руки кетмень. Мои товарищи, как и я, дрались за хлопок, за зажиточную жизнь... Вот и все,— рассказывает Муком Султанов, ныне персональный пенсионер, депутат Верховного Совета Таджикистана.— Если вы считаете меня героем, то ведь таких у нас много.

Он знакомит нас с Бубухоль Абдуррасуловой. Она была с 1928 по 1932 год председателем кишлачного Совета «Лахур». Ее подругу, героиню таджикского народа, Зайнаббиби Курбанову, председателя Локай-Таджикского райисполкома, зверски убили басмачи. Не страшась врагов, Бубухоль призывала народ бить басмачей, как бешеных собак. Славное прошлое и у Рахимджана Ильмуратова. Начиная с 1919 года он воевал с белыми бандами, басмачами. За заслуги в гражданской войне он награжден Бухарским народно-революционным орденом, а за боевые заслуги в Великой Отечественной войне — двумя орденами и семью медалями.

Ю. КАТИН

М. Султанов (второй слева) и колхозники-пенсионеры И. Хаджиматов, М. Айдарбоб, Ф. Мородов.

Фото Н. Козловского.

Тогда хорошим будешь ты отцом,
Когда ты сына вырастишь борцом,

Тогда ты в сыне возродишься вновь,
Когда зажжешь в нем к Родине любовь.

Восток сравню я с горною страной,
Я знаю, согласишься ты со мной.

Мы любим края горного простор.
Как много света на вершинах гор!

Отрада — в родниках, ключах его,
Шатер из снега — на плечах его!

Но есть и зарубежный горный край,
Ты на него с сочувствием взирай.

Спокойны с виду в том краю леса,
Но в них слышны смятенья голоса;

Там загнанная лань в тревоге ждет
Спасенья от капканов и тенет.

Там есть ущелья средь высоких скал,
Куда ни разу свет не проникал,

Лишь мрак и смерть в ущельях
ты найдешь —
Все то, что в прежних кельях ты найдешь!

Пускай твой сын поймет, где старый враг,
Пускай твой сын развеет этот мрак,

Пускай поможет он друзьям в беде,
Пускай он искрой искрится везде.

Пускай повсюду он ломает гнет,—
И свет его в попутчики возьмет.

Сын для народа — память об отце.
Свет будущего — на его лице.

* * *

Читатели, для вас, друзей моих,
Событья утра заключил я в стих.

В то утро, упоительно нежна,
Сверкала азиатская весна.

Апрель-садовник обходил сады,
Смотрел, как наливаются плоды.

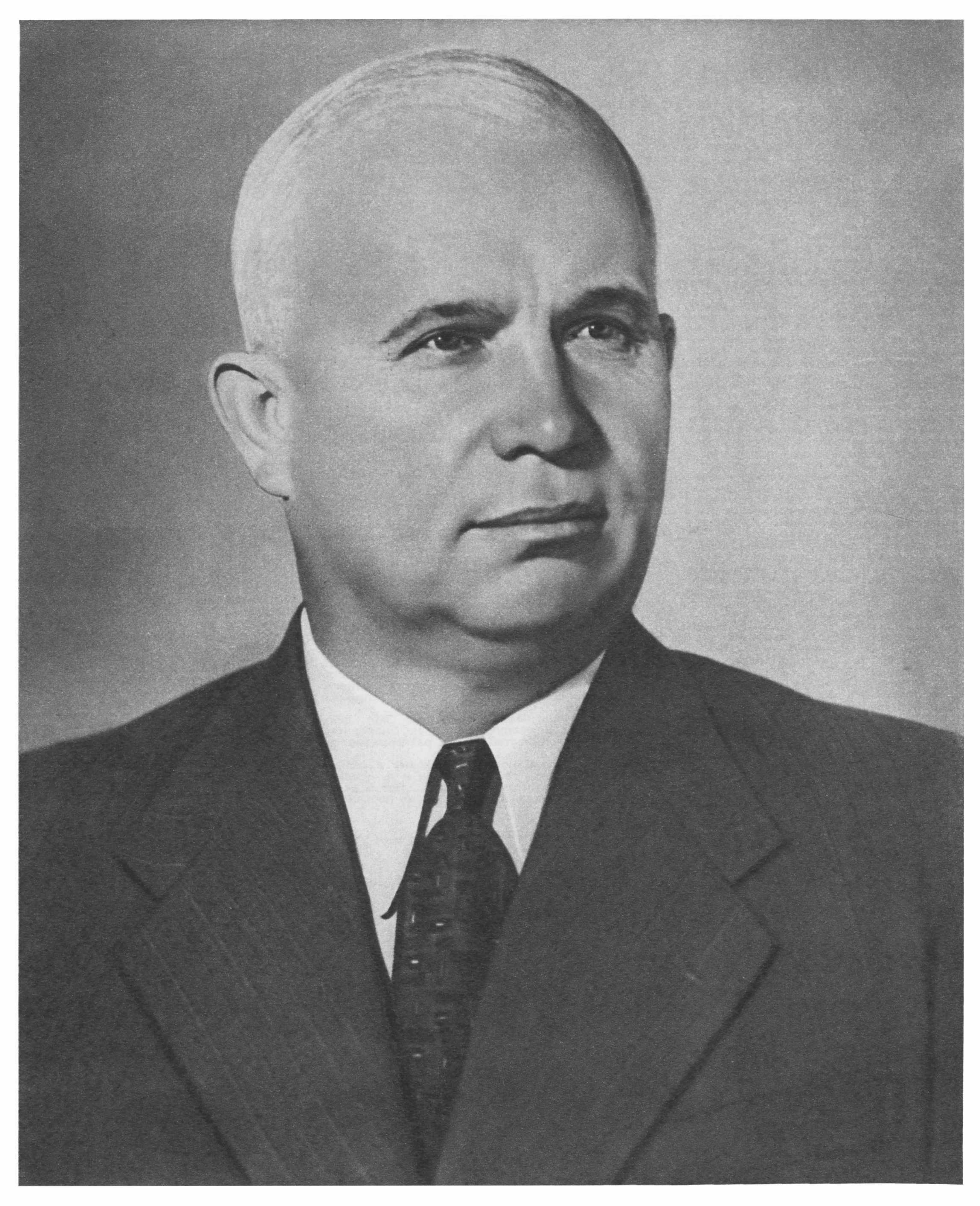
Забуду ли, как тот, кто всех родней,
Мне сердце открывал на склоне дней!

Забуду ли, сынок, что в ранний час
Твой голос я услышал в первый раз!

Перевел с таджикского
С. ЛИПКИН.

Таджикские писатели Д. Икрами, А. Дехоти, С. Улуг-зода, М. Турсун-заде и А. Шукухи.
Фото О. Кнорринга.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О награждении Первого секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда ХРУЩЕВА Н. С. орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот»

Отмечая выдающиеся заслуги Первого секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Хрущева Н. С. в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель, наградить товарища **Хрущева** Никиту Сергеевича орденом **Ленина** и второй золотой медалью **«Серп и Молот».**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 8 апреля 1957 г.

Искусство таджикского народа

В Москве с огромным успехом проходит декада таджикской литературы и искусства. Деятели искусства и литературы, ведущие творческие коллективы Таджикистана, демонстрируют в столице СССР свои достижения.

Три ведущих таджикских театра привезли на гастроли лучшие свои спектакли. Большие, разнообразные программы подготовили к декаде музыкальные ансамбли, солисты, представители художественной самодеятельности.

В Музее восточных культур открылась выставка таджикского изобразительного и народно-прикладного искусства.

На экранах столичных кинотеатров идет показ таджикских художественных и документальных фильмов.

Москвичи тепло и сердечно встречают дорогих гостей — посланцев таджикского народа.

В филиале Большого театра СССР состоялся первый гастрольный спектакль Таджикского театра оперы и балета имени С. Айни — балет «Дильбар» А. Ленского.

На снимке: руководители партии и правительства приветствуют таджикских артистов.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Здравствуй, завод и шахта!

В коридорах огромного здания министерства нефтяной промышленности СССР во время обеденного перерыва то здесь, то там собираются группы людей.

— Вы куда?

— Пока еще не знаю. А вы?

— Я в Сибирь.

— Интересная работа?

— Очень. А самое главное, творческая.

Работники министерства, как и все трудящиеся Советского Союза, с огромным удовлетворением встретили решения февральского Пленума ЦК КПСС и тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева. В министерстве, как и всюду, идет оживленное обсуждение вопросов совершенствования организации управления промышленностью и строительством. Многие товарищи выражают желание уехать на периферию— на заводы, фабрики, шахты.

В управлении, ведающем строительством новых предприятий, знакомимся с инженером Р. Г. Блок. Ее специальность — контрольно - измерительные приборы. Она одна из первых изъявила желание пойти на производство.

— Решила поехать в Рязань на завод. В Рязани мне предоставляют хорошую жилплощадь, интересную работу. А главное, что меня прельщает на предприятии,— самостоятельность, возможность работать по-новому, смелей, напористей.

В этом же здании помещается министерство угольной промышленности СССР. Здесь работает заместителем начальника отдела эксплуатации инженер Виктор Григорьевич Птицын. Он опытный горняк, изъездивший всю страну, работавший на Сахалине, в Сибири, на острове Шпицберген, в Донбассе.

— Я получил образование благодаря Советской власти. Так кому же, как не мне, откликнуться на зов партии! Конечно, я поеду на производство. И уже знаю, куда: в Донбасс, на шахту № 30. Скажу откровенно, на предприятии время бежит быстрее, да и работать веселей, интереснее. Потом такое соображение: я долго был на практической работе, накопил интересные материалы о проблеме крепления в забоях. И за три года работы в министерстве никак не нашел времени обобщить накопленный материал. А на шахте наверняка сумею, сама жизнь заставит. Мне кажется, что особенно интересно окунуться в производство молодым специалистам: это расширит их кругозор, по-настоящему познакомит с жизнью. Условия на местах будут, безусловно, созданы. Только трудись как следует.

Р. Г. Блок.

В. Г. Птицын.

Участники первой советской антарктической экспедиции возвратились на родину. В Рижском порту собрались тысячи трудящихся, чтобы встретить отважных зимовщиков. Сюда же прибыли родные и близкие. На снимке: встреча геолога П. С. Воронова со своей дочкой Ингой.

Фото Б. Вдовенко.

ПОДВИГ

Это было за несколько лет до начала Великой Отечественной войны, когда вражеские самолеты пытались нарушить границы нашего государства.

Летчик Белоусов по тревоге поднял свой истребитель в воздух. В этот день стоял туман, а тут еще пошел густой, тяжелый снег. Сесть на аэродром было очень трудно. Во время посадки пламя охватило бензобаки. Загорелось обмундирование. Превозмогая боль, Белоусов посадил машину, оборвал ремни, спрыгнул на землю и, катаясь по снегу, пытался потушить огонь...

Врачи поражались выдержке и воле больного. Когда его привозили на очередную операцию, он в шутку говорил хирургам: «Не пора ли нам кончать наводить красоту, не барышня я, летать надо». Это был необычный больной, у него не было... лица.

Тридцать вторая пластическая операция на лице закончилась в середине дня. Больного увезли в палату, чтобы через несколько дней снова взять в операционную.

Тяжелые испытания не сломили воли мужественного человека. Он снова вернулся в боевую семью советских летчиков.

Июнь 1941 года застал Леонида Георгиевича на Ханко. Советские асы — истребители эскадрильи, которой командовал Белоусов,— отважно защищали с воздуха осажденную морскую базу.

Однажды, возвратясь на аэродром с боевого задания, Белоусов почувствовал сильную боль в ногах: у него начался гангренозный процесс. Впервые Леониду Георгиевичу пришлось лететь на самолете в качестве пассажира. В алма-атинской клинике ему ампутировали обе ноги. И, несмотря на это, он снова уехал на фронт.

Было, конечно, нелегко. Потребовалось большое упорство, тренировки. И вот настал день, когда гвардии майор Белоусов поднялся в воздух на новом боевом истребителе. Снова имя Белоусова гремело по всей Балтике. Много воздушных боев провел он над Кронштадтом, Ленинградом, прикрывал с воздуха ледовую трассу на Ладожском озере. Дважды Белоусову вручали боевые награды. Его подразделение совершило сотни боевых вылетов.

Подвиги морского летчика гвардии майора Белоусова не забыты, о них помнят и сейчас на Балтике. Фронтовые друзья часто посещают своего боевого товарища. Мужество Белоусова высоко отмечено страной.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Леониду Георгиевичу Белоусову за образцовое выполнение боевых заданий командования в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом доблесть и геройство присвоено звание Героя Советского Союза.

П. КОНСТАНТИНОВ

Л. Г. Белоусов с семьей. →

В колхозе имени Хрущева начался сев хлопка. Председатель колхоза Пулат Бабаев и бригадир Герой Социалистического Труда Бизумрат Абдуллаева проверяют заделку семян.

Весна на Вахше

С. МОРОЗОВ

Пулат Бабаев приподнял одну из бесчисленных рам, прикрывающих траншею. Там, в яркой листве густого кустарника, золотились крупные лимоны, источая нежный аромат спелости. Над соседними траншеями колхозники тоже приподнимали рамы. Покатые застекленные крыши, промазанные сверху глиной для защиты от зимних холодов, пестрели окнами, в глубине которых буйно зеленели цитрусовые заросли. Теперь, когда солнце припекает час от часу жарче, уже нет нужды сберегать в траншеях искусственное парное тепло, так хорошо сохранившее плоды, оставленные кое-где на ветвях еще с осени.

— Для гостей оставили, чтоб похвастаться, — продолжал Бабаев. — К нам на Вахш даже из Грузии гости приезжают, Владимира Ивановича земляки...

Невысокий, худенький Владимир Иванович Цулая глянул на рослого и плотного Бабаева, лукаво прищурился:

— Ох, насмешили меня земляки мои в прошлый раз! И у вас в колхозе и у нас на станции все траншеи облазили, а потом толкуют меж собой, что в сухих субтропиках, тут, на Вахше, лимоны лучше растут, чем в Грузии. По-грузински говорят, естественно. А я слушаю да посмеиваюсь про себя. Не признали меня грузины за земляка, зато лимоны наши таджикские признали!

Председатель колхоза имени Хрущева Пулат Бабаев и заместитель директора вахшской опытной станции субтропических культур Владимир Цулая — ровесники, давние соседи и добрые приятели. Более двадцати лет назад, почти одновременно, обосновались они здесь. Таджик Бабаев — комсомолец-хлопкороб, переселившись в долину Вахша из северных районов республики, создавал тут один из первых колхозов. Грузин Цулая приехал в Таджикистан из Сухуми с новеньким дипломом агронома-цитрусовода.

Не очень-то гостеприимно встретил тогда новоселов выжженный солнцем, опаленный суховеями необжитый край. Но тысячи дехкан пошли по призыву партии в трудовую армию Вахшстроя. Десятки экскаваторов рыли каналы новой оросительной сети, на сотни километров протянулись от берегов Вахша искусственные русла, и по ним к полям устремилась вода. Обновилась таджикская земля.

Потому-то сегодня так весел седой Пулат Бабаев, гордый успехами своего колхоза. Конечно, в сравнении с хлопчатником лимоны — дело второстепенное. Доход от хлопка исчисляется десятками миллионов, а на лимоны пока только одни расходы. Но жалеть не стоит — уже в прошлом году колхозники собрали более ста тысяч плодов. Еще один такой урожай, и все расходы окупятся.

Колхоз имени Хрущева своими успехами в разведении цитрусовых подал пример всему Кагановичабадскому району. Сложное, разносторонне развитое хозяйство в этой артели. Десятки тысяч чистопородных овец пасутся в отарах. Одного каракуля, мягкого драгоценного меха, каждый год сдается государству на полтора миллиона рублей.

Вечером в колхозной гостинице дехкане угощали нас жирным пловом, вяленым виноградом, сочными гранатами, медом, душистым кок-чаем. Вместе с Бабаевым за столом сидели Бизумрат Абдуллаева — Герой Социалистического Труда, мастерица хлопка, знатный цитрусовод Нурмат Нурматов, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. В открытые окна виднелись аллеи молодого парка — стройные туи и сосны, — а вдали шумели под ветром еще не одетые листвой деревья фруктового сада.

— Все растет теперь на вахшской земле, — говорил Бабаев, — и хлопок, и лимоны, и даже лес.

Из тонкого и прочного вахшского хлопка ткут гибкий корд для автопокрышек и приводных ремней, нежнейший батист. Только в очень жарком, субтропическом климате вызревает это шелковистое волокно. Еще недавно, каких-нибудь 30 лет назад, тонковолокнистый хлопок был для нашей промышленности заморским гостем — «египтянином».

Изнеженный африканским солнцем «египтянин» прижился на юге Таджикистана, где нередки суровые зимы.

В конце двадцатых годов при опытных посевах в Вахшской долине он давал лишь по 2—3 центнера с гектара вместо 17 у себя на родине. Менее третьей части всех коробочек «египтянина» успевало раскрыться до первых заморозков. И тогда ученые путем отбора и скрещивания начали выводить свои сорта, более скороспелые. «23-й», «504-В», «5230-В» — красноречивая нумерация! Многие тысячи новых сортов, испытанных в «лаборатории хлопка», занесены в селекционный каталог. И десятки из них выстояли, получили право на жизнь, широко применяются в массовых посевах хлопкоробами Вахшской долины.

Сколько самых разнообразных требований и пожеланий надо учитывать, создавая новые сорта! Текстильщикам подавай волокно строго определенных размеров — ни на миллиметр короче или длинней. Агрономы хотят, чтобы на каждом гектаре умещалось возможно больше растений: удобней обрабатывать и убирать машинами.

Годами приспосабливаются, совершенствуются растения на опытных участках республиканского института земледелия, годами «воспитывают» ученые новые сорта.

Селекционерам Таджикистана есть чем гордиться: советский тонковолокнистый хлопок, вызревающий теперь на вахшских землях, плодоносней и жизнеспособней своего заморского прародителя. Не менее 26 центнеров с гектара снимают хлопкоробы крупнейшего в долине района — Курган-Тюбинского.

...Где только не повстречаешь вахшскую воду, путешествуя по долине!

— Принято считать, что Вахш покорен. Так ли? — произнес Владимир Алексеевич Старов, начальник ирригационной системы, давний старожил долины. И после паузы продолжал:

— Полюбуйтесь-ка на эту картину.

Под левым, равнинным берегом, где массивными бетонными воротами начинается магистральный канал, тянутся наносы гальки, загромождая подход к водоразбору. А река, прорыв новое русло, мчится далеко отсюда — под правым, гористым берегом.

Мы поднялись на головное сооружение канала, глянули вниз, и русло, вырубленное в скале, предстало перед нами узким, глубоким ущельем. Оно казалось еще глубже от высоких насыпей камня, поднимающихся над берегами.

— Все это добыто за зиму со дна канала, — пояснил Старов, — добрых три миллиона кубов перелопатили тут экскаваторы. Вот сколько камня тащит Вахш из гор за собой!

Теперь, когда русло канала очищено, нужно повернуть поток к левому берегу, подвести реку вплотную к головному водозабору. Для этого реку перегораживают «шпорой» — массивной каменной дамбой, которая растет прямо на глазах. Один за другим катят к дамбе самосвалы, загружая камнем бревенчатые клети ряжей. Ряжи затопляют. Скоро гигантский взрыв обрушит на них с правого берега гору весом 80 тысяч тонн. И тогда река повернет к левому берегу. Наряду с ремонтом оросительной системы на Вахше идет и капитальное строительство по плану шестой пятилетки.

Там, где река прорывается на равнину из сжимающих ее хребтов Кара-Тау и Сарсарияка, поднимется плотина. За нею в ущелье образуется водохранилище. Оно создаст напор для турбин мощной Головной гидростанции и будет регулировать питание всей ирригационной системы долины.

Стройка Головной ГЭС только начинается. Растет новый город — Калининабад. Жители его — кадровые гидростроители, перебравшиеся на Вахш из Каховки, и таджики — недавние колхозники окрестных кишлаков. Нынешней весной они избрали свой первый городской Совет.

От Калининабада на юг тянется по равнине шеренга стальных мачт, пока еще не одетых проводами. Это будущая линия электропередачи для второй строящейся гидростанции — Перепадной, которая сооружается на магистральном канале.

Ни рек с крутыми берегами, ни твердых грунтов — всего того, что обычно необходимо для гидростроительства, — не было и в помине в плоской, засушливой степи. Все это создают здесь своими руками советские люди. Они решили взять от Вахша не только влагу, но и энергию. Решили и возьмут!

На хлопкозаготовительном пункте в Кагановичабаде.
Фото И. Тункеля.

«Огонек».

Река Вахш выходит из гор на равнину.

В ВАХШСКОЙ ДОЛИНЕ

Новый поселок в колхозе имени Булганина, Курган-Тюбинского района.

В ИСТОРИЧЕСКИЕ АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ

3 (16) апреля 1917 года петроградским большевикам стало известно, что поздним вечером, после долгих лет вынужденной эмиграции, в Россию возвращается Владимир Ильич Ленин. В тот день заводы по случаю пасхальных праздников не работали. Газеты не вышли. Оповестить рабочих о приезде вождя революции было не так просто.

— Большевики Выборгской стороны,— вспоминает бывший токарь завода «Старый Лесснер», ныне персональный пенсионер Николай Федорович Свешников,— вышли на улицы с кумачовыми полотнищами, на которых были начертаны радостные слова: «Сегодня приезжает Ленин!»

За Нарвской заставой связные обходили одну квартиру за другой и из уст в уста передавали весть о приезде Ильича.

— Свыше двух тысяч путиловцев направились к Финляндскому вокзалу,— рассказывает ветеран революции, старый кадровый рабочий Кировского завода Михаил Гаврилович Алексеев.— Впереди шли вооруженные дружины, за ними рабочие со знаменами и факелами. По пути следования к нам присоединялись колонны соседних заводов и фабрик, отряды солдат и матросов.

Волнующая встреча с Владимиром Ильичем произошла уже на станции Белоостров. А у Финляндского вокзала негде было упасть яблоку, так тесно сгрудились тысячи людей.

Протискиваясь сквозь густую толпу навстречу Ленину, шедшему к броневику, торопился кузнец завода «Новый Лесснер» Афанасий Селицкий. Ему было дано важное поручение — вручить Владимиру Ильичу Ленину билет члена партийной организации Выборгского района.

— Возникла эта мысль вот как,— вспоминает бывший казначей партийной организации Выборгского района Николай Федорович Свешников.— Мы знали, что скоро из эмиграции возвращается Ильич. И вот мы решили оставить партбилет для Владимира Ильича. Пробившись с трудом через людское море, Афанасий Селицкий улучил удобный момент и вручил вождю революции партийный билет № 600. Так Владимир Ильич стал членом партийной организации Выборгского района. Когда в других районах узнали, что мы вручили Ленину партбилет, они долго не переставали удивляться, как это мы их всех обскакали... Позже, уже в мае, Ильич приходил в райком платить партийные взносы.

С вокзала Владимир Ильич направился в особняк Кшесинской, где в то время помещались Центральный и Петроградский комитеты партии. Путь от вокзала к особняку, обычно занимающий десять минут, на этот раз продолжался около двух часов. Броневик, зажатый густой толпой, то и дело останавливался.

Было далеко за полночь, когда броневик подошел к особняку Кшесинской, где собрались активисты Петроградской партийной организации. На столе был приготовлен чай. Не отдохнув после утомительного пути, Ленин тут же попросил ознакомить его с положением дел.

Владимир Ильич жадно слушал всех, сам задавал вопросы. Беседа не раз прерывалась. Ленин трижды выходил на балкон и отсюда выступал перед собравшимися.

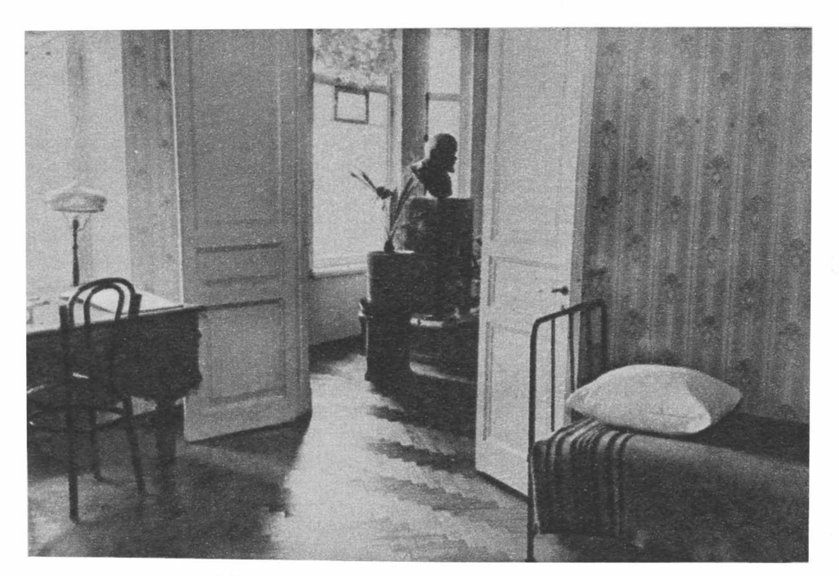
Мемориальная доска на фасаде особняка, в котором сейчас создается Музей Великой Октябрьской социалистической революции, напоминает об исторической апрельской ночи.

— Наше совещание закончилось пением «Варшавянки»,— вспоминает В. П. Виноградов, бывший рабочий Металлического завода.— Уже рассветало, когда мы вышли на площадь. У всех было на душе легко и радостно: с нами снова был великий вождь!

В это утро Владимир Ильич пришел в дом 48/9 на Широкой улице, ныне носящей его имя. Здесь он поселился в простой, скромно обставленной квартире своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. В этой квартире, превращенной в музей, есть фотокопия листка из домовой книги, хранящейся в филиале Музея В. И. Ленина в Ленинграде. Когда 4 апреля в доме появился новый жилец, старший дворник потребовал паспорт, спросил, как прописать. «Как обычно прописываете?» — поинтересовался Ленин. Дворник ответил, что это зависит от звания человека: скажем, торговец, купец, дворянин. А вот жена титулярного советника Бородавкина с дочерью живут на капитал, так они и записаны в домовой книге: «Живут на капитал». При слове «капитал» Владимир Ильич улыбнулся и сказал, что он тоже живет на капитал. И вот в домовой книге против фамилии Ульянова было записано: «Живет на капитал».

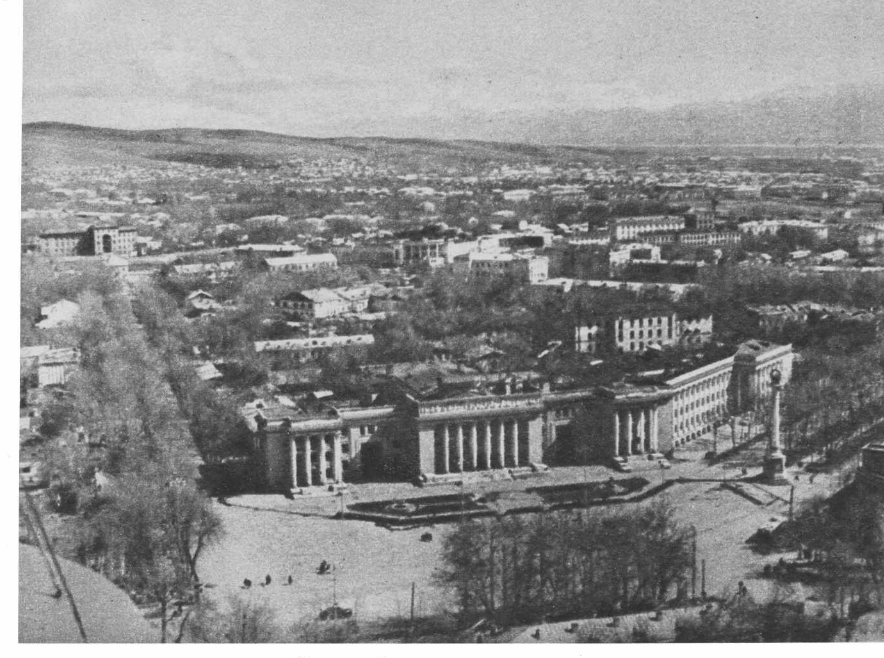
Ничем не приметная до этого квартира в доме 48/9 по улице Широкой вошла в историю. На другой день после приезда в Петроград Ленин из этой квартиры направился в Таврический дворец, где выступил с докладом о задачах революционного пролетариата. То были знаменитые Апрельские тезисы.

К. ЧЕРЕВКОВ

В квартире-музее В. И. Ленина на Петроградской стороне, где вождь революции жил с 4 (17) апреля по 5 (18) июля 1917 года.

Фото Б. Уткина.

Сталинабад с воздуха.

Фото Н. Козловского.

ПРОГУЛКА ПО СТОЛИЦЕ

Абдусалом ДЕХОТИ

Лишь только покинешь вокзальное здание, перед глазами открывается широкая площадь. На противоположной ее стороне берет свое начало самая длинная улица Сталинабада — столицы Таджикистана — улица имени Ленина. Можно проехать по ней на троллейбусе, но лучше пройтись пешком по тенистой аллее. Каждую весну здесь зацветают фруктовые деревья: миндаль, алыча, абрикосы.

В двухстах метрах от привокзальной площади возникает еще одна площадь, сооруженная полукругом. В центре ее высится памятник. Пожилой человек сидит с книгой в руке, другая — опирается на посох. Это родоначальник таджикской советской литературы Садриддин Саидмурадович Айни.

Движемся дальше. По левой стороне — великолепное здание, утопающее в зелени, обнесенное серебристо-белым решетчатым забором,— Таджикский государственный университет. Он существует около десяти лет; сотни его воспитанников в городах и отдаленных горных местностях распространяют знания.

Рядом с университетом — Академия наук республики. Это научное учреждение на несколько лет моложе своего соседа. В его институтах решаются важнейшие проблемы народного хозяйства, а прежде всего изыскиваются высокоурожайные и быстросозревающие сорта хлопчатника, находят новые пути использования естественных богатств.

Минуя Государственный банк, мы вновь оказываемся на просторной площади. Символически звучит ее наименование: площадь Москвы. Посреди площади бьет фонтан, водяные струи которого достигают пятнадцатиметровой высоты, а вокруг множество маленьких фонтанов, цветники, деревья, зеленые кусты.

С восточной стороны площади словно поднимается к небу здание Таджикского театра оперы и балета имени Садриддина Айни, который обычно называют Большим театром Сталинабада.

С северной стороны площади расположен 68-квартирный жилой дом. Заглянем в него. Просторные, светлые комнаты, ванные, все удобства. Вероятно, дети, выросшие здесь, убеждены, что именно так складывалась жизнь и их отцов, дедов... Они подрастут, сходят в краеведческий музей и тут увидят низкие, темные, крохотные лачуги, в которых начинали свою многострадальную жизнь их отцы и матери.

Но вернемся на улицы. Наше внимание привлекает еще одно великолепное здание — публичная библиотека имени Фирдоуси. Под ее сводами в знак нерушимой дружбы советских народов установлены бюсты семи гигантов искусства слова: Абулькасима Фирдоуси, Александра Пушкина, Максима Горького, Абу-Али Ибн-Сины (Авиценны), Низами Ганджеви, Абдуррахмона Джами и Тараса Шевченко. Более полутора миллионов томов насчитывает книжный фонд библиотеки, написаны они на десятках различных языков мира. В большом читальном зале мы читаем знаменитый байт Фирдоуси:

Знания молодят сердце старика,
Могуществен тот, кто овладел познанием!

Менее одного километра прошли мы по улице, далеко не каждый большой дом называли, но многое узнали о городе и о республике. Невольно приходит на ум пословица: «Часть — признак целого»...

Один мой друг-шутник четыре — пять лет назад выстроил себе дом на окраине города. Он тогда говорил:

— Мой дом имеет одно преимущество: чистый воздух сначала поступает сюда, а уж потом идет к другим.

И еще один друг, с другой далекой окраины, говорил:

— Нежный ветер реки ласкает сперва наши лица, а потом лица остальных.

В свое время они имели право гордиться этим. Но все меняется!.. Становится больше «потребителей» свежего воздуха гор и ласкового ветра с реки. Там, где живут мои товарищи, возникли широкие, прямые улицы, целые кварталы, школы и детские сады.

В Сталинабаде, не считая, пожалуй, «Вокзальной», нет такой остановки автобуса, которая долго считалась бы конечной. Давно ли улица Ленина оканчивалась у Педагогического института имени Шевченко! А потом появился «Школьный городок», и автобус пошел по маршруту «Вокзал» — «Школьный городок». Но и тут автобус не задержался. Соорудили Первый таджикский медицинский институт, появилась новая конечная остановка — «Медгородок». А затем — «Северный городок»...

Когда вступила в строй троллейбусная линия, автобус оставил свою конечную остановку, находящуюся на улице Ленина, в распоряжение троллейбуса, а сам двинулся на несколько километров дальше, в сторону новых промышленных предприятий Сталинабада.

На окраинах города сооружены текстильный и мясной комбинаты, бетонный завод, шелкоткацкая и шелкопрядильная фабрики. Растет рабочий класс, пополняются ряды технической интеллигенции.

Такова столица нашей республики — город новый, город, взращенный Октябрем,— Сталинабад!

Перевел с таджикского
М. ЕЛИСЕВИЧ.

В старой Бухаре

Из воспоминаний

Садриддин АЙНИ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Садриддин АЙНИ (1878—1954) — основоположник таджикской советской литературы. Его произведения переведены на многие языки народов Советского Союза. Широко известны русскому читателю его романы «Дохунда», «Рабы», повести «Смерть ростовщика», «Старая школа» и другие, а также книга воспоминаний «Бухара».

Здесь печатается глава из третьей части воспоминаний С. Айни, над которыми писатель работал до последнего дня своей жизни.

Шатаясь по бухарским вечеринкам, много разного народа встречал я, много разных людей узнал.

Большинство из встречавшихся мне были конюхами, возчиками, водоносами, каменщиками, плотниками, различными ремесленниками, скромными, общительными, сердечными людьми.

Не все из них были постоянными посетителями вечеринок, но те, которые ходили на них всегда и встречались мне часто, были народом остроумным, находчивым, живым, из тех, кто за словом в карман не лезет. Среди них было немало отличных чтецов стихов и даже сочинителей песен, хотя при всем этом они оставались совершенно неграмотными.

Они любили говорить не просто, а так, чтобы в словах их содержался двойной смысл; любили, понимали и знали шутку. Случалось, что, желая похвалить танцора или певца, в похвалу ему тут же слагали стихи.

Некоторые, желая выразить свое восхищение, брали фарфоровую чашу, блюдо или даже глиняный кувшин и разбивали о свою голову. Это наивное выражение чувств требовало сноровки и своеобразной ловкости.

Если попадал на их вечеринки человек из дальнего квартала, его непременно шли провожать, чтобы кто-нибудь не обидел его в ночном городе. Это было лишь малым проявлением большой, горячей дружбы, обычной среди этих людей. Во имя дружбы каждый из них готов был пожертвовать собой. Но при ссоре или вражде они не знали ни пощады, ни робости.

Если кого-нибудь из них обижал грубый человек, проходимец или уличный озорник, обидчика наказывали сообща, и наказывали так жестоко, чтобы долго помнил, чтоб имел время подумать: не исправиться ли ему?

Если же ссора возникала между двумя честными людьми, вопрос обсуждали, пытаясь примирить враждующих. А если не находили мирного решения, предлагали решить вопрос борьбой или поединком, но в присутствии общих друзей.

Поединок считался неизбежным, если кому-либо нанесено оскорбление, если в ссоре затронута честь.

Честь могла быть задета при различных обстоятельствах. Честь могли задеть, усомнившись в силе, смелости или твердости человека.

Этих людей, населявших основную часть большого города, простых, мужественных, трудолюбивых, поставленных в тягчайшие условия жизни, но сохранивших достоинство, гордость и мужество, звали «олуфта», что можно перевести и жестоким словом «головорезы» и безобидным — «гуляки».

Это было своеобразное общество со строгим внутренним порядком. Как во всяком ремесленном цехе, так и здесь, в среде, издавна сложившейся из городских ремесленников, выработался свой быт, свой неписаный устав.

Это общество так же, как цеховые объединения, делилось на слои. Эти слои различались даже по одежде.

Юноши, состоявшие как бы в учениках, обувались в туфли на каблуках, но без кожаных чулок — ичигов, — на босу ногу. Концы их чалм выпускались коротко, а чалмы повязывались гладко... Подпоясывались они платком, и к нему подвешивали пару небольших ножей в кожаных ножнах. Рубашки они носили с закрытой грудью, по краю обшитые каймой.

Юноши звались «полуготовыми». Лишь овладев приемами борьбы и опытом в ней, научившись удару головой, ногой и коленом, они могли продвинуться вперед и получить звание «готового».

«Готовые» обувались в сапоги на каблуках. Подпоясывались кушачком, на котором висел нож длиной в пол-аршина. Носили они халат с застегивающимся воротником, но воротника никогда не застегивали. Концы их чалм отпускались длинней, чем у юношей, а чалмы они повязывали, сперва закрутив ткань жгутом, отчего чалма на голове напоминала корзинку.

Над всеми ними, наподобие главы цеха, стоял «муж мужей». Он носил остроносые туфли без каблуков, сшитые из желтой козлиной кожи, носил их на босу ногу, а чалму повязывал маленькую, но по-афгански выпуская длинный конец.

Зимой и летом одевался он в застегивающийся халат. Поверх халата опоясывался простым дешевым платком, на котором висели маленькие ножны из темной кожи с перочинными ножами.

Для всех гуляк было нерушимым клятвенное слово «саттор».

Когда кто-нибудь из них давал крепкую клятву, он заявлял:

— Саттор, это я сделаю!

Какое бы препятствие ни встретилось,— хоть голова долой, а обещание надлежит выполнить. Если же поклявшийся смалодушничает перед препятствиями, клятва считалась невыполненной, сам он изгонялся из среды гуляк, и ему присваивали прозвище «номард», что означало «изгой», «недостойный человек».

Из «готовых» каждый мог стать «мужем мужей». Если «муж мужей» умрет или совершит недостойный поступок, тогда из среды «готовых» избирался человек, наиболее выдающийся в мужестве, в отваге, в силе, но не запятнанный ни участием в каких-либо грабежах или кражах, ни грубым озорством.

Были случаи, когда по какой-нибудь серьезной причине между «мужем мужей» и «готовым» происходила ссора или спор, неразрешимые без поединка. В таком случае имел место поединок.

Если в поединке «муж мужей» оказывался побежденным, это звание получал победитель. Если же побеждал «муж мужей», поверженный «готовый» навсегда изгонялся из среды гуляк. Изгонялся за то, что, будучи менее силен и менее «готов», он оказал неуважение «мужу мужей», вознес себя выше, чем заслуживал.

Изредка случалось, что поединок происходил между двумя «готовыми».

Побежденный должен был покориться, признать победителя правым и более ничем не выражать своих требований или взглядов, послуживших причиной поединка. Иначе он изгонялся из среды гуляк.

В бытность мою в мадрасе Бадальбек гуляк Бухары возглавлял ткач Махдум Мухаммади. Ему было за пятьдесят но седина еще не

тронула его черной бороды. Худощавый, смуглый «муж мужей» смотрел из-под нависших густых бровей быстрыми, проницательными, черными, сверкающими глазами.

Он работал в одной из шелкоткацких мастерских Джубара. Трудно сохранить здоровье в тесных, сырых мастерских, где за станом ткач сидел до пояса в земляной яме, и Махдум Мухаммади, работавший ткачом с детства, всегда выглядел бледным, болезненным, как чахоточный.

Труд плохо обеспечивал ткачей. От мастера требовалось, чтобы в течение недели он выткал заданный очень большой заказ без малейшего брака, и лишь в случае полного отсутствия каких-либо изъянов в ткани получал ничтожную оплату за неделю напряженного труда.

Ткачи, работая в чьей-нибудь мастерской, жили там же, оставаясь в ней круглые сутки в течение недели. Лишь в четверг в полдень они уходили домой или погулять. В пятницу к вечеру все возвращались в мастерскую и приступали к работе.

Мастера гуляли, как и все бухарцы, по берегам водоема Диванбеги. Местом своих встреч и отдыха они избирали какую-нибудь чайную на берегу этого водоема. В четверг вечером они собирались у одного из мастеров на дому, устраивали там вечеринку, а в пятницу гуляли по городу; если же погода была хорошей, уходили гулять куда-нибудь за город.

В последнее время Махдум Мухаммади уже не ходил ни на гулянья, ни на вечеринки. Из мастерской шел к себе домой. Женат он не был, семьи у него не сложилось, хозяйство вела его сестра, бездетная вдова. Пока сестра готовила ему горячий обед, он поднимался наверх в маленькую комнату отдохнуть. В хорошую погоду выходил к берегу водоема Газиён в соседнем квартале. У этого водоема не было чайной, но вокруг росли раскидистые деревья, и днем в их густой тени держалась прохлада. На базаре Газиён Махдум Мухаммади брал из чайной чайник чая и, сев на ступеньке водоема, ставил чайник рядом с собой. В жаркую погоду он опускал ноги в свежую воду и так подолгу сидел, отдыхая в прохладной тени, в покое, задумавшись. Рядом, на разостланном платке, лежала разломленная лепешка, остывал чайник, а он лишь изредка брал ломтик лепешки или отпивал глоток чая и молчал, думая о работе ли своей, о жизни ли, вспоминая ли о чем-то.

Если замечал на берегу кого-нибудь из старых знакомых, он приглашал его выпить чаю и, потолковав несколько минут, оставался снова наедине со своим раздумьем.

Когда Махдум Мухаммади кому-нибудь был нужен, его искали или поджидали здесь, на берегу водоема Газиён. Однажды к нему подсел старшина сапожников и, завязав разговор, пожаловался на нескольких молодых гуляк. Он рассказал, что брат его как-то пошел на базар, и озорные юноши оскорбили его дерзкими словами и недозволительными выпадами.

К концу разговора старшина сапожников попросил Мухаммади заступиться за брата, осадить распоясавшихся гуляк.

— Я не хожу на водоем Диванбеги, но ради вас сделаю исключение. Пришлите сюда своего брата, и пусть он идет за мной следом, пока я дойду до Диванбеги, пусть ходит за мной все время, пока я буду там и когда я вернусь сюда. Этого достаточно, чтобы укоротить руки озорников и заткнуть глотки этим желторотым птенцам.

Когда брат старшины появился и стал невдалеке, Мухаммади поднялся и пошел к водоему Диванбеги. Брат старшины пошел следом.

Мухаммади через кварталы Чорхарос, Говкушон, Сесу, через Мануфактурный ряд и Купол Сарафон вышел на берег Диванбеги.

Он сделал круг по берегу и через Чайный ряд, через Нитяной, Прядильный и Кишмишный базары вышел на Тыквенный к Куполу Ходжа Мухаммада Паррона.

Затем он через Слесарный ряд, кварталы Сиех Корон и Модари Хан, Новый базар, Мухаммади Газзали и Даббиён возвратился к водоему Газиён. Брат старшины, также ни слова не говоря, вернулся к себе домой, а Махдум Мухаммади сел возле ожидавшего его чайника и лепешки. Среди гуляк и озорников Бухары немедленно стала известна эта прогулка «мужа мужей», и весь город понял, что брат старшины сапожников взят под защиту Махдума Мухаммади. С этого часа на подзащитного не только никто не покушался, но даже глаз не смел поднять.

Лучшие бухарские штукатуры обычно жили в квартале Панобиён.

Квартал не случайно носил это название: в Роматанском уезде одно из долинных селений называлось Паноб. Малоземельные крестьяне из Паноба издавна славились как штукатуры и ходили на заработки в разные города эмирата.

Большое число опытных, отличных штукатуров переселилось в Бухару. В городе они основали целый квартал и назвали его в честь покинутой родины — Панобский — Панобиён.

Один из уроженцев этого квартала — усто[1] Ширин — впоследствии стал выдающимся узбекским зодчим.

В этом квартале жил в те годы и штукатур Барно, высокий, мускулистый, плечистый. Ему было лет двадцать восемь или тридцать. Его белое лицо окружала черная борода с легким красноватым оттенком. В овечьих глазах его временами вспыхивали огоньки гнева и упрямства.

Он носил звание «готового», а потому обувался в высокие сапоги на каблуках, а чалму повязывал крутыми жгутами. По своей силе он был первым среди «готовых». Его превосходство признавалось всеми, и все первыми приветствовали его при встречах. Превосходил его лишь Махдум Мухаммади, «муж мужей». Это тяготило самолюбивого штукатура, жаждавшего славы, и задевало его достоинство.

Он задумал помериться силами с Мухаммади, победить «мужа мужей». Ему не терпелось самому стать «мужем мужей» в городе Бухаре.

Он начал искать предлог для поединка.

Прогулка Мухаммади с братом старшины сапожников дала штукатуру долгожданный предлог.

На одну из вечеринок в квартале Газиён явился Барно в сопровождении своих приятелей. На эту же вечеринку пришел и старшина сапожников со своим братом, с друзьями и соседями.

Улучив удобную минуту, Барно сказал брату старшины:

— Не обольщайтесь, братец, защитой Мухаммади. Он ведь состарился, слабоват стал. Как говорится: «Прошла пора Фархада, настало время Меджнуна!»

[1] Усто — мастер.

Это был вызов, и наутро он уже дошел до Мухаммади.

Мухаммади не мог оставить этот вызов без ответа, иначе вся сорокалетняя слава и честь «мужа мужей» оказались бы попранными.

В первый же четверг после этой вечеринки Мухаммади пришел к водоему Диванбеги и сел на виду в одной из чайных. Взяв чайник чая, он по обыкновению неторопливо пил чай. Вскоре появился Барно.

Он остановился перед «мужем мужей» и почтительно с ним поздоровался. Обменявшись приветствием, Мухаммади протянул штукатуру пиалу чая, и Барно стоя медленными глотками выпил ее.

За это время произошел такой разговор.

«Муж мужей» спросил:

— Когда?

— Завтра. В пятницу.

— В какое время?

— После пятничной молитвы.

— Где?

— На могиле Ходжи Мухаммади Туркиджанди.

— Дай вам бог сил! Да помогут вам души мужей!

Барно допил чай, отер край пиалы о грудь и с поклоном возвратил ее «мужу мужей».

— Будьте здоровы! Желаю долгой жизни, брат Махдум!

И ушел своей дорогой.

Слух об этой встрече распространился мгновенно по всему городу. Я узнал об этом от Шарафджона, работавшего учеником в литейной мастерской неподалеку от мадрасы Бадальбек.

Шарафджон очень интересовался гуляками и следил за всеми новостями в их жизни. Поэтому новость так поразила его, что он поспешил поделиться ею и со мной. К тому же он жил рядом с Мухаммади и хорошо его знал.

Шарафджон, как и другие ученики и ремесленники, шесть дней безвыходно проводил в мастерской. Окончив работу, он и спал там же, между горном и наковальней.

Иногда я заглядывал к нему в мастерскую потолковать. Иногда, в свободные дни, он приходил ко мне в мадрасу.

Он ни о чем так не любил говорить, как о гуляках. А я, любопытствуя узнать об этих людях, всегда со вниманием его слушал, расспрашивал, вникал во все мелочи, боясь чего-нибудь не понять, и такое мое внимание нравилось ему и укрепляло нашу дружбу.

В полуденный час одного из четвергов Шарафджон отправился к себе домой, чтобы хоть раз в неделю поспать в семье, в чистой постели. Но уже вечером он прибежал назад в литейную. Она была закрыта. Тогда он кинулся ко мне в мадрасу, сел рядом и поспешно рассказал обо всем случившемся.

— Завтра между ними произойдет бой! Я непременно пойду. Хочешь, пойдем вместе.

Еще бы! Я, конечно, тоже решил пойти. Ко

времени пятничной молитвы мы уже забрались на холм возле могилы Ходжи Мухаммади.

Холм с трех сторон окружала небольшая котловина, куда стекали дождевые и снеговые воды. В этой глубокой, уединенной и незаметной котловине происходили поединки бухарских силачей и гуляк. С холма, где мы устроились, котловина была видна вся.

Вскоре после нас пришел Мухаммади. Он поздоровался с Шарафджоном, своим соседом, прошел мимо нас и, спустившись в котловину, сел.

Постепенно, поодиночке или по двое, начали приходить любопытные, услыхавшие об этом событии. Устраиваясь, как и мы, на верху холма, они постепенно окружили котловину.

После всех с восточной стороны, с той стороны, где находился квартал Панобиён, появился Барно.

Он прямо прошел к Махдуму Мухаммади. «Муж мужей» встал, и они поздоровались. Затем сняли халаты и сложили их рядом в сторонке, а сверху положили свои чалмы. Оба вышли на середину котловины и, вытянув один к другому руки, изготовились.

Барно выглядел стройным тополем, возвышающимся возле коренастого дуба.

— Брат Махдум, начинайте! — попросил он.

— Нет, вам надо начинать,— ответил ему «муж мужей».

— Вы старший над нами. Вам и надлежит начинать.

— Нет. Вы оспариваете это. Вы и начинайте. Таков обычай мужей.

Барно вытянул руку вперед, замахнулся и ударил Махдума по уху. Но Махдум, как ствол крепкого дерева, не пошевельнулся. Даже лицо его не дрогнуло.

Тогда, снова протянув руку, Барно предложил:

— Теперь, брат Махдум, ваш черед.

— Нет, гуляка,— ответил Махдум Мухаммади,— сперва счет ведется до трех. Говорят: «раз», «два»,— а потом добавляют «три». Покажите и вы вашу силу до трех раз.

— Ладно! — согласился Барно и снова приготовился к нападению.

На этот раз с размаху он ударил Мухаммади по другому уху. Мухаммади выстоял и на этот раз. Третий удар Барно решил нанести по ноге Махдума.

На ногах штукатура были грубые сапоги на каблуках, а ноги Мухаммади, согласно званию «мужа мужей», оставались обнажены и всунуты в мягкую кожу козловых туфель.

Но «муж мужей» неподвижно ждал этого удара.

Барно, заложив руки за спину, поднял правую ногу, наклонился и, усилив удар всей тяжестью своего тела, ударил сапогом по голой щиколотке «мужа мужей». Мухаммади устоял, не шелохнувшись.

Барно, протянув руку, приготовился принять ответный удар.

— Позвольте теперь мне. Берегитесь! — сказал Мухаммади.

И, размахнувшись правой рукой, ударил Барно по уху.

Барно, словно тополь, срубленный ударом топора, повалился наземь.

В это мгновение из-за гробницы выскочило трое молодцов с обнаженными ножами в руках. Они напали сзади на «мужа мужей», нанося ему удары ножами в спину.

Мухаммади не предвидел этого. Растерявшись, мгновение он стоял неподвижно. Потом отскочил, схватил двоих из нападавших за руки, а третьего отбросил ударом ноги.

Но Барно, успевший к этому времени подняться, подскочил к Махдуму сзади, схватил его за обе ступни и сильно дернул к себе.

Мухаммади, получивший подряд несколько тяжелых ножевых ран, истекающий кровью, упал лицом на землю.

Наблюдавшие за поединком бухарцы с криками «Махдума Мухаммади убивают! Махдума убили!» побежали в сторону улицы, а более смелые бросились к Махдуму, чтобы защитить его.

Они не дали добить упавшего, хотя напавшие стремились к этому. Некоторые из зрителей, растерянные, бледные, стояли неподвижно, не смея оторвать глаз от страшного зрелища.

Стража, проходившая по улицам, услышав крики, прибежала к месту преступления, но Барно со своими людьми успел скрыться.

Окровавленного, потерявшего сознание «мужа мужей» подняли и на какой-то арбе отправили в больницу.

Через неделю стало известно, что Барно схвачен и заключен в тюрьму. Он даже под пыткой не назвал соучастников своей кровавой расправы над «мужем мужей».

Махдум Мухаммади пролежал в больнице месяца полтора. Раны его затянулись. Но силы не возвращались к нему, он прожил еще месяца два, харкая кровью.

Шарафджон, несмотря на рабочее время, покинув мастерскую, забежал ко мне сказать о смерти мужественного человека.

Жалость сжала мне сердце, он встал в моей памяти во весь свой рост, молчаливый, непреклонный, скромный.

Мы пошли на похороны. Перед его домом у стены сидели, опустившись на корточки, квартальный староста и еще несколько человек. В это время подошел кожевник Джалил. Он славился своими перепелами, которых он подготавливал к перепелиным боям. В то время Джалил был главой регистанских перепелятников.

В ожидании похорон он тоже сел на корточки у стены рядом с ними и заговорил:

— Мухаммади умер «мужем мужей». Никто не отнял у него этого звания. Смертью он закрепил его за собой. Он всякому делал добро, всякому хотел принести пользу. За всю жизнь он ничем себя не запятнал, никого не задевал, ни с кем не дрался. Молчал, пока его не ударят. Ну, а уж если ударят, тогда держись! Царство ему небесное! В судный день он встанет со светлым лицом.— И обратился к старосте:— Я пойду приведу парней из «готовых». Мы вынесем покойного.

У меня не было времени оставаться здесь дольше, и я пошел вместе с Джалилом. Мы шли, разговаривая, и я спросил:

— Почему Барно вел себя так подло? Ведь этим он и Мухаммади свел в могилу и себя загубил.

— Он хотел подняться только силой,— ответил Джалил.— Этого мало! Нужно помогать, а не вредить людям. Скромностью и добром нужно возвыситься над людьми и заслужить их уважение. Силой можно людей подчинить, но возвыситься, подняться над людьми одной силой нельзя.— Высказав это тихо, но твердо, убежденно, Джалил объяснил: — По правде говоря, Барно в нашу среду попал по ошибке. Он всегда был не прочь созорничать, обидеть слабого, посмеяться над несчастным. Только мечта стать «мужем мужей» держала его в узде. Он думал, звание дастся ему легко, преуменьшил силы Махдума, преувеличил свои. Он торопился, не мог ждать, рвался к славе, вот и зарвался. На случай поражения он подготовил своих дружков. Понял, что, если «муж мужей» устоит, Барно будет обесчещен, а «муж мужей» поднимется еще выше в глазах людей. Вот и пошел на бесчестное дело: пускай, мол, я погибну, но и тебе не жить! Нам урок: надо разборчивей относиться к людям, осторожнее отбирать тех, кого мы принимаем в свою среду.

После смерти Махдума Мухаммади «муж мужей» не был избран.

Среди гуляк возникли разногласия. Регистанцы выдвинули перепелятника Джалила. Но жители Чорсу не согласились и со своей стороны выдвинули Авлиёкула, тоже перепелятника. Эти двое перепелятников давно враждовали между собой, сталкиваясь на перепелиных боях. Ни та, ни другая сторона не шла на уступки.

Тогда выдвинули Козок Ходжу Джуборского. Но против этого выдвижения единодушно выступили обе стороны — и регистанская и чорсуйская.

— Он из ходжей, зазнайка. Нам нужен простой человек, сильный, но скромный, а этот не сможет справедливо править нами.

Из-за этих разногласий выборы «мужа мужей» отложили, пока из среды «готовых» не выделится достойный человек.

У гуляк был прежде строгий обычай: они не пили вина,— но когда в Бухаре открылись винные магазины, гуляки начали погуливать уже не на вечеринках, а в винных погребах.

Первоначальная чистота и мужество гуляк стали исчезать. Из гуляк многие превратились в головорезов. Те, кто сохранил чистоту нрава и строгое поведение, пользовались уважением, но считалось, что это их личное дело: для получения степеней «полуготового» и «готового» трезвость перестала считаться обязательной и даже сколько-нибудь преимущественной чертой.

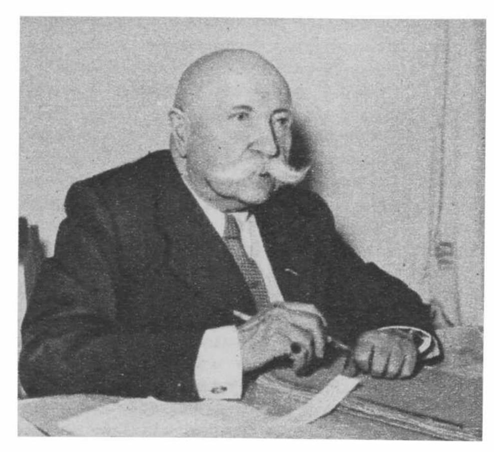
Год за годом прежний порядок получения степеней и приема в гуляки позабылся и отмер. «Мужа мужей» так больше никогда и не избрали.

Перевел Сергей **БОРОДИН**.

МНОГОВЕКОВОЕ СОДРУЖЕСТВО НАРОДОВ ВОСТОКА

Профессор А. СЕМЕНОВ,
действительный член Академии наук Таджикской ССР

Почти шестьдесят лет работает в Средней Азии известный советский востоковед Александр Александрович Семенов — директор Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР.

В беседе с корреспондентом «Огонька» профессор А. А. Семенов рассказал об интересных исследованиях ученых по древней истории таджикского народа и развитии его многовековых культурных связей с народами Востока.

Бессмертные имена Рудаки, Фирдоуси, Абу-Али Ибн-Сины (Авиценны) и других великих таджиков — поэтов, ученых, философов — давно известны всему человечеству. Еще в конце прошлого столетия в Лазаревском институте в Москве, слушая лекции академика Ф. Е. Корша о законах восточного стихосложения, созданных тысячи лет назад, я проникся благоговением к классикам таджикской литературы, подлинным титанам разума и волшебникам слова.

Но в дореволюционном востоковедении было немало «белых пятен» в познании прошлого народов Средней Азии. Лишь в советское время развернулось углубленное, систематическое изучение древней истории таджиков и родственных им народов.

Обнаружив в Таджикистане памятники стойбищ каменного века, профессор А. П. Окладников доказал, что первые люди селились в этих краях по меньшей мере 200 тысяч лет назад. Близ Кайрак-Кумской ГЭС, на землях, ныне затопленных водохранилищем, археологи нашли множество бронзовых орудий и предметов обихода, относящихся к более близкому к нам времени. Установлено, что в бронзовый век северная часть Средней Азии была сравнительно густо заселена, и орудия из бронзы, изготавливаемые здесь, расходились не только среди местных жителей, но и среди соседних племен.

Во всех странах Востока — от Индии до Египта — сохранились до наших дней изделия из лазурита. Единственным в мире месторождением этого замечательного синего камня является область Бадахшан, часть которой, как известно, входит ныне в состав Таджикской ССР.

С таджикских месторождений много веков назад поставлялись материалы для строительства и украшения дворцов древнеиранской державы Ахеменидов. Еще 2,5 тысячи лет назад предки таджиков — саки и массагеты — были известны грекам, а хорезмийские купцы в те времена посещали Египет.

Могущественное государство Бактрия объединяло в VI—IV веках до нашей эры южные земли Узбекистана, Таджикистана и Северный Афганистан. И в Афганистане — в Балхе — на развалинах древней бактрийской столицы, где работали французские археологи, — и в Таджикистане — на руинах крепости Калаи-Мир, где работала экспедиция профессора М. М. Дьяконова, — найдены совершенно одинаковые орудия труда, оружие и предметы домашней обстановки.

После походов Александра Македонского южные области Таджикистана и Узбекистана вместе с Афганистаном и северо-западной частью Индии образовали Греко-Бактрийское государство. На юге Средней Азии начал распространяться пришедший из Индии буддизм. Индийские и афганские мастера принимали, видимо, участие в строительстве буддийских храмов. Одним из таких памятников I века нашей эры являются каменные фризы буддийского храма, найденные советскими археологами близ Термеза и хранящиеся теперь в Эрмитаже в Ленинграде.

Со II века до нашей эры Фергана, по-китайски Даван, устанавливает торговые и культурные связи с Китаем. Как свидетельствуют древние китайские летописи, Даван славилась замечательной породой лошадей. Китайцы называли их «небесными конями». У жителей Ферганской долины китайцы заимствовали опыт возделывания винограда и люцерны, искусство изготовления цветного стекла. В свою очередь, из Китая в Среднюю Азию проникло шелкоткачество, мастерство изготовления бумаги.

В эпоху раннего средневековья завершается формирование таджикского народа, становление его государственности, образование таджикского литературного языка. Для этого периода наряду с поэтическими и философскими творениями классиков характерен также высокий уровень материальной культуры, о чем, к сожалению, до сих пор мало кому было известно. А между тем Самарканд, Бухара и другие среднеазиатские города по своим размерам, числу жителей, по развитию ремесел и благоустройству превосходили многие средневековые города Западной Европы. Северный Таджикистан, богатый полезными ископаемыми, становится в ту пору центром горного промысла и металлургии. В Кара-Мазарских горах, где нашими археологами найдены средневековые шахты глубиной до 155 метров, добывали золото, серебро, медь, свинец.

Все это неопровержимо доказывает непрерывность многовекового развития национальной культуры таджиков, все это говорит об их тесных связях с другими народами Востока и решительно опровергает реакционные теории буржуазных ученых о мнимой отсталости коренного населения Средней Азии.

Успехи историков и археологов Таджикистана — результат того исключительного внимания, которое уделяется их работе. Вспоминаю свое первое путешествие по Средней Азии на рубеже XX века. Тогда во всем огромном Туркестанском крае существовал один-единственный кружок любителей археологии, весь бюджет которого исчислялся 82 рублями. А теперь из года в год на археологические исследования отпускаются сотни тысяч рублей. В тесном творческом содружестве трудятся коллективы Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института истории, археологии и этнографии республиканской академии.

Результаты исследований наших историков, археологов, этнографов публикуются в многочисленных научных трудах и популярной литературе.

Мы уверены, что в ближайшем будущем установится тесный контакт таджикских историков и археологов с учеными близлежащих государств: Афганистана, Пакистана, Индии. Это будет служить дальнейшему укреплению традиционной многовековой дружбы народов Востока, объединенных в своем стремлении к миру и прогрессу во всем мире.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО СОГДА

Пирующие дехкане. Настенная роспись. Пенджикент.

В 1932 году на левом берегу Зеравшана, на высоком утесе Калаи-Муг, таджикский пастух Джур Али нашел плетеную корзину с документами, написанными на неизвестном языке.

Это событие взволновало весь ученый мир. Исследователи знали, что в долине Зеравшана и соседней с ним Кашка-Дарьи издревле находился один из богатейших культурных очагов Средней Азии — государство Согд. По крайней мере две с половиной тысячи лет назад здесь уже процветало интенсивное поливное земледелие. Согдийцы имели свою письменность, обширную литературу. Богатые города с развитым ремеслом торговали с Китаем и странами Средиземноморья. Находка пастуха Джур Али привлекла внимание ученых и потому, что это были первые древнесогдийские рукописи, найденные на территории Согда. Раньше были известны согдийские письменные документы, обнаруженные далеко от Согда, в Синьцзяне, на территории современной Китайской Народной Республики. Там согдийцы имели свои торговые колонии.

Еще до 1941 года удалось выяснить, что документы с Калаи-Муг — деловые, хозяйственные записи, частные письма согдийского князя Диваштича, который в двадцатых годах восьмого века поднял восстание соотечественников против арабских завоевателей. Здесь, на утесе Калаи-Муг, находился замок Диваштича. Здесь он и погиб после отступления из столицы своего княжества, Пенджикента.

Так Пенджикент стал центром археологических раскопок в Таджикистане. Каждый год приносил удивительные открытия. Раскопаны древние храмы, жилые дома, мастерские, погребения согдийцев. Перед глазами исследователей постепенно раскрывалась самобытная цивилизация древней Согдианы, ставшая колыбелью современной таджикской и узбекской культуры: изумительная живопись, архитектура, скульптура.

О работах Таджикской археологической экспедиции увлекательно повествует книга М. Дьяконова «У истоков древней культуры Таджикистана», изданная недавно в Сталинабаде. Это первая книга, знакомящая широкого читателя с археологическими исследованиями греко-бактрийской и согдийской культуры. Автор, один из руководителей археологической экспедиции, вводит читателя в творческую обстановку поисков и размышлений, разочарований и открытий исследователей. Как и книга С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации», записки М. М. Дьяконова рассказывают о колыбели человеческой культуры в Средней Азии.

В. ВОРОНОВ

М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана. Таджикгосиздат. Сталинабад. 1956. 139 стр.

С КРЫШИ МИРА

Юл. СЕМЕНОВ

Фото Н. Козловского.

Немного истории

Мы летим в Хорог. Стрелка, показывающая высоту, ползет вверх: 1 000, 3 000, 5 000... Пилот предлагает надеть кислородные маски. Не под крылом, а рядом и выше крыла самолета — снежные пики Памира.

В доисторические времена на месте Памира шумели морские волны. Потом дно моря поднялось, образовав горы. Здесь были зной и лед, пустыни и оазисы.

Много веков тому назад в этом крае, по-видимому, жили скифы. Краем правили китайцы, арабы, персы. Сами памирцы говорят, что они потомки тех воинов Александра Македонского, которые, взбунтовавшись, ушли от своего владыки в страну несметных богатств.

Кое-где в горах россыпями блещет золото, матово светится серебро. Веселым хорогским мальчишкам удается порой собрать по весне целые пригоршни драгоценных гранатов, приносимых с гор бурными потоками.

Среди мрачных горных утесов высятся развалины древних крепостей, а чуть выше, спрятавшись от человеческих глаз, затаились давно опустевшие пещерные жилища. Здесь родилась легенда о Заратустре — сыне огня,— здесь бытуют такие языки, как ишкашимский, на котором у нас в стране говорят всего четыреста человек.

По этой земле бродил славный венецианец Марко Поло, проходили караваны из Китая, Индии, Европы.

Сюда после победы Великого Октября английский консул в Кашгарии Эссертон направлял вооруженные и обученные им банды басмачей.

...Самолет начинает снижаться. Теперь мы летим по ущелью, чуть не цепляясь крылом за скалы. Под нами река Пяндж — по ней проходит граница с Афганистаном. Лететь посредине реки, где нет риска воткнуться в горы, нельзя: два метра вправо — и нарушение границы.

Наконец колеса коснулись снежного поля. Мы на Памире, на земле Горно-Бадахшанской автономной области на высоте 2 200 метров.

Ученые-языковеды предполагают, что слово «Памир» произошло от двух фарсидских слов. Либо от «по-и-мор», что значит «подножие смерти», либо от «пам-и-дунья», что значит «крыша мира». Так где же мы: на крыше мира или у подножия смерти?

Хорог и окрестности

Хорог не похож на подножие смерти. Не похож он и на крышу мира. Это очень своеобразный город. Здесь нет ни трамваев, ни троллейбусов. По шоссе, ведущему от аэродрома в город, мчатся всадники, а шоферы многочисленных машин ругаются с «водителями» ишаков. Говорят, что ишак — упрямое животное.

Садовая — главная улица Хорога.

Может быть, и так. Но памирский ишак упрямей своего равнинного собрата во столько же раз, во сколько Памир выше Ферганской долины.

Хорог расположен между гор, в узеньком ущелье. Центр города — Садовая улица — больше напоминает аллею в каком-нибудь заповедном парке. Тополи вытянулись в темно-синее небо. На этой улице — школы, театр, библиотека, кинотеатр, ресторан. Одним концом улица упирается в подножие пика Дзержинского, другим — в реку Гунт. От Садовой маленькие улицы идут резко вверх, на гору, и резко вниз, к реке. Луна в черном небе, подрезанном серыми вершинами гор, точно перемигивается с огоньками в домах памирцев. Нигде в мире она так не близка к людям.

...Дорога уводит нас все выше и выше в горы. Потом она спускается вниз и обрывается около белого здания. Это Памирский ботанический сад Академии наук Таджикской республики.

Вся работа научных сотрудников направлена на разрешение практических вопросов. Вот некоторые проблемы: на Памире трудно с топливом: мало деревьев. Здесь до 1936 года не знали, что такое картофель, а о кукурузе узнали совсем недавно. Нужно сажать леса. Но где, как, какие породы? Нужно сеять кукурузу, но какой сорт? Ответы на эти вопросы ищут научные сотрудники ботанического сада.

Многие колхозы Памира развивают садоводство. Ботанический сад помогает и в этом. На опытных участках выводят различные сорта малины, смородины, абрикоса.

Вдоль улиц Хорога высаживаются георгины, астры, гладиолусы. Для этого в ботаническом саду выводят 400 сортов и видов декоративных растений.

Здесь огромное поле для научной работы. Ученым помогают колхозники-практики. Колхоз имени Сталина, расположенный в Шугнане, сеет новые сорта кукурузы и получает хороший урожай.

В колхозе — клуб, библиотека, автопарк. И это там, где тридцать лет назад не знали, что такое плуг!

Главное богатство — скот. На пастбищах пасутся тысячи колхозных баранов и коз. Шелководство при минимуме затрат дает полумиллионный доход. Общий же доход артели — полтора миллиона рублей.

Рассказ Наврузбекова

В Хороге каждый знает персонального пенсионера Азиз бека Наврузбекова, члена Коммунистической партии с 1924 года.

Он рассказал нам несколько эпизодов из своей жизни, связанных с первыми шагами Советской власти на Памире.

— В 1912 году,— начал Азиз бек Наврузбеков,— я уехал из маленького кишлака Хорога в Ташкент, на заработки. Переменил много мест, но все равно еле хватало на кусок хлеба. Когда грянула революция, я стал красногвардейцем. В 1919-м меня послали в Хорог.

Добирался я до Хорога не то, что сейчас — полтора часа на самолете,— а пятьдесят дней. Пришел, а здесь еще царские войска стоят. Начал я агитировать за Советскую власть. Собирал людей с

Азиз бек Наврузбеков.

большими предосторожностями, по ночам, среди скал. Но то ли проследили офицеры, то ли среди нас предатель оказался, а однажды ночью, после сходки, меня арестовали. Посадили в тюрьму при пограничной крепости. Пытали. Присудили к расстрелу как большевистского агента. На мое счастье, в крепости жил чех — врач Вичич.

— Нельзя,—сказал он белым,— расстреливать Наврузбекова. За это таджики всех перережут. Лучше отправьте его в Мургаб, а там, что бы с ним ни сделали, с вас спроса не будет.

Говорили люди, что Вичич этот коммунистом был. Не знаю, правда то, нет ли, а жизнь он мне спас. Прошел по Хорогу слух, что красные на помощь народу идут. Белые, недолго думая, бежали отсюда через Афганистан в Индию к англичанам. Вышел я из тюрьмы, организовал отряд. Двинулись мы к пограничной крепости, решили занять ее, чтобы сохранить к приходу частей Красной Армии. Смотрим: все оружие белые перед бегством испортили, затворы из винтовок повынимали, песком стволы засыпали. А тут еще представитель эмира бухарского заявился. Нашел он себе союзников среди местных богатеев.

— Оставьте крепость! — приказывает нам эмирский пес.

— Умрем, а не оставим,— отвечаем ему.

А оружия-то у нас мало. Пошли на хитрость. Сделали из пироксилина бомбу, да как шарахнем ее!

— Слыхал?— спрашиваем эмирского пса. — Проваливай подобру-поздорову, пока не поздно.

Потом, когда мы решили ехать в Ташкент за помощью, в кишлаке Шодак, что за Ванчем, окружили нас басмачи. Выхода нет: кругом одни горы. Решили попытать счастья: отправили ночью разведчика-мальчишку на афганский берег с письмом, в котором просили разрешения перейти в Афганистан. Ждем день, ждем два, три. И вдруг на четвертый день слышим перестрелку где-то неподалеку. Через полчаса прискакал к нам афганец. Он нас вывел в Афганистан. Целых три месяца мы жили в крепости в Афганистане, что напротив нашего Калаи-Хумба. А потом также с помощью афганцев перебрались в Хорог. И уже оттуда через Мургаб и Ош добрались до Ташкента, получили там подкрепление и вернулись на Памир устанавливать Советскую власть.

Театр, библиотеки, спорт

До революции на Памире было много мулл, много слепых, много голодных.

До революции на Памире не было ни врачей, ни учителей, ни агрономов. Люди не знали, что такое печеный хлеб.

Сейчас на Памире ежедневно выходит семь газет, по утрам направляются в 248 школ 13 000 детей. Сейчас на Памире люди проводят свой досуг в 82 клубах, 106 библиотеках, жители самых отдаленных кишлаков охвачены медицинским обслуживанием.

Край, где живут шугнанцы, ишкашимцы, язгулемцы, вахагды, имеет свой музыкально-драматический театр с труппой в сорок человек. В репертуаре Островский и Миршакар, Гоголь и Турсун-заде.

Памир славится своими золотыми приисками, добычей поваренной соли, драгоценными камнями, животноводством.

Памир славится красотой женщин, силой мужчин и мудростью народных сказаний.

Каждый выходной день в любом колхозе вы можете наблюдать захватывающую, стремительную — что твой хоккей! — игру гуй-бози. Это — конное поло. Игра длится пять — шесть часов. Две команды; в каждой три, шесть или девять человек. Они выстраиваются друг против друга. Посредине лежит деревянная шайба — гуй. Капитаны поднимают клюшки, игра началась. Вот один из всадников ловко поддевает шайбу, кидает ее далеко вперед, к воротам противника, и все конники устремляются вслед. Эта игра развивает и ловкость, и выносливость, и точный расчет, и спортивную хитрость.

Гуй-бози — игра стремительная.

...Памир — страна гор, страна синих рек, страна неба, страна сильных, добрых людей.

РАЗВЕДЧИКИ «ОГНЕДЫШАЩИХ ГОР»

Там, где Зеравшанский хребет подходит к Гиссарскому, а бурная холодная река Ягноб сливается с Искандер-Дарьей и становится Фан-Дарьей, лежит Фан-Ягнобская долина. На тысячу семьсот метров поднятая над уровнем моря, она разорвана ущельями и вздыблена горами. В давние времена эта красивая долина наводила ужас на местных жителей: горы окутывались дымом и прятались под его пеленой; сквозь ночную тьму далеко светились необъяснимые и потому особенно страшные огни. Географ Ибн-Хаукаль называл эти места «страной Огнедышащих гор».

Никто не знал о причинах издавна возникавших здесь пожаров. Только в прошлом столетии русский инженер Богуславский упомянул о залежах угля в долине Фан-Ягноба. Горели его мощные пласты.

В 1947 году началась детальная разведка этого богатейшего месторождения. Геологи пришли сюда надолго. Недалеко от кишлака Рават был построен поселок геологической экспедиции. В белых каменных домах поселились разведчики недр.

Начальник экспедиции молодой таджикский геолог Шакир Кабилович Кабилов шагал по земле, таившей несметные сокровища. Вдали дымилась бог весть когда загоревшаяся гора Кухи-Малик. Еще мальчишкой, в тридцатых годах, поднимался Кабилов в эти горы и смотрел, как тут работали русские геологи. Он восхищался их упорными поисками и радовался их находкам. Их упорный труд словно заворожил юношу, и с тех пор его не оставляла мысль стать геологом. Он окончил индустриальный рабфак в Самарканде и поехал в Ташкент, чтобы поступить на горный факультет Средне-Азиатского индустриального института.

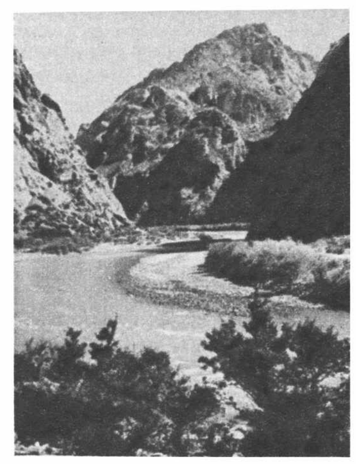
Пять лет прожил геолог Кабилов в долине Фан-Ягноба. Вместе с четой молодых специалистов, Ираидой Леонидовной и Василием Ивановичем Никитиными, он проводил геологическую съемку, занимался коксованием углей в лабораториях и полупромышленной печи, осуществлял проходку горных выработок. Экспедиция дала точный подсчет запасов коксующегося угля и геологическую оценку месторождения.

Никитины и сейчас еще трудятся в Равате. А Шакир Кабилович учится в аспирантуре Института геологии Таджикской Академии наук и пишет диссертацию о геологии и угленосности Фан-Ягнобского месторождения.

Пришли в Рават и химики. Специалисты установили, что фан-ягнобские угли, избавленные от золы, по своим свойствам не уступают кузбасским и годны для металлургической промышленности. Химики и технологи определили высокие качества жидких и газообразных продуктов здешнего угля: бензола, смол, коксовых газов. Два года испытывались в Равате условия штабельного хранения углей. Опыты показали, что в штабелях легко самовоспламеняющийся фан-ягнобский уголь может лежать два — три месяца. Это особенно важно; ведь потому и возникали пожары в долине, что уголь здесь самовоспламеняющийся.

Сейчас рассматривается вопрос о промышленном использовании сокровищ Фан-Ягнобской долины.

Н. ТОЛБАСТ

Ягнобское ущелье.
Фото Н. Софьина.

Над чем работают таджикские ученые

В семье Айни

Фотография 1949 года. Сидят: Лютфия, Садриддин и Халида Айни, стоят: племянник писателя Хамид Мансуров и Камол Айни.

В таджикском кишлаке Соктаре, Бухарской области, над глинобитной кибиткой, в которой родился и рос Садриддин Айни, цветет весенний сад. Айни — сын таджикского крестьянина, поэт, революционер, общественный деятель, человек с поистине энциклопедическим образованием, спит вечным сном в центре Сталинабада; над ним шумят зеленые деревья, звенят юные голоса, светятся огни молодого города.

О том, что он оставил своему народу большое литературное наследство, известно далеко за пределами Таджикистана, но мало кто знает, что Садриддин Айни, как эстафету, передал неукротимое стремление к знаниям своим детям: Халиде, Камолу, Лютфии.

...В украшенном восточным орнаментом доме на окраине Сталинабада тишина. Молодой человек склонился над древними рукописями. Пожелтевшие от времени страницы унизаны частой арабской вязью. Это строки древних поэм, глубокие научные исследования, философские трактаты. Они бесценны, эти рукописи, собранные здесь, в Институте языка и литературы Академии наук Таджикской ССР.

Но это лишь малая часть великих трудов таджикских ученых и поэтов минувших веков. За столетия упадка большой старой культуры рукописи разошлись по всему свету: их за бесценок скупали и увозили английские, немецкие, американские туристы. Часть из них попала в крупнейшие библиотеки мира.

Собрать их, если не в подлинниках, то хоть в фотокопиях,— вот о чем мечтал Садриддин Айни. Эту мечту унаследовал его сын Камол. Он окончил восточный факультет Ленинградского университета, учился в аспирантуре Института востоковедения Академии наук СССР. Темой диссертации молодой Айни избрал творчество выдающегося поэта XVI века Бадриддина Хилоли, мужественного борца против деспотизма. Хилоли был казнен правителем Бухары Убайдулло-ханом.

Кто не знает бессмертной поэмы «Лейли и Меджнун» и автора ее таджикского варианта Хилоли! А между тем единственная рукопись поэмы находится далеко от родины — в Лондоне. Камолу Айни в 1952 году удалось получить из Кембриджского музея фотокопию сборника лирических стихов Хилоли, переписанных знаменитым каллиграфом востока Мир-Али.

По крупицам, в книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Сталинабада, Ташкента и Самарканда, собирал Камол Айни произведения великого поэта, тщательно изучал их. Заслуга исследования Хилоли полностью принадлежит Камолу Айни. Легко представить то удовлетворение, которое испытал молодой ученый при чтении гранок созданной им монографии «Хилоли». В ближайшие дни ее выпустит Государственное издательство Таджикистана.

Позади еще один большой труд: сборник лучшего поэтического наследия Носири Хисрава, который Камол Айни подготовил к декаде таджикского искусства в Москве.

А впереди новые работы. Камол вместе с сотрудниками института Бахрамом Сирусом и Зухором Ахрори редактирует десятитомное полное собрание сочинений Фирдоуси. Он участвует в составлении трехтомника основоположника таджикской литературы Рудаки к его 1100-летнему юбилею и тринадцатитомного полного собрания сочинений своего отца.

Изучением творческого наследия Айни занимается и его дочь Халида. Она окончила отделение русской филологии Узбекского государственного университета и аспирантуру при Московском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Диссертация ее хорошо известна востоковедам: исследование философской поэмы Бедиля «Ирфон». Садриддин Айни интересовался этим поэтом и посвятил ему свою книгу «Бедиль». Дочь продолжила дело отца, написав книгу «Бедиль и его поэма «Ирфон».

Младшая дочь Айни, Лютфия, изучает искусство народов Средней Азии. Она окончила искусствоведческое отделение исторического факультета Московского университета и теперь учится в аспирантуре.

Летом, во время каникул и отпусков, бывают хорошие дни, когда молодые ученые, выпестованные Садриддином Айни, собираются в доме на Школьной улице. В кругу их часто возникают разговоры о судьбах таджикской науки. И тогда Салохат Айни — жена писателя, одна из образованнейших таджикских женщин своего поколения — говорит: «Меньше слов, дети, больше дела!» Но это произносится только в шутку. Мать знает: ее дети уже внесли немалый вклад в развитие науки республики.

Н. ХРАБРОВА

Новое в небе

Уже давно спала жара, и над Сталинабадом опустилась июльская ночь, когда астроном Анатолий Бахарев отправился в путешествие по звездному небу. Медленно передвигая бинокулярную трубу, он в который раз задумывался о необыкновенной яркости звезд в этом южном небе.

Еще много веков назад они привлекали внимание ученых древнего Востока. Ал-Фергани написал комментарий к Птолемеевой астрономии, Ал-Хорезми дал критический анализ индийских астрономических таблиц, Абу Махмуд Ал-Ходжанди создал большой секстант с радиусом около 40 метров. Абу Рейхан Бируни за 500 лет до великого открытия Коперника предполагал возможность движения Земли вокруг Солнца. А «соловей Востока» — поэт Омар Хайям был астрономом знаменитой тогда Мервской обсерватории и работал над составлением календаря.

...Бинокуляр приближал глаза молодого астронома к созвездиям Персея, Кассиопеи и Пегаса... Но что это? В созвездии Пегаса вдруг появилось светлое пятно. Еще вчера его не было. А сейчас оно медленно-медленно движется среди звезд.

— Комета!

На зов Бахарева прибежали астрономы П. Бабаджанов и Н. Шаховской и тоже подтвердили: комета медленно движется по небу. Так в ночь с 13 на 14 июля 1955 года астрономы Сталинабадской обсерватории открыли комету. Двенадцатью часами позднее ее увидели американцы Макфарлан и Кринке.

Комета Бахарева далеко не единственное открытие Сталинабадской обсерватории. Эта обсерватория самая южная в нашей стране. За 20 с лишним лет деятельности ее научные сотрудники открыли 25 и исследовали около 3 тысяч переменных звезд. Найдены и новые, только что вспыхнувшие звезды. Это звезда в созвездии Ящерицы и две звезды в созвездии Лебедя и в созвездии Скорпиона. В фототеке обсерватории хранится около 20 тысяч фотографий звездного неба.

В августовские, особенно темные ночи, когда Земля, странствуя по своему замкнутому пути, врезается в кольцо космической пыли, небо прочерчивается мгновенными траекториями «падающих звезд». Это метеоры — космические песчинки, сгорающие в верхних слоях атмосферы Земли. В 1938 году в Сталинабадской обсерватории появилась сконструированная московскими учеными установка для фотографирования метеоров — метеорный патруль. С тех пор обсерватория систематически ведет визуальные и фотографические наблюдения за ними. Сотни фотографий метеоров имеются в фототеке обсерватории. Определены траектории полета метеоров, скорости их движения в атмосфере. На основе этих данных определены температура и плотность верхних слоев земной атмосферы.

Исследованием метеоров занимается молодой таджикский ученый Пулат Бабаджанов. Свою диссертацию он посвятил теории образования метеорных потоков. Сейчас он изучает один из древнейших метеорных потоков — Персеиды.

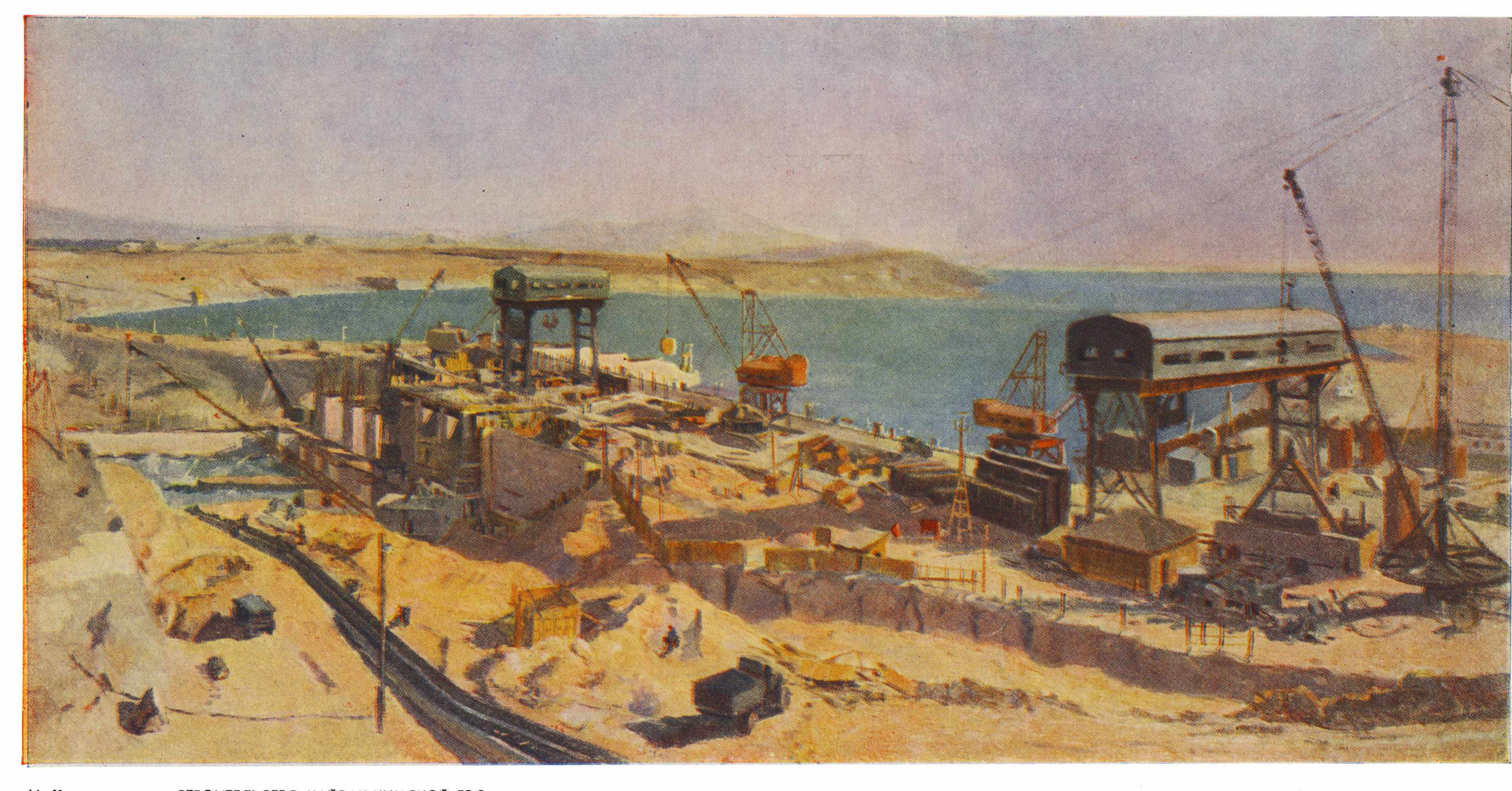
Недавно в обсерватории началось изучение звездных атмосфер. Эти вопросы разрешает Касым Саидов. Тема защищенной им диссертации — спектрофотометрическое исследование Беты—переменной звезды в созвездии Лиры.

Кандидаты физико-математических наук Касым Саидов (слева) и Пулат Бабаджанов сверяют спектрограммы.

С. БОРИСОВА

М. Хошмухамедов. СТРОИТЕЛЬСТВО КАЙРАК-КУМСКОЙ ГЭС.

Сталинабад. Государственный музей изобразительных искусств имени К. Бехзада.

Ф. Салманов. ДОРОГА.

Сталинабад. Государственный музей изобразительных искусств имени К. Бехзада.

А. Хмылев. ВОССТАНИЕ ВОСЕ.

Сталинабад. Государственный музей изобразительных искусств имени К. Бехзада.

М. Шипулин. НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР М. КАСЫМОВ В РОЛИ ШАХА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «АЛИШЕР НАВОИ».

Сталинабад. Государственный музей изобразительных искусств имени К. Бехзада.

ЗА ТЮЛЬПАНАМИ

Рассказ

П. ТОЛИС

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

П. ТОЛИС (родился в 1929 году) принадлежит к младшему поколению писателей Таджикистана. В 1948 году вышел в свет первый сборник его рассказов «Огни», посвященный жизни колхозов, сельской молодежи, студенчества. П. Толис много пишет для детей. В настоящее время он закончил работу над повестью для детей «Лето».

Если вы бывали в Ленинабаде, то знаете, что с севера город огибает Сыр-Дарья, а за ней начинается каменистая степь, достигающая подножия горы Могол. Гора эта невысока. На ней нет ни ледников, ни рек с бурными водопадами, ни рощ. Весной склоны горы покрываются свежей травой, на которой пестрыми пятнами выделяются цветы. И тогда многие жители города ходят на гору Могол собирать подснежники, а попозже — тюльпаны и кисло-сладкий ревень; его здесь очень много. Стоит ли говорить, что чаще других ходят сюда мальчишки.

В год, когда и я еще был мальчишкой, в самом начале апреля мы договорились с моим товарищем Юсуфом пойти на Могол за тюльпанами. Целый день мы провели в сборах, а на следующее утро затемно отправились в путь.

Перейдя через мост, мы наполнили речной водой бутылки и зашагали по степи.

Было прохладно. Дул свежий утренний ветерок. Меня пробирала дрожь.

— Взойдет солнце — потеплеет, — подбадривал меня толстый Юсуф.

Ему холод был нипочем. Он даже не застегнул ворот рубашки. Я невольно позавидовал его полноте и хлопнул Юсуфа по животу.

— Ишь, жирный!

— Не то что ты, тощая палка! — ответил Юсуф и толкнул меня плечом.

Началась возня.

— Ну, разогрелся? — спросил Юсуф, вытирая со лба пот.

Но вскоре я снова начал мерзнуть. Ветер пронизывал насквозь, и, хотя давно уже рассвело, солнце еще не появилось из-за гор. С опаской мы поглядывали на облачное небо, думая, идти ли дальше. Что ни говорите, а мне было одиннадцать, Юсуфу — двенадцать лет.

— Можно вернуться, Хошим, только мы опозоримся, — рассудительно заметил Юсуф. — Ребята нас засмеют.

— Ну и погодка! — только вздохнул я в ответ.

— Все время была хороша, а сегодня как назло... Может быть, прояснится?

— Будь что будет! — махнул я рукой. — Пошли! В конце концов, не съест же нас волк!..

— А может быть, все-таки вернемся?

— Ай да храбрец! — с издевкой произнес я. — Уже на попятный!

— Кто? Я? Пошли!

Трава, покрывающая степь, рябила под порывами ветра. Кое-где клонился к земле степной мак. Аромат степных трав и цветов поднимался с земли. Изредка из-под наших ног вылетал кузнечик, иногда с шуршанием пробегала ящерица и тут же скрывалась.

— Взгляни, Хошим! — вдруг остановившись, воскликнул Юсуф.

У его ног лежали растерзанные, окровавленные перышки, лапки и голова какой-то птички.

— Бедненькая! Должно быть, попалась лисе. Или волку...

— Это куропатка, — уверенно заключил Юсуф. — А волков здесь нет.

Дальше мы шли молча.

— В природе, не прекращаясь, идет беспощадная борьба за существование, — передразнивая нашего учителя биологии, вдруг произнес Юсуф.

Я, конечно, рассмеялся. Юсуф тоже. Весело болтая, мы побежали вперед.

Вскоре мы достигли подножия горы и стали взбираться вверх. Степь осталась позади. Ветер шевелил ее травянистый покров, и теперь она казалась нам широким, бескрайним морем, какое мы видели тогда только в кино.

Поднимаясь все выше и выше, мы достигли ущелья. Ветра там не было. Вокруг щебетали птицы. Изредка слышалось грузное хлопанье крыльев горной куропатки. Трава здесь была гуще степной и доставала нам до колен. Ноги у нас намокли от росы. Склоны, покрытые яркой, не пропыленной, как в городе, зеленью, привлекали наше внимание. И воздух здесь был совсем другой: чистый, свежий. Дышалось легко. Заглядевшись на красоту открывшихся перед нами гор, мы забыли свои страхи.

Но радость наша продолжалась недолго. Откуда ни возьмись, навстречу нам кинулась со злобным рычанием огромная собака. Глаза у нее были налиты кровью. Шерсть на загривке поднялась. Если бы не подрезанные уши, ее можно было бы принять за волка.

Я взглянул на Юсуфа. Он побледнел и словно завороженный смотрел широко раскрытыми глазами на приближающееся чудовище.

— Швырнуть в нее камнем? — прошептал я.

Юсуф мотнул головой.

— Что ты! Не шевелись и смотри ей прямо в глаза. Иначе она растерзает нас...

— Бежим, скорее бежим, Юсуф!

Он схватил меня за руку.

— Ни с места, дурак, слушай, что тебе говорят!

Не знаю, правду говорил Юсуф или нет, но только собака, остановилась в нескольких шагах от нас и принялась лаять, словно призывая кого-то. Шерсть у нее на спине улеглась, и лай не казался теперь таким злобным. Я немного успокоился и, вытащив из кармана кусок лепешки, протянул собаке.

— На, возьми!

Но собака снова зарычала и, отскочив в сторону, принялась лаять еще громче. Мои колени подгибались и дрожали от страха.

— Не шевелись, кому говорят! — прошипел Юсуф.

Мы не шевелились. Собака беспрестанно лаяла. Так продолжалось довольно долго.

— Каро, на место! — раздался окрик.

Из-за скалистого уступа вышел высокий мужчина. Собака тут же умолкла и, виляя хвостом, побежала к нему.

Мужчина опирался на высокий посох. За спиной его висело ружье. На голове был киргизский малахай, отороченный ярким лисьим мехом. Черный чупан, подпоясанный широким офицерским ремнем, достигал земли. Из-под чупана виднелся ворот армейской гимнастер-

ки. Лицо встречного было черным от загара. Узкие, миндалевидные глаза недружелюбно поглядывали на нас.

— Что вам тут надо? — вдоволь насмотревшись на нас, произнес он. Хотя он говорил потаджикски, но акцент выдавал, что это не таджик.

Мы растерянно глядели на него, не зная, что отвечать.

— Я спрашиваю, что вам здесь надо? — сердито повторил пастух. — Зачем вы пришли сюда?

«А что, это твои горы, что ли?» — про себя возмутился я и, вдруг осмелев, резко ответил:

— Мы пришли сюда за тюльпанами!

— За тюльпанами... — протянул пастух. — Молоко на губах еще не обсохло, а уже в горы полезли! Если с вами что случится, будут уж вам тюльпаны! Каро! — позвал собаку пастух и, ворча что-то себе под нос, ушел.

— Ишь, вредный! — после долгого молчания сказал Юсуф, вытирая взмокший лоб. — Не похож на таджика...

— Киргиз, верно, — сказал я и тут же спросил. — Неужели все киргизы такие злые?

— Разные бывают киргизы, — важно ответил Юсуф. Он никогда не сомневался в своем превосходстве, считал себя и умнее и осведомленнее меня. — У моей тетки жили киргизы — очень хорошие люди.

Мы двинулись дальше. Пройдя несколько шагов, Юсуф рассмеялся:

— Здорово мы перепугались этой собаки, а?

Вскоре мы вышли к широкому обрыву. На другой стороне его стояла белая юрта, возле которой паслась отара овец. Струя дыма поднималась к небу. Возле юрты мальчик в темной рубашке крутил ручку какого-то бочкообразного аппарата.

— Масло сбивает, — объяснил Юсуф, хотя я и сам видел это.

В самой середине стада наклонился над овцой человек в черном чупане.

— Тот самый?

— А ну его! Пойдем отсюда, Юсуф!

Мы решили, чтобы не встречаться больше с пастухом и его собакой, обогнуть обрыв. Тропа, по которой мы пошли, сужалась. Горы вздымались все круче и круче. Виды, один красивее другого, раскрывались перед нами. На душе у нас было радостно, и хотя прошли мы уже очень много, совсем не чувствовали усталости... Кругом царила глубокая тишина. Ни пения птиц, ни хлопанья крыльев куропаток — ничего не было слышно вокруг, только шум наших шагов да шорох осыпающихся из-под ног камешков.

— Тюльпан! — воскликнул Юсуф и побежал.

Вечно этот Юсуф все замечал раньше, чем я! Вот и на этот раз первый тюльпан достался ему. С завистью глядел я, как алый цветок скрылся в мешке товарища. Вдруг я и сам заметил в отдалении яркое пятнышко. С победоносным криком я бросился к нему. Сорвав тюльпан, я увидел вдали, на крутом склоне, в зеленом травяном ковре, яркую полосу цветов. Сотни тюльпанов, желтых, красных.

— Сюда, Юсуф, сюда! — крикнул я, карабкаясь вверх.

Торопливо срывая цветы, мы незаметно достигли гребня горы и начали спускаться по другому склону.

— Ну, хватит, — сказал наконец Юсуф. — Мне уже некуда складывать цветы.

— Как, возвращаться? — спросил я, ощущая тяжесть своего мешка.

— А как ты думал! Что нам тут делать? Только сперва давай поедим. Вон, гляди, источник.

Под кривой горной елью бил прозрачный родничок. Мы уселись возле него и принялись за еду. Размачивая лепешки в кристально чистой воде, мы уплетали их за обе щеки. Подкрепившись, я сказал, что на этом месте хорошо бы построить жилье. Юсуф, как всегда, стал возражать. Он объяснил, что здесь быстро соскучишься и к тому же нет рынка, магазинов — как тут жить человеку?

В споре время проходило незаметно. А тут, откуда ни возьмись, ветер. Небо затягивалось черными тучами. Юсуф торопливо вскочил.

— Вот увидишь, будет ливень! — воскликнул он.

Меня охватил страх. Укрыться от дождя негде, а спускаться в дождь очень опасно: легко поскользнуться. Далеко ли до беды! Быстро собравшись, мы побежали вниз по склону. Небо темнело с каждой минутой. Ветер дул сильней и сильней, подгоняя нас. Похолодало. Яркий свет молнии чуть не ослепил нас, и в ту же секунду страшный, как обвал, гром раскатился над головой. Земля под ногами задрожала. Ветер, словно ободренный громом и молнией, яростно завыл и засвистал. Он гнал и гнал нас вперед. Я упал и чуть не скатился в пропасть.

— Ю-су-уф! — в ужасе завопил я, но ветер заглушил мой вопль и унес в сторону. И в тот же момент тяжелая капля шлепнула меня по лбу. Начался дождь.

Он превратился в ливень. За несколько секунд мы промокли до костей. Траву прибило к земле. Она была совсем скользкой. При вспышке молнии мы увидели нависавшую скалу, под которой можно было укрыться, и бросились туда. Но и там не нашли спасения от ливня. Вода просачивалась сквозь трещины в камнях и лилась на нас. Поток грозил смыть нас в ущелье. Раздался оглушительный грохот. Несколько огромных камней, подпрыгивая, пронеслись по склону мимо нашего убежища. Страх сковал наши души.

— Только бы удержаться! Только бы не соскользнуть! — повторял я про себя, как дедушка молитву.

Дождь все лил и лил. Окоченевшие, мокрые, мы тряслись от холода. Сколько времени это продолжалось? Не знаю. Помню только, что пальцы на руках у меня свело судорогой. Мы уже не надеялись на спасение, как вдруг сквозь шум дождя я услышал чей-то голос. Сперва мне подумалось, что меня обманывает слух. Нет, крик раздался снова. А затем собачий лай. Ошибки быть не могло. Как же мы обрадовались этому лаю!

— Юсуф, Юсуф-джон! Слышишь? — не помня себя, воскликнул я.

— Ого-го-гой! — закричал Юсуф.

И тут в пелене дождя мы увидели огромную собаку. Она кинулась к нам с громовым лаем, но мы уже не боялись ее. Пусть она даже покусает нас! Теперь мы спасены! Из-за скалы вышел пастух-киргиз. Поверх чупана на нем был брезентовый плащ, в руке — неизменный посох. Собака кидалась к нему, к нам, опять к нему, показывая этим свою радость. Умная, милая, хорошая собака! Ни слова не говоря, пастух достал флягу, налил в крышку прозрачную жидкость и по очереди дал нам выпить. Я почувствовал во рту что-то горькое, жгучее. Через миг по телу разлилось приятное тепло, и я ожил. Только после этого пастух приказал:

— Идите за мной!

Очень скоро мы оказались возле юрты, внутри которой в жаровне пылали угли.

— Сушитесь!

Не сказав больше ни слова, пастух ушел.

Мы развесили сушить одежду. В юрту вошел мальчик, тот, которого мы приметили утром за сбиванием масла.

— Попались? — Он рассмеялся. — Здорово испугались, правда?

— Не-ет, — покраснев, ответил Юсуф, — чего нам пугаться?

— Вот молодцы! А мы с дядей здорово испугались...

— Вы? — недоумевая, произнес я. — Почему?

— А как же! Вы-то не знаете, что с вами могло случиться. А дядя знает! Камни так и катятся. Слышите? — Действительно, кругом грохотали обвалы. — Как вас зовут? — спросил маленький хозяин юрты.

Мы ответили.

— А меня Миртемур. Ну, усаживайтесь.

Он расстелил скатерть и положил лепешки и сыр, поставил миски с вареным мясом, кислым молоком. Мы с жадностью набросились на еду.

Вечером, когда кончился дождь, Миртемур, его дядя и их прекрасный пес проводили нас до самой степи. Пастух пожал нам руки, как взрослым.

— Счастливого пути, — спокойно проговорил он.

— Спасибо вам за все, спасибо! — воскликнули мы и зашагали по степи.

Пройдя немного, мы обернулись. Пастух, опираясь на посох, глядел нам вслед. В предвечерних сумерках он казался нам великаном. Миртемур махал нам рукой. Каро стоял рядом с ними.

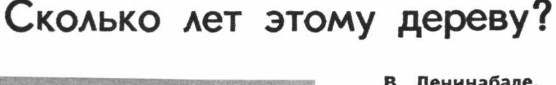
— До свидания! — крикнул я.

— До свидания! — послышался в ответ голос Миртемура.

Помахав им на прощание рукой, мы двинулись вперед. И хотя мы догадывались, что дома нам здорово попадет, на сердце у нас было радостно и тепло.

Лишь став взрослым, я понял причину нашей тогдашней радости. Я понял, что самая большая радость в жизни — это встреча с настоящим, хорошим человеком.

Авторизованный перевод Юрия СМИРНОВА.

Сколько лет этому дереву?

В Ленинабаде, на улице Шуро, в старой части города, стоит исполинское тутовое дерево. Ветви его искривлены ураганами, кора изборождена глубокими морщинами. Сколько лет дереву-старцу?

Мнения знатоков расходятся. Одни из них, зная, что обычно тутовое дерево живет 70—80 лет, все-таки утверждают, что дереву не менее одиннадцати веков, другие дают ему «только» одну тысячу лет.

Возле городского музея стоит другое дерево. Оно почти вдвое меньше, чем исполин на улице Шуро, между тем старожилы говорят, что ему не меньше девятисот лет. В таком случае во время нашествия Чингис-хана младшему тутовому дереву могло быть около полутораста лет.

Новый поселок колхозников Новабад.

Люди, пришедшие с гор

Н. АЗИЗ

Фото автора.

Кишлак Шулюли — маленькое горное селение. Жители его были объединены в колхоз имени Орджоникидзе. Председатель Сафар Али Назаров — депутат Верховного Совета СССР. Но на фоне других колхозов Кулябского района орджоникидзевский все же не выделялся. В чем же дело? Уж, конечно, не в том, что колхозники здесь работали хуже, чем в других местах. Не зря говорится на Востоке: «Капля воды дороже песчинки золота». А в Шулюли этих капель было так мало, что Сафар Али должен был днем запирать родник, чтобы к вечеру там скопилось хоть сколько-нибудь воды.

Внизу, у соседей, жирная, сдобренная влагой земля колхоза имени Ворошилова рождала хлопок: белый, пушистый, трепетно нежный по утрам, когда капли воды на стеблях казались сверху россыпью алмазов.

Были у орджоникидзевцев и овцы. Но вот беда: трудно в горах с лесом, не построишь таких ферм, какие сооружают в долине ворошиловцы.

Но как ни хорошо жилось внизу, здесь, в горах, родились отцы, деды и прадеды. Здесь была родина, здесь весенние грозы метались по ущельям, здесь соловьи рассыпались в песнях любви и радости. Да и потом, если все же спуститься в долину, то куда идти? Где строить дома? Из чего? Кто будет помогать?

...Однажды около правления колхоза остановился «газик». Шофер доставил письмо от председателя ворошиловского колхоза Урока Каримова. Он писал, что делегация их колхоза хочет приехать к орджоникидзевцам завтра, когда спадет зной и солнце пойдет на отдых.

О цели визита многие догадывались.

На следующее утро Аслам Холов, старейший в Шулюли, пошел в Куляб, в универмаг. Он долго ходил вдоль прилавков и остановился там, где продавали электроприборы.

— Покажи мне чайник, который сам делает чай, — попросил он продавца.

— Электрический?

— Я же сказал: тот, который сам варит. Важен смысл, а не слово, — раздраженно заметил Холов: старик не любил, когда люди думали, что он чего-то не знает.

Возвратившись домой, он велел, когда приедут гости, вскипятить чай на костре, а подать его в электрическом чайнике. Хитрость Аслама Холова всем понравилась.

И вот гости приехали. Как только они пришли в правление, Якуб Юнусов спросил:

— Выпьем чаю?

Холов вышел и вскоре вернулся с блестящим электрическим чайником. Он чуть-чуть волновался, хотя и не хотел признаваться в этом: в кишлаке Холов слыл человеком невозмутимого спокойствия.

— Может быть, сначала я расскажу немного о нашем колхозе? — спросил Каримов.

— Чай остынет,— заметил Холов.

— Так чайник же электрический. Его можно всегда подогреть,— тихо сказал Каримов и посмотрел в глаза старику. Холов вздохнул и ничего не ответил. Что же он мог ответить, если его хитрость была разгадана!

— У нас в колхозе сеют хлопок. Есть у нас бараны и коровы.

— Сколько баранов? — спросил Юнусов.

— Пять с лишним тысяч.

Холов переглянулся с Юнусовым и сохранил безразличие на лице.

— Семьи, работающие в нашем колхозе, получают в среднем тридцать тысяч рублей на трудодни и сорок — пятьдесят центнеров хлеба. Наш доход составил девять миллионов. Неделимый фонд колхоза — четыре миллиона рублей. У нас есть пять школ, больница, клуб. У нас есть электричество,— и при этих словах Каримов взглянул на Холова,— у нас много воды, и мы не жалеем ее.

— У нас тоже есть школа,— нерешительно сказал Юнусов и замолчал.

— Если вы захотите спуститься с гор и войти в наш колхоз, все мы станем еще богаче,— закончил Каримов.

— Хафт бор чен кун, як бор би бур,— сказал Холов,— семь раз мерь, один раз режь.

— Ваши слова проникнуты мудростью,— согласился Каримов,— эта пословица — правильная пословица. Прежде чем что-либо решить, вы должны познакомиться с нашим колхозом, и мы будем рады принять вас в тот день и час, когда вы захотите.

Холов посмотрел на Назарова. Тот улыбнулся:

— Мы приедем послезавтра.

...Назаров, Холов, Юнусов, Давлятов и Ашуров поехали к ворошиловцам.

По колхозу ездили до позднего вечера. Побывали на фермах, в школах, в гараже, в яслях, на полях. Разговаривали со стариками и комсомольцами. Внимательно смотрели книги доходов, знакомились с цифрами, за которыми скрывались довольствие и радость. Пили чай из электрических чайников. А под конец смотрели кино в клубе. Холов сидел в первом ряду и улыбался. На прощание Каримов сказал:

— Я понимаю, что в горах жили ваши отцы и деды. Я понимаю, как дороги вашим сердцам родные места. Но здесь, в долине, родятся ваши внуки и правнуки. Это будет их родина. А ведь мы живем для того, чтобы нашим детям было еще лучше, чем нам. Если вы решите перебраться в долину, мы дадим вам машины для переезда и построим для вас дома.

Когда вернулись в Шулюли, Назаров сказал Холову:

— Там собрались наши колхозники. Они ждут вашего слова.

Колхозники ждали, что скажет старик Аслам: на востоке слово старости считается словом мудрости.

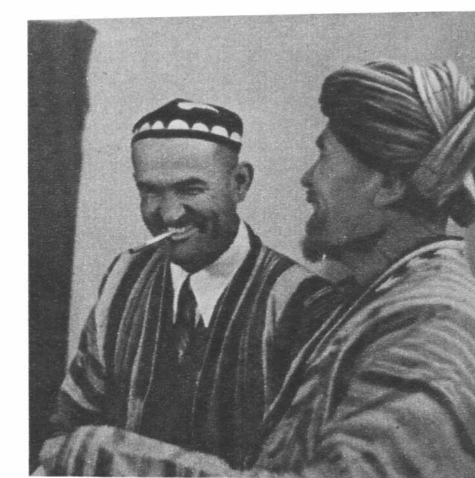
— Сейчас,— тихо ответил Холов.— Сейчас я приду и скажу то, что должен сказать.

Холов обвел глазами горы, обступившие его со всех сторон, глубоко вздохнул, вытер ладонями щеки и направился к колхозникам.

...Если вы будете ехать из Сталинабада в Куляб по новому шоссе, то, не доезжая до Куляба километров двадцать, остановитесь около нарядных, с красными черепичными крышами домиков поселка Новабад. Здесь теперь живут колхозники из Шулюли.

Найдите заместителя председателя колхоза имени Ворошилова Сафар Али Назарова — чаще всего он бывает на новой ферме — и попросите его познакомить вас с Асламом Холовым. Почтительно поздоровайтесь со стариком, поговорите с ним о жизни, о новых кинофильмах, о делах колхозников. Вы услышите много мудрых и интересных слов.

А на прощание Холов обязательно угостит вас чаем. Из электрического чайника.

Сафар Али Назаров и Аслам Холов.

Год рождения — 1837-й

На одной из тихих улиц города Куляба стоит маленький дом, обнесенный невысокой стеной. Здесь живет Курбан Салимов. Он родился в год, когда погиб Пушкин. Мы решили навестить Салимова.

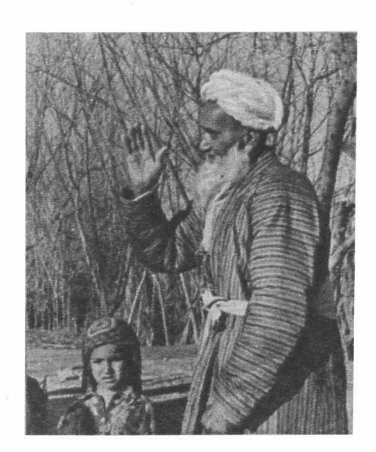
— Дедушка ушел погулять,— ответила нам его внучка Галочка.

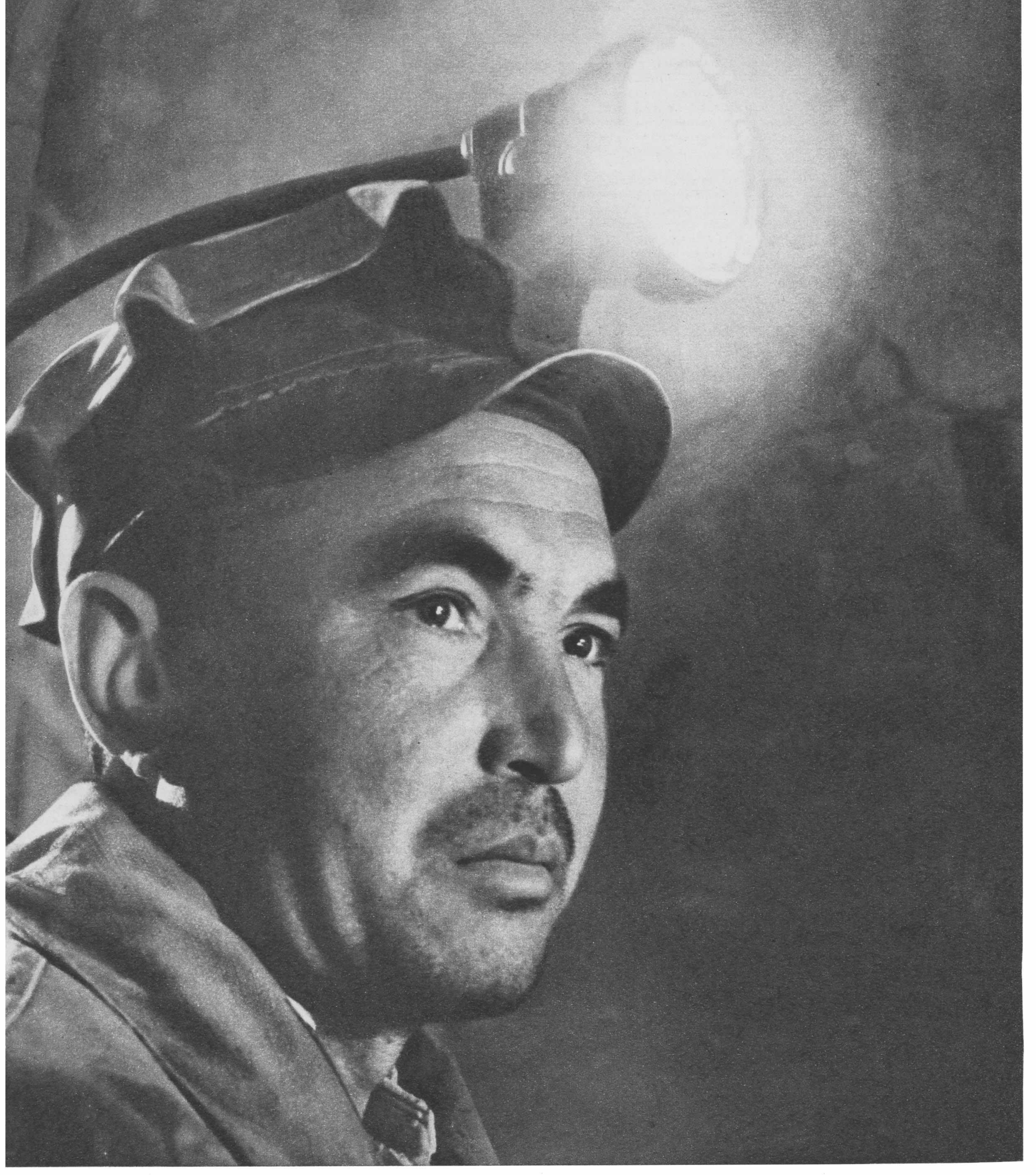
— Он, наверное, где-нибудь рядом? — спросили мы.

— Да что вы! Дедушка километров за пять уходит.

Курбан Салимов очень подвижен, много ходит. У него было 13 детей, 28 внуков и 6 правнуков. Младшей его дочери, Анор-гуль, 30 лет.

— Вот и хожу целый день, родственников своих обхожу,— говорит Салимов.— Интересно теперь люди живут, а мне посмотреть хочется.

Горный мастер Гуфран Бурханов.

ЧОРУХ-ДАЙРОН

Я. ФОМЕНКО

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Зима прошла. Не пора ли сбросить теплый, стеганый халат?

Не торопись, путник! Обманчива ранняя весна. Дует резкий ветер. Невесело в горах Кураминского хребта. Унылы покрытые несмываемым солнечным загаром скалы. Застывшие потоки каменной осыпи вызывают безрадостную мысль: не прорасти здесь ни цветку, ни былинке...

Возможно, именно в такую пору Кураминский хребет нарекли вторым именем: Карамазар — Черная могила.

Два имени у гор и два обличья. Сегодня они безжизненны, а завтра их подножия укроются ярким живым ковром. Из-под каждого камешка потянутся к свету чашечки тюльпанов. И тогда темные скалы заблестят в своем извечном солнечном загаре. Какой путник удержится, не сорвет цветок! Сорвет — и прочь одиночество!

Не потому ли так часты в таджикских орнаментах и тканях рисунки, напоминающие лепестки тюльпанов — цветов весны и первого тепла?

Чем ниже спускается путник,

тем гуще живой ковер. В долинах путника приветствует цветущий абрикос. Много благ дарит человеку этот поднятый к небу горный край. Нет, не мертвы эти горы! Они дают жизнь долинам, собирая для них влагу, снабжая их богатствами своих недр.

В горах зияют входы в древние копи-пещеры. Их сотни. Сохранились страшные предания о местах, где добывали медь и серебро, олово и ртуть, бирюзу и рубины. Страшны сами названия копей. Пещера Конджол — Дорога крови. Она тянется под горами на пятнадцать километров. Из нее вынуто пятьдесят тысяч кубометров породы. Пещера Конигут — Рудник погибели — с пропастями, обрывами, безвыходными лабиринтами. Искать драгоценные камни и металлы туда посылали приговоренных к смерти. В случае удачи им обещали смягчение наказания. Удачников было куда меньше, чем тех, кто навек оставался в подземных западнях.

Были времена, когда ханы и эмиры, боясь алчности владык-соседей, строго-настрого запрещали рудный промысел, но сами вели его тайно, утоляя собственную алчность.

Около века назад, когда в горные долины пришли русские, два жителя Ходжента, таджики Азиз и Сангин, нашли в Кураминских горах образцы ценных руд. Найденные ими камни совершили длинный путь до Петербурга и, по слухам, украсили коллекции ископаемых в музее.

Кураминские горы по прежнему молчали, хотя их тайна давно была известна людям.

Судьбы людей неповторимы. Нет одинаковых жизненных путей. Есть схожие.

У Гуфрана Бурханова и Якубжана Сабирова, земляков и потомков рудознатцев старого Ходжента, жизненные пути, как горные тропинки, слились в одну общую дорогу. Она привела их в отроги Кураминского хребта, к Могол-Тау. Там они встретились и подружились. И дома построили рядом, в рабочем поселке, на улице Победы. Их жены, когда мужья на работе, забегают друг к дружке «на минуточку», одолжить две — три ложки соли или щепотку душистого перца.

Уже прошло несколько лет, как Гуфран и Якубжан обзавелись семьями. А кажется, так недавно их называли «мальцами».

Гуфран осиротел восьми лет от роду. Его взяли в детдом и стали учить. Гуфран освоил письмо и счет, затем ему стали преподавать естественные науки, историю. Учитель истории рассказывал о древних царствах и жестокости их правителей, о войнах, о подвигах Спитамена, восставшего против самого Искандера, о храбрости Муканны, о русских революционерах-свободолюбцах. А русскому языку Гуфрана выучили плохо, и об этом не один раз он пожалел.

Последний, десятый год учения почему-то прошел быстрее предыдущих. Промелькнул — и Гуфран уже рабочий на шелкокомбинате.

Мотальный цех. Кругом женщины. У них ловкие и нежные руки, не рвут тоненькие-тоненькие ниточки шелка, размотанные из кокона. У Гуфрана крупные, сильные руки, но для них воспитатели из детдома не придумали настоящего занятия. Шла война, а Гуфран, дюжий юноша — что юноша — мужчина! — мотал шелковую нить. Она могла пригодиться на парашют для летчика, но могла вплестись и в крепдешин для легкомысленной любительницы нарядов.

Тяжелее, зато куда интереснее было, когда Гуфран Бурханов строил Бековатский завод в Узбекистане. И мускулам была работа, и, как все, Гуфран знал: он строит мартеновский цех, где будут выплавлять сталь.

Из Беговата Гуфрана потянуло на родину. Взрослым, с раздавшимися вширь плечами парнем возвратился он в Ленинабад. В отцовском доме жила успевшая выйти замуж сестра. У нее была своя жизнь. Идти опять мотать шелк? Гуфран отправился в Чорух-Дайрон.

Нет ничего привлекательного в этом названии. По-русски оно означает рваный сапог или рви сапог, что-то в этом роде. Прежде предпочитали обходить Чорух-Дайрон. Грани рассыпанных всюду камней были так остры, что резали обувь, как бритвы из хорошей стали.

И все же Гуфран отправился в Чорух-Дайрон. Там добывали редкий металл. Какой именно, Гуфран толком не знал. Вероятно, этот металл и резал подошвы сапог. Говорили, что он нужен фронту для особо крепкой стали на танки, для бронебойных снарядов. Добывали его кустари-старатели.

Председатель старательской артели, взглянув на Гуфрана, спросил:

— Хочешь разборщиком?

Что делают разборщики, Гуфран узнал позже. Председатель внушал доверие, и Гуфран согласился. После того как председатель предупредил: «Смотри, парень, у нас трудновато»,— Гуфран ответил: «Ничего. Хоп!» Хорошо, значит.

Председатель не шутил. Не трудновато было, а очень трудно. Тот же фронт. Ни чайханы, ни квартиры. Спать пришлось под открытым небом, в недостроенном доме. Стояли стены, и не было крыши. За работу насчитывали трудодни. На них выдавали боны, а на боны — продукты. Кормились старатели сытно. Продуктов хватало на богатырские аппетиты.

Оборка забоя после отпалки ее взрывниками — небезопасное занятие. Надо проверить, не обрушится ли с кровли глыба, что держится на «честном слове». А вдруг обвалится, когда начнут очистку? Гуфран отбивал ломом висящие камни, выстукивал забой: не бутит ли? «Бутит» — значит отвечает на удар глухим, надтреснутым голосом. Постучите попробуйте карандашом по целому и по лопнувшему стакану. Звуки разные. Так и в забое. Сухой, близкий звук — порядок! Глухой, будто исходящий из недр — берегись!

Бурили вручную, руду отвозили тачками и в бричках, запряженных ишаками. И только гравитационные столы лихорадочно тряслись от силы двигателей.

Караваны верблюдов, пересекая древний «шелковый путь» из Китая в Багдад, увозили к железной дороге добытый концентрат, а рудокопы-старатели выдавали на-гора́ новые и новые тонны камня с еле заметными блестками редких металлов.

Однажды, уже после войны, Гуфран приметил на улице поселка юношу-таджика. Тот всматривался в людей, будто ждал кого. «Видно, новичок»,— решил Бурханов. То был Якубжан Сабиров из кишлака Самгар, Ходжентского района.

Разговорились, обрадовавшись знакомству. Оба нашли, что в их судьбах много общего.

Как и Гуфран, Якубжан рано потерял родителей. Правда, у него был дядя Абдунаби, которого не было у Гуфрана. Дядя взял сироту-племянника к себе. Когда Якубжан закончил семилетку, дядя сказал: «Пора браться за работу». Захватив самое необходимое, дядя и племянник пошли из родного Самгара в Чорух-Дайрон.

Вскоре по прибытии на рудник дядя Абдунаби ушел в горы с геологами, а Якубжан встал у дробилки. Было ему шестнадцать лет, и чувствовал он себя школьником. У своего напарника Халматова Якубжан учился работе и русскому языку. Книги по горному делу напечатаны были по-русски, а Якубжана, как и Бурханова, в школе не научили владеть русским языком: в войну не хватало учителей.

Якубжана влекла шахта, а председатель артели говорил, что для этого ему надо подрасти. Когда с подземных работ начали переводить женщин (война миновала, и надобность в женском труде на шахте отпала), Якубжан добился своего. Его учителем стал опытный горняк Никитин.

После знакомства Никитин сказал:

— Пойдем, сынок!

И не приметил, наверно, старый шахтер, как взволновало и обогрело юношу-сироту простое, сердечное слово. Якубжан не помнил, не мог помнить, когда его ласково звали «сынок»...

Так и звал своего ученика старый шахтер: не по имени, а сынком. А Якубжан, не осмеливаясь звать наставника отцом, звал его дядей.

— Дядя Ваня, это руда? — спрашивал он, подняв камень.

— Брось, сынок! Пустая порода! — с одного взгляда определял Никитин.

Вскоре и Якубжан так же уверенно различал, где руда и где пустая порода. Перфоратор он разбирал и собирал, как хороший стрелок ружье. Якубжан брал старанием, а дядя Ваня умел быть и неумолимо строгим и сменять строгость на отеческую ласку.

Подошло время Якубжану самому забурить забой. Выполнил он урок, пробурил шпуры и замер, ожидая оценки. Никитин быстро проверил шпуры и обернулся, недовольный, гневный.

— Ты что же наделал? — напустился он на ученика.— Кто тебя учил? Какой это шпур?Ползовой! Какой уклон? Правильно, хватит пятнадцати градусов. А у тебя? Отгрохал все тридцать. Испортил, понимаешь? Все испортил! Ты что молчишь? Онемел, что ли?

Точно недоглядев чего, дядя Ваня начинал вторично осматривать шпуры и говорил уже иначе:

— Вот это я понимаю! Не подкопаешься. Этот? Хорошо! Молодец! Вижу, стараешься, а промашку все же дал. А я чему учил? В нашем ремесле промашке не место. Такой закон, пойми.

Положив изуродованную когда-то в забое руку на плечо Якубжану, Никитин заканчивал наставление:

— В чем нетверд — спроси. Спрос не грех. Наугад ничего в жизни не делай. Боком и несчастьем нам это «наугад» оборачивается.

...Нет уж дяди Вани. Умер старый русский шахтер-старатель, человек большой души, знавший тайны гор и юношеских сердец. Придавило его породой. Так и не выжил. По чьей вине придавило, неведомо. Может, из-за того самого «наугад», от которого предостерегал он своего «сынка».

А на Чорух-Дайроне новость сменялась новостью. Начали строить государственный рудник и обогатительную фабрику. Ликвидировали сначала одну, потом другую и третью артели. Какая у кустарей-старателей техника? Перфоратор и тачка. Сравнишь разве с техникой, что поступала на шахту Капитальная? Подъемники, электровозы, вагонетки, сжатый воздух, зарядная станция, шаровые мельницы, флотационные машины.

Председатель артели привел своих старателей к начальнику новой шахты и передал их по списку, как особо ценное достояние. Церемония проходила торжественно. Называя новую фамилию, председатель вставал и громким голосом давал аттестацию. Начальник шахты крепко жал руки и желал успеха.

О Якубжане Сабирове председатель сказал:

— Молод, а смышлен, как старый шахтер. Никитинская школа. Ручаюсь...

И не стало кустарей-старателей Якубжана Сабирова и Гуфрана Бурханова. Они стали зваться рабочими.

Якубжан Сабиров по-прежнему бурил, а Гуфран Бурханов по-прежнему оставался разборщиком. Все будто сохранилось, как было. Но это так казалось. Теперь и Якубжан и Гуфран многое могли рассказать новичкам, научить их отличать руду от пустой породы. Не хуже старых рудокопов они «читали» краски гор и камней. Когда кусок руды окрашен в зеленоватый, с переходом в бирюзу цвет, — это медь. Если на камне буро-ржавый налет, значит, в нем железо. А камень с еле заметными светлыми вкраплениями — это и есть шеелит, то, ради чего они трудятся. Из шеелита добывается редкий и дорогой металл — вольфрам. Ради него построены рудник и обогатительная фабрика в предгорьях Могол-Тау, в Чорух-Дайроне.

И Гуфран и Якубжан знали, что добытый ими вольфрам намного повышает крепость и упругость стали, что накаленная вольфрамовая проволочка толщиной в шелковую нить светит в электролампах. Без вольфрама не сделаешь радиоприемника, телевизора, трубки рентгеновского аппарата. Без него не обойтись в установках для атомно-водородной сварки и в электропечах. Если надо изготовить огнестойкие краски и лаки, добавляют в красители вольфрамовые соединения. Быстрорежущие инструменты, «победит» для бура, магнитные сплавы, особо эластичные и прочные пружины — куда только не идет этот рассеянный мелким порошком в рудном теле металл!

И Гуфран и Якубжан знали, что руду из их забоя отвозят к бункерам фабрики.

А что делают с рудой в стенах фабрики — ступенчатого здания,

Далеко в горы уходят квершлаги и штреки Чорух-Дайрона.

прислонившегося к спине невысокой горы? В школах, где учились Гуфран Бурханов и Якубжан Сабиров, преподавали физику и химию. Однако ни разу они не слыхали там, как из руды добывают пыльцу вольфрама. На руднике они узнали, что диаметр пылинки шеелита, содержащего вольфрам, не больше диаметра волоса на голове человека. Они видели, что руда из бункера переваливается с транспортера на транспортер, идет, как путник в горах, то вниз, то вверх. Из бункера камни поступают на дробилку, и та щелкает их, как орехи. Измельченные в щебень куски руды перетираются в муку на мельницах. Каменная мука разбалтывается в воде и становится пульпой.

То, что происходит с рудой после того, как она стала пульпой, очень сложно. Знаний, полученных в десятилетке и семилетке, не хватало, чтобы разобраться в тонкостях таинственных превращений, происходящих на фабрике. Говорят, что частицы металлов обволакиваются маслянистыми веществами, к ним устремляются пузырьки воздуха. На воздушных шариках крохотные крупинки металлов поднимаются вверх, в пену. Пена, как сливки, снимается с пульпы.

У вольфрама есть спутники: молибден, медь, барит. Они крепко сдружились за миллионы лет совместной жизни, и разлучить их очень трудно, особенно вольфрам и барит. И все-таки их разлучают.

Всем, что творилось на фабрике, заправлял человек в фуражке с молоточками, начальник фабрики Серафим Григорьевич Клапцов. Сабиров и Бурханов при встрече почтительно уступали ему дорогу и чуть-чуть завидовали. Много учился, наверно, этот человек и многое знает.

Так же почтительно они уступали дорогу инженеру Евгению Ивановичу Устюгину. Сколько надо учиться, чтобы самому придумать такое крепление, какое придумал Евгений Иванович! Кровля крепится металлическими стержнями. И так прочно, что и взрывчатка не всегда берет.

О самом директоре Николае Алексеевиче Мезенцеве и говорить нечего,— наверно, учился больше всех. При нем и шахты и фабрика пошли в гору: расширяются, дают все больше вольфрама.

Чаще и чаще Якубжан и Гуфран стали встречать на своем пути круглолицего, с серебряными висками и с живыми темными глазами человека. То остановит он шахтеров в квершлаге, под землей, и спросит, как работалось; то зазовет к себе и начнет допытываться про настроение, про планы на будущее. Однажды этот человек сказал:

— Хлопцы, а я вижу, вам учиться надо...

Человек, подавший такой совет,— секретарь парторганизации Мадишер Басигараев.

И поехали Якубжан Сабиров и Гуфран Бурханов в Свердловск. Жили в одной комнате, сидели за одной книжкой, растолковывая друг другу незнакомые русские слова. В Чорух-Дайрон вернулись с бумагами, где было сказано, что они оба теперь горные мастера.

Поначалу они смущались новой ролью. Они никогда не руководили людьми. Им говорили: «Не боги и не ханы горшки лепят».

Сама обстановка призывала к напряжению сил. Обогатители требовали: «Больше руды!»

Что значит больше руды? Увеличить добычу руды — значит ускорить проходку. Родились скоропроходческие бригады. Заговорили на руднике о скоростниках из бригад Магдемира Хакимова и Михаила Нагорного. Эти люди показали, что такое ритм в труде и что такое организация. Проходческая циклограмма у Хакимова и Нагорного — нерушимый календарь. Кривая добычи поползла вверх. Было сорок — пятьдесят метров проходки в месяц, стало семьдесят, восемьдесят и, наконец, перевалило за сотню. Кто-то сочинил игру слов: «Хакимов шеелит шевелит!»

То же, что о Хакимове, заговорили потом о бригадире Хузе Латыпове. У него была хакимовская школа. Перед тем как принять бригаду, Латыпов работал у Хакимова разборщиком.

Теперь уже обогатители не жаловались и редко кричали: «Давай руду!» Руды хватало.

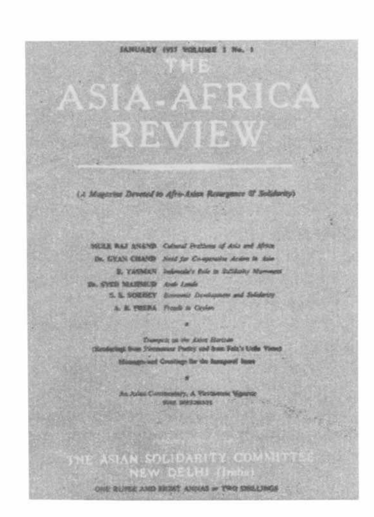
Молодым мастерам было приятно и трудно. Непрерывное движение вперед поглощает много сил, зато как приятно, как радостно оглянуться назад и видеть, что ты не стоишь на месте!

Якубжан Сабиров и Гуфран Бурханов вспоминают время, когда они пришли к старателям в Чорух-Дайрон. Давно ли это было? Если считать годами, — не так давно. А когда посмотришь, что стало с Чорух-Дайроном и, главное, как выросли они сами,— каким далеким кажется время, когда начиналась их горняцкая жизнь!

Ранняя-ранняя весна. Не расцвели еще тюльпаны. Терпеливо ждут тепла Кураминские горы.

Из норы высунул хитрую мордочку молодой лис. Посмотрел вниз, вздрогнул и трусливо забился в свое подземное убежище. Зверька испугал протяжный гудок. Где-то вдали гудок повторился. Отозвалось эхо? Нет, это на другом руднике подают сигнал начать работу. Много рудников в горах Таджикистана...

ЗА СОЛИДАРНОСТЬ НАРОДОВ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

JANUARY 1957 VOLUME 1 No. 1

THE ASIA-AFRICA REVIEW

(A Magazine Devoted to Afro-Asian Resurgence & Solidarity)

THE ASIAN SOLIDARITY COMMITTEE
NEW DELHI (India)

ONE RUPEE AND EIGHT ANNAS or TWO SHILLINGS

Мощная волна борьбы народов Азии и Африки за свое национальное освобождение вызвала к жизни организованное движение за солидарность народов этих двух континентов. Азиатская конференция по ослаблению напряженности в международных отношениях, созванная в апреле 1955 года в Дели (Индия), провозгласила создание постоянного международного Комитета солидарности стран Азии. Вслед за этим в Индии, Японии, Китае, Корее, Цейлоне, Сирии, Вьетнаме были созданы национальные комитеты азиатской солидарности. В мае 1956 года такой комитет был создан в Советском Союзе. Сейчас это огромное по размаху движение охватывает страны с населением, превышающим полтора миллиарда человек.

Сила движения солидарности особенно ярко проявилась в дни агрессии англо-франко-израильских империалистов против народа Египта, героически отстаивавшего свою независимость.

На днях из Индии в Советский комитет солидарности стран Азии пришла небольшая бандероль. Это был первый номер журнала «Азиатско-Африканское обозрение» — орган Международного комитета солидарности стран Азии, призванный пропагандировать принципы, которые провозгласила Конференция стран Азии и Бандунгская конференция, освещать проблемы борьбы народов против колониализма, за свое национальное освобождение.

«...Звезда Азии взошла,— пишет во вступительной статье председатель Комитета солидарности г-жа Рамешвари Неру,— ряд азиатских стран завоевали независимость. Однако известно, что предстоит еще многого добиться путем закрепления завоеванного и оказания помощи тем странам, которые продолжают борьбу за свою независимость». Г-жа Р. Неру приводит пример борьбы народов Малайи, Сингапура, Гоа. Она указывает, что положение в Корее и Индокитае, несмотря на достигнутое перемирие, по-прежнему остается напряженным, что Япония до сих пор оккупирована иностранными войсками, что законные права Китая, как члена ООН, по-прежнему игнорируются. «Мы,— заявляет Р. Неру,— обращаемся со словами доброй воли ко всем этим странам и выражаем нашу моральную поддержку их борьбе за разрешение этих проблем».

В первом номере журнала выступают видные общественные деятели Индии, Японии, Индонезии, Цейлона, представители культуры и науки. Среди них индийский писатель Мулк Радж Ананд, хорошо известный советскому читателю, лауреат международной премии «За укрепление мира между народами» С. С. Сокхей, видный индийский экономист Г. Чанд, поэт Фаиз Ахмед Фаиз, японский искусствовед Тепудзо Таникава и др.

Авторы освещают различные стороны общественной, экономической и культурной жизни народов Азии и Африки.

Проблемы развития экономики стран, освободившихся от ига колониализма, занимают одно из центральных мест в журнале. О необходимости достижения экономической самостоятельности, как гарантии независимости политической, пишет Г. Чанд. Он призывает страны, вышедшие на светлую дорогу самостоятельного развития, опираться на сотрудничество и взаимопомощь, а не на помощь Запада. Задачам индустриализации экономически слабо развитых стран посвящает свою статью С. С. Сокхей. Он указывает, что страны Азии, решая вопросы индустриализации, могут рассчитывать на помощь и сотрудничество стран социалистического лагеря, которые являются передовыми, высокоразвитыми странами мира. Он иллюстрирует это примером плодотворного сотрудничества Советского Союза и Индии.

О дружеских отношениях, установившихся между Индией и СССР на основе принципов мирного сосуществования, рассказывает также и Р. Неру. Она называет эти отношения образцом мирного сосуществования двух государств с различным общественным строем.

В журнале находят отражение проблемы возрождения национальной культуры народов Азии, обмена достижениями их многовековой литературы и искусства, преодоления искусственной разобщенности между народами Востока. Глубоким чувством гуманизма и миролюбия проникнуты страницы, посвященные индийской и вьетнамской поэзии.

Даже самое беглое знакомство с содержанием нового журнала вселяет уверенность, что он вызовет живой интерес читателей и встретит самую широкую поддержку народов Азии и Африки, так как выражает их самые сокровенные чаяния.

Пожелаем же журналу больших творческих успехов в его благородной деятельности.

В. ЛАРИН

Карим Девона—народный поэт

Отголоски громов первой русской революции докатились и до Бухарского эмирата. В 1907—1908 годах в Гиссаре вспыхнуло крестьянское восстание. Жестоко подавленное опричниками эмира, оно долго продолжало жить в народной памяти. В окрестных кишлаках не умолкали слухи о том, что среди участников восстания был певец, который своими песнями поднимал людей на борьбу с чиновниками и солдатами эмира. Говорили, что этот певец слагал свои стихи тут же, на площади, что стихи эти, привлекавшие всех хорошим, классическим слогом, звонкостью рифмы, юмором и гневом, были понятны простому народу, они призывали дехкан идти с каменьями на богатеев, на мулл, на самого эмира. Еще говорили, что певец был беден, ходил без головного убора, босой, в рваном халате из грубой карбосовой ткани. Никто не знал, как сложилась его судьба, жив он или мертв; остались от него только разрозненные жаркие строки да странное имя: Карим Девона — Карим Безумный.

Рассказы о загадочном поэте дошли до пастуха Хабибулло Назарова. То были первые годы Советской власти в Таджикистане. Молодой пастух вступил в комсомол, его избрали председателем комитета бедноты, он занимался делами родного селения, а по ночам писал стихи, и в ушах его звенели чудом уцелевшие строки пропавшего без вести поэта. Прошло много лет, пастух стал министром юстиции в родной республике. Однажды он заехал по делам службы в кишлак Хумдон, на берегу Вахша. Здесь жили переселенцы. Приехали они сюда из кишлака по названию Джуррак. Джуррак? Свежее предание гласит, что именно там родился и умер Карим Девона.

На новой родине таджикские горцы не забыли удивительного поэта. Выяснилось, что колхозник Гулямкадыр лично знал его. Старик спел несколько песен Карима о Гиссарском восстании. Одним из вожаков восстания был бедный крестьянин Ахмад. Поэт вкладывает ему в уста такие слова:

Давайте, бедняки, пойдем
одним путем,
Чиновников побьем, с лица
земли сметем!

Восстание подавлено. Под неистовый вой мусульманских святош и придворной знати Ахмада ведут на казнь. Вдали угрюмо стоят дехкане.

Была весна, сиял цветущий,
теплый день.
Из-под петли сказал он людям
деревень:
«Товарищи мои, пусть буду я
казнен,—
Заставит казнь моя шататься
шахский трон!»

Кто же этот поэт, так четко, звучно, задушевно выразивший идеалы таджикской бедноты? Где он учился? Был ли он грамотен? Самостоятельно ли пришел он к своим революционным формулировкам, или же они результат его общения с прогрессивными деятелями той эпохи? Многое неясно еще и сейчас. Хабибулло Назаров еще продолжает свои поиски. Теперь, благодаря труду неутомимого фольклориста, нам стало известно примерно сорок стихотворений Карима Девона — целая книга. Мы теперь знаем, что поэт родился в 1878 году, а умер, по-видимому, в 1918 году. Мы знаем, что в зимнее время он нанимался к крестьянам, имевшим ткацкий станок, а весной, летом, осенью скитался по кишлакам и пел на базарах свои песни. Бывал он и в небольших горных городках, добирался до Самарканда и Бухары.

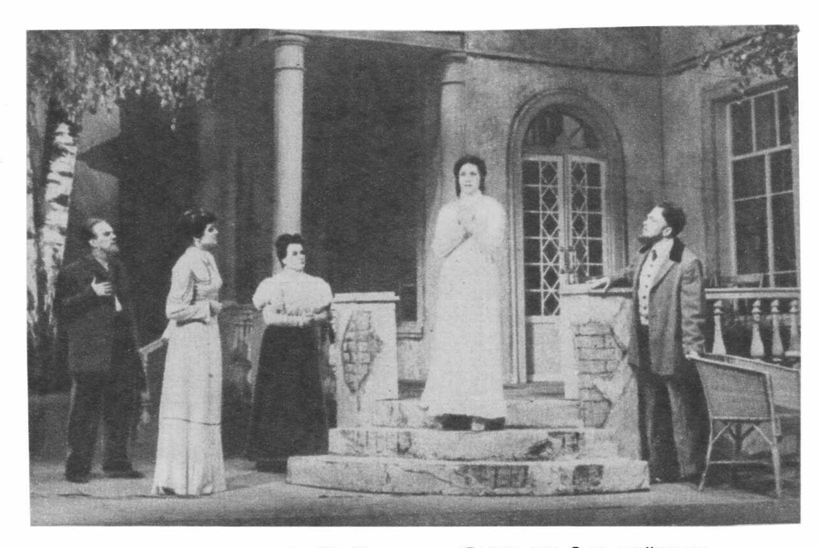
Доставалось от Карима гиссарским богачам, муллам, эмиру и его чиновникам, всему эксплуататорскому строю феодальной Бухары и даже самому небу. «Я в гневе на небо, что нищих терзает сурово!» — восклицал поэт.

Стихи Карима, гневные, остроумные, то печальные, то насмешливые, стихи, полные человеческого достоинства, окончательно развеяли миф, будто в дореволюционной Бухаре существовала только придворная поэзия. Нет, в горных кишлаках жила бунтарская народная поэзия, и счастливая находка стихов Карима Девона есть открытие в истории таджикской литературы.

С. КУЛИКОВ

Театр рассказывает...

Е. ЛОГИНОВА

«Дети солнца» А. М. Горького. Сцена из 2-го действия.
Фото О. Кнорринга и В. Пичхуляна.

Сомкнулся театральный занавес, перестали выходить на вызовы зрителей артисты: закончился показ последнего из спектаклей, отобранных для декады таджикского искусства в Москве.

Воображение и мастерство драматургов, режиссеров, актеров вывели на сцену таджикских театров множество разных людей различных эпох. Таджикский театр оперы и балета имени С. Айни возобновил к декаде постановку балета «Лейли и Меджнун», написанного композитором С. Баласаняном (либретто С. Ценина). В основе балета — столетиями бытующая на Востоке поэтическая сказка о несчастных влюбленных, воспетых Низами. Подобно Ромео и Джульетте, дочь жреца Лейли и степной кочевник Кайс (Меджнун) стали символом верной и страстной любви.

Хореография спектакля принадлежит талантливому таджикскому балетмейстеру Г. Валомат-заде. Оформление балета принесло первый успех известному ныне театральному художнику Е. Чемодурову. Постановка, пожалуй, несколько перегружена пышностью и роскошью нарядов, обилием сложных массовых и групповых танцев и пантомим, иной раз мешающих восприятию главной темы. Но вот, потеряв было из виду, вы вновь скоро находите героиню легенды — хрупкую Лейли, которую удивительно искренне и одухотворенно играет, а не только выразительно танцует Лютфи Захидова. Сложную партию Меджнуна («безумного») исполняет солист балета М. Кабилов (дублирует В. Кормилин).

В необычайно короткие сроки была разучена и поставлена Театром Айни опера Чайковского «Мазепа», что само по себе говорит о профессиональной зрелости коллектива (главный режиссер — Н. Савинов). Театр стремился создать спектакль крупного плана, глубоко раскрыть смысл событий. Нам кажется, что это ему удалось. Большая заслуга в успехе спектакля принадлежит оркестру (главный дирижер — Д. Далгат). Слаженно звучат задушевный хор девушек, взволнованная песня и ропот толпы, согнанной на казнь. Образы Мазепы (Я. Галибов), Марии (Х. Мавлянова), Кочубея (Б. Башмаков), Любови (В. Рызванович) нашли в спектакле яркое воплощение.

Репертуар театра Айни в дни подготовки к декаде пополнился новым значительным произведением — национальной оперой, написанной студентом Московской консерватории Шарофиддином Сайфиддиновым на сюжет популярного романа Рахима Джалила «Пулат и Гульру» (либретто С. Северцева). Молодой композитор, волнуясь, рассказывал нам о двух годах этой трудной творческой работы, о помощи, оказанной ему московскими педагогами, о глубокой общей заинтересованности в его произведении. Широко использованы в музыке оперы бытующие в народе мелодии, их интонационным строем пронизаны хоры, арии, песни, симфонические страницы партитуры.

...Молодой боец Красной Армии Пулат вступает в борьбу с басмачами. Попав в их руки, он подвергается жестоким пыткам. Его спасают друзья и боевая подруга — дочь бедняка-дехканина Гульру. В исполнении партий Пулата и Гульру, проходящих через всю драматургию оперы, как бы соревнуются талантливые артисты Р. Бурханов, Я. Галибов, Р. Толмасов и артистки Х. Мавлянова, Л. Кабирова, М. Бахар. Главарь басмачей Исламбек (в исполнении А. Муллокандова) и все его окружение обрисованы остро и выразительно. Реалистически решены и массовые сцены.

Живой интерес зрителя вызвала в этом театре и вторая его работа на современную тему — только что осуществленная новая постановка балета «Дильбар» А. Ленского. В сюжете балета — рассказ о борьбе таджикской девушки за право стать балериной — выражено стремление многих таких же юных девушек самим решать свою судьбу, самостоятельно выбирать и профессию и спутника жизни. Композитор и балетмейстер ввели в новую редакцию балета до 20 новых танцевальных эпизодов. Украшением спектакля являются, например, народные танцы с сюзане и с колокольчиками. Более ясными и насыщенными стали характеристики действующих лиц. Благодаря этому полнее раскрылось дарование исполнительницы главной роли — Л. Захидовой. Она будто живет на сцене, «рассказывая» свою собственную историю. Достоинство балета — стремление к действенному танцу.

Обращение к классике и к лучшим пьесам на современные темы всегда приносило успех и другому ведущему театру республики — Академическому театру драмы имени А. Лахути. На его сцене впервые прозвучал на таджикском языке «Отелло» Шекспира, ставший этапным в истории этого театра, а теперь поставлена «Трагедия о короле Лире» — оба в переводах А. Лахути и Ц. Бану. Осуществление постановки «Лира» из-за особенностей таджикского языка потребовало сокращения текста: иначе спектакль длился бы около 8 часов.

Развитие образа Лира исполнитель его роли народный артист СССР М. Касымов (он же играл Отелло) передает правдиво и сильно, не боясь резких переходов. На наших глазах происходит падение человека, считавшего себя центром окружающего его мира. Этот мир теперь всей своей тяжестью обрушивается на него самого. И тогда у Лира-Касымова меняются его ошибочные представления о человеке, просыпается сострадание к обездоленным «двуногим тварям». Это хорошо показывает талантливый артист.

Многое еще не улеглось в только что родившемся спектакле. Вас трогает юность и чистота Корделии, которую естественно и просто играет молодая артистка Х. Назарова, убеждает умное, тонкое мастерство А. Бурханова в роли честного и верного графа Кента. Но в исполнении роли шута З. Дусматовым не хватает темпераментности, подвижности. В образе Эдмунда — побочного сына Глостера, которого играет А. Ходжаев, — как-то сразу возникает перед вашими глазами этакий типичный злодей. Недостает многообразия красок Х. Рахматуллаеву, играющему старого Глостера. Его Глостер — добрый сердцем, доверчивый и в то же время вспыльчивый человек, и только. А ведь у Шекспира он предстает сначала как балагур и любитель острого словца, знающий к тому же толк в женщинах. Многосторонность изображения

«Мазепа» П. И. Чайковского. Мария — народная артистка республики Х. Мавлянова, гетман Мазепа — Я. Галибов.

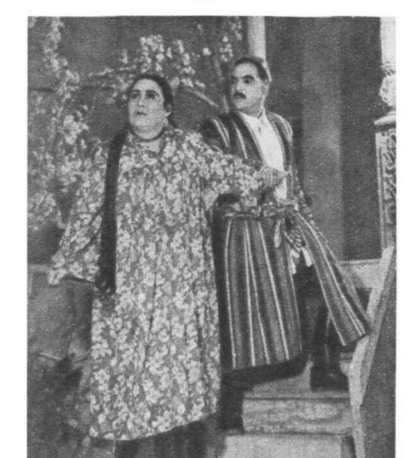

Сцена из спектакля «Дохунда». Народные артисты республики А. Бурханов — Ёдгор и Т. Фазылова — Гульнор.

«Пулат и Гульру» Ш. Сайфиддинова. Пулат, комиссар отряда Красной Армии,— заслуженный артист республики Р. Толмасов, Гульру — Л. Кабирова.

«Саодат» С. Саидмурадова и М. Рабиева. Саодат — народная артистка республики С. Туйбаева, Нияз, ее муж,— народный артист республики А. Бурханов.

человека — особенность шекспировской драматургии, не терпящей упрощения, смягчения. Не случайно лучшие режиссеры, и прежде всего русские, требовали от исполнителей шекспировских ролей «густоты красок», справедливо считая, что она — в характере самой эпохи. Думается, все это еще проступит в спектакле театра Лахути, созданном опытным режиссером Е. Мительманом и принятом таджикским зрителем горячо и сочувственно.

В декадном репертуаре сталинабадцев классика представлена и постановкой «Дети солнца» А. М. Горького, осуществленной Русским театром драмы имени Маяковского. Выбор пьесы нельзя не приветствовать. В центре спектакля, естественно, встал образ Протасова. Артист Н. Волчков играет настоящего ученого, охваченного мечтой добиться, чтобы любимая им химия решала насущные проблемы жизни. «Понимаешь, — говорит он своему другу Вагину, — когда волокно химически обработанного дерева можно будеть прясть—тогда мы с тобой будем носить дубовые жилеты, березовые сюртуки». Протасов в исполнении Н. Волчкова воспринимается как один из представителей интеллигенции дореволюционной поры.

Но этот бескорыстный, чистый душою человек, покоряющий каждого, глубоко равнодушен к людям. Н. Волчков показывает, как в общении с любым человеком обнажается бездушный эгоизм ученого. Отвратительно это его вечное стремление к покою, когда рядом страдают люди. Ни на минуту не теряет артист из виду двойственности характера Протасова.

В постановке и другие образы очерчены тонко, разносторонне. Автор относится ко всем этим людям с определенных идейных позиций — революционного пролетария. Эта позиция осуждает тех, кто является равнодушным зрителем страданий народа. Никакой ученый, никакой художник не создаст что-либо великое, если он не связан с народом, как бы говорит драматург. Именно эту философскую сторону пьесы и стремился донести театр в своей постановке.

Интересно, с глубоким прочтением горьковского текста, пониманием особенностей эпохи сыграны все основные роли. Умным и чутким человеком вы воспринимаете Елену Николаевну (Е. Ляхова), но и она провозглашает нормой человеческого поведения некое абстрактное понятие «красоты». Мечется Лиза (М. Ярцева) с ее страхом перед действительностью и пессимизмом.

Галерею образов интеллигентов дополняют ветеринар Чепурной в ярком исполнении М. Закруткина и художник Вагин, которого играет А. Чернов. Первый разочарован в жизни, заражен циническим безразличием. Встреча с Протасовым растревожила его совесть, но на гóре принесла неудавшуюся любовь. Второй считает себя одним из избранных, а свое занятие — «достоянием немногих». Вагин хочет «спеть свою песню один и для себя», но Протасов и его зажигает своим гимном интеллигенции — «детям солнца».

Постановка театра имени Маяковского, отличающаяся идейно-художественным единством, звучит как осуждение старому миру, создававшему таких беспочвенных людей.

Когда в 1941 году в Москве проходила первая декада таджикского искусства, сталинабадцы показали только один драматический спектакль на современную тему. За эти годы выросла национальная драматургия, и теперь москвичи увидят пять постановок таджикских драматических театров о современности. Один из таких спектаклей — «Дохунда» Дж. Икрами, — поставленный театром имени Лахути, создан по мотивам одноименного романа Садриддина Айни.

...Бедняк Ёдгор, прозванный «дохундой» (босяком), казалось, на всю жизнь осужден влачить цепи раба у опутавшего его долговыми обязательствами Азимшаха. Попытки к бегству караются заключением в тюрьму, где он ждет смерти. В тюрьме учителем Ёдгора становится большевик Абдулло-ходжа. Революция выводит Ёдгора на свободу. Исполнитель этой роли А. Бурханов показывает, как постепенно расправляются плечи вчерашнего раба, как растет он духовно, политически.

Знаменателен выведенный в спектакле образ комиссара Колесникова (М. Касымов). В нем как бы слились черты героев, командиров и комиссаров Красной Армии, вынесших на своих плечах тяжесть боев с наемниками империализма — басмачами, борьбу с остатками правящих классов. Такие, как Колесников, оказались воспитателями коренного трудящегося населения, помогали строить новую жизнь. В Сталинабадском историко-краеведческом музее бережно хранятся фотографии советских командиров, участвовавших в разгроме басмачей. Созданный на сцене театра Лахути образ одного из таких русских командиров — свидетельство того, как свято чтит их память таджикский народ.

Трагическая судьба Гульнор, невесты Ёдгора, — яркая иллюстрация невыносимого положения женщины Востока, находившейся под гнетом феодально-байских порядков и законов шариата. Революция, Советская власть окрылили женщину Востока. Артистка Т. Фазылова с любовью рисует облик одаренной от природы девушки гор, которую вся ее жизнь заставляет тянуться к новому. Безгласная рабыня становится свободным человеком, находит наконец и свое долгожданное счастье с Ёдгором.

Около 150 раз шел на сцене театра Лахути спектакль «Саодат» — пьеса С. Саидмурадова и М. Рабиева. Это был своеобразный отклик театра на волновавшую сотни тысяч таджикских хлопкоробов проблему: о переходе на новые формы возделывания и выращивания хлопка. Действие происходит в одном из колхозов Таджикистана в наши дни. События, развивающиеся в пьесе, позволили театру показать жизнь таджикской колхозной семьи, борьбу между старым и новым отношением к труду, к товариществу, к женщине. В роли Саодат выступает талантливая артистка Софья Туйбаева — представительница первого поколения мастеров таджикского театра.

— Роль Саодат, — говорит С. Туйбаева, — я играю с 1948 года. Это одна из моих любимых пьес. Нас как-то критиковали за то, что в спектакле почти все разговоры вертятся вокруг хлопка, что хлопок чуть ли не развел супругов Шодиевых. Но мне кажется, что столкновение Саодат и Нияза имеет под собой более глубокую основу. Спор идет об отношении к любимому делу и о равных правах мужчины и женщины. На сцене спор между мужем и женой не затягивается и разрешается благополучно. В жизни иной раз бывает труднее: еще чувствуются в быту пережитки старого отношения к женщине. Мы разоблачаем эти отсталые взгляды со сцены, и спектакль всегда встречает сочувствие зрителей. Играть такую роль — большая радость для актрисы.

В репертуаре театра имени Лахути и первый таджикский водевиль «Дил дили Зайнаб» («Сердце сердцу весть подает»). Здесь в роли драматургов выступили артист Ш. Киямов и А. Мороз. Опять на сцене хлопкоробы: добродушный Холназар (А. Касымов), его жена Гульбиби (С. Туйбаева), жизнерадостные молодые колхозники. Столкновения молодежи со стариками, которые придерживаются древних обычаев, составляют основу спектакля. Постановка так и брызжет улыбками, песнями смелой и уверенной в завтрашнем дне молодежи, настойчиво преодолевающей трудности. Спектакль радует слаженным актерским ансамблем, острыми народными шутками.

Новые советские пьесы на современные темы поставлены и в Русском театре драмы имени Маяковского. Это «Добрая слава» М. Рабиева, тоже о хлопкоробах — главных в республике людях, — об их повседневных трудах, радостях и огорчениях. Особенно теплое чувство вызывают созданные артистками Г. Савельевой, Е. Шабановой, К. Ефименко образы женщин-таджичек: умной и волевой Гульшан — невесты Азиза Саидова, благородной Мухаббат, мудрой и сердечной старухи Бибинур. Нельзя не восхищаться жизнерадостной комсомолкой Сайрам — ее увлеченно играет М. Ярцева. Участникам постановки, русским артистам, удалось верно передать национальный колорит пьесы: быт кишлака, манеру речи и поведения, весь облик изображаемых ими дехкан.

Театр имени Маяковского привез в Москву еще один современный спектакль — «Трагедия Усманова» М. Миршакара. Сабир Усманов — архитектор — пренебрегает справедливой критикой, отстаивая свое решение застройки квартала, хотя налицо пренебрежение интересами будущих жильцов: в домах будет мало света и необходимых удобств.

Мы познакомились в Сталинабаде с одаренными актерами, видели прекрасные плоды усилий режиссеров, балетмейстера, дирижеров, художников. Многие из этих театральных работ имеют заслуженный успех. Успех приходит тогда, когда сама действительность с ее трудностями и радостями вторгается на сцену. Успех приходит и тогда, когда театр глазами и сердцем современника заново «прочитывает» классику, любовно и бережно обращается к ее могучим образам. И в том и в другом случае театр несет своим друзьям-зрителям искусство реалистическое, искусство жизненной правды.

Заслуженная артистка Таджикской ССР Борно Ахмедова исполняет таджикский танец. Фото О. Кнорринга.

«Король Лир» Шекспира в постановке Таджикского государственного академического театра драмы имени Лахути. В роли Лира — народный артист СССР М. Касымов, Корделии — Х. Назарова.

Артисты Ансамбля песни и танца исполняют комический дуэт «Секинак» («Тихоня»)

Народная артистка Таджикской ССР Азиза Азимова исполняет индийский танец в сопровождении ансамбля рубобисток.

Листья падают

Г. ГРИШИН, А. НОРМЕТ

На заставе

Грозен «Морской охотник» для тех, кто на шхуне или катере крадется к нашей земле. Вот он идет, разрезая острым носом студеную воду и оставляя за кормой пенистый след. Моторы равномерно урчат, толкая вперед его серый стремительный корпус.

Рядом с командиром на мостике сигнальщик. У глаз бинокль. Пристально всматривается он в ночь. Ничего подозрительного. А в рубке на зеленоватом экране локатора появилось светлое пятно.

— Вижу цель, — докладывает радиометрист.

Он определяет местонахождение неприятельской шхуны, курс и скорость ее движения. Огневые средства наготове. Катер идет на сближение, требуя световыми сигналами от шхуны указать свою национальную принадлежность. Но на шхуне, видимо, тоже есть локатор, обнаруживший приближение пограничного катера. И она уходит в нейтральные воды.

«На участке вашей заставы возможно нарушение границы. Усильте наряды», — передают дежурному по заставе из пограничного отряда, где получено радиодонесение от командира катера.

«Охотник» продолжает бороздить море, разыгравшаяся волна прячет от локатора очертания резиновой шлюпки, на которой четверо людей гребут к берегу...

Начальник заставы старший лейтенант Михаил Козлов на секунду забежал домой. Жена кормила двухмесячного сынишку. Он взглянул на малыша, нежно провел рукой по волосикам. Жена спросила:

— Надолго?

— Скоро вернусь, — бросил Козлов, отворяя дверь.

На крутом берегу, среди кустарника и еловых веток, дежурили наряды пограничников. Ночные бинокли шарили по поверхности моря. В разрыве облаков появилась луна. Ефрейтор Волков и пограничник Барданов первыми заметили вражескую шлюпку.

К телефону дежурного по заставе подошел старший лейтенант Козлов.

— Ясно, — ответил он в трубку, — продолжайте наблюдение. Иду к вам!

Заработали сигналы, телефоны. Берег приготовился встретить «гостей».

Рядом с Волковым и Бардановым появился Козлов с тремя бойцами и собакой. Овчарка нервничала.

— Слушай, Мотор. Слушай, — шепнул ей проводник.

Шлюпка уже возле берега. Отчетливо видны сидящие в ней четыре человека. Вот они торопливо выскакивают на берег и, пригнувшись, с автоматами наперевес двигаются по узкой песчаной косе к лесу. Для шпионов это единственное спасение. Но пограничники не должны пропустить их в лес.

— Стой!! Руки вверх!!! — звучит команда.

В ответ тарахтят автоматные очереди. Пули свистят над головой, впиваются в стволы деревьев, врезаются в песок.

Козлов рассредоточивает людей: надо фланговым огнем отрезать шпионам отход к морю. Один уже не выдержал, — вон он спрятался за резиновую лодку и плывет в сторону от берега.

На заставе к стрельбе прислушивается жена Козлова...

— Не дать уйти тому, с шлюпкой! — командует Козлов. Голос у него странно прерывается.

— Вы ранены, товарищ старший лейтенант?

— Продолжать огонь!

Стрельба со стороны моря стихла. Замолчали и автоматы пограничников.

Бойцы поднимают на руки раненого начальника заставы.

— Не прошли? — шепчет он.

— Нет, — отвечает один из пограничников. — Все четверо на берегу.

Жене Козлова передали, что начальник заставы поехал сопровождать в госпиталь раненого пограничника. Но наутро в домик Козловых вошли приехавшие из погранотряда офицеры. По их лицам жена поняла все.

...Некоторые документы, а также снаряжение, принадлежавшее одному из нарушителей, говорили, что шпион шел на связь с агентом по кличке Сузи.

Проводник служебной собаки И. Т. Берестнев обходит участок границы на побережье Эстонии, где был смертельно ранен Михаил Козлов.

Сузи собирается в Стокгольм

Сузи стоял у окна, глубоко засунув руки в карманы брюк. Насупившись, смотрел вниз, на улицу. Тротуар, дома, прохожие—все причудливо изламывалось в бегущих по стеклу струйках дождя. То вспухая до чудовищных размеров, то сужаясь, будто ее тащат сквозь игольное ушко, пронеслась «Победа». Из-под колес подымались невысокие фонтанчики брызг.

Сузи резко обернулся. Эрнст лежал на диване, укрывшись с головой пестрым клетчатым пледом, и, видимо, спал. Всю ночь они провели под дождем, добираясь домой после работы на рации. Это была уже последняя радиограмма. Сузи передал: обещанный человек не пришел, никакой помощи он не имеет. Еще раз послал всех к черту и предупредил, что возвращается.

Все готово. Надо спешить! Если человек, которого направили из центра, попался, можно с минуты на минуту ждать прихода чекистов. Все материалы с собой, рация запрятана в надежном месте. Поезд на Ленинград отходит через два часа. Билеты куплены. Сначала они проберутся на норвежскую границу и попытаются пройти там. Если это окажется невозможным, тогда через Финляндию, путем, который указан для Эрмо и Хабе. В Хельсинки позвонить по телефону 48-44-87, спросить господина Киндберга. Когда он возьмет трубку, произнести пароль: «Хельсингфрон Кюлленберг». Киндберг скажет, что делать, как быть дальше.

Эти два идиота, Эрмо и Хабе, даже не будут знать, что он, Сузи, сматывается. Пусть сидят там, на хуторе, и ждут погоды. Сегодня, правда, Эрнст спросил, что будет с ними. Новичок! Что он понимает в работе разведчика? Когда вопрос идет о собственной жизни, благородство ни к чему. Если бы у тех двоих была возможность удрать, они это сделали бы, ни минуты не колеблясь, и оставили бы Сузи на бобах. А захвати их чекисты, они немедленно расскажут обо всем, выдадут всех и вся, только бы смягчить себе наказание. А разве он не сделал бы того же самого? Обязательно сделал бы. Таков закон. Эрнст, кажется, тоже понял все это после соответствующего разъяснения.

— Эрнст! — Сузи энергично встряхнул своего помощника за плечо. — Вставай, пора!

Эрнст сел на диване, протер глаза.

«Ну и спокойствие же у этого недоноска! — подумал Сузи. — Будто ничего особенного и не происходит, будто ему предстоит не впервые в жизни нелегально перейти границу, а просто прогуляться по улицам Таллина. Из него со временем выйдет хороший разведчик. Хозяева не будут ругать...»

— Уже? — спросил Эрнст и посмотрел на часы.

Они быстро оделись. Сузи вынул пистолет из внутреннего кармана пиджака и переложил в карман плаща. Все нужные документы и материалы были спрятаны в специальном матерчатом поясе с нашитыми карманами.

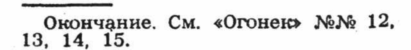
Сузи налил две рюмки коньяка. Они чокнулись и выпили.

Через несколько минут Сузи и Эрнст уже шагали к вокзалу. Шли через улицу Иманта. Эрнст еще раньше попросил Сузи сделать этот небольшой крюк, чтобы заскочить на секунду к Хильде Ярвинг — попрощаться. Сузи тогда поморщился, но ничего не сказал: не стоило напоследок портить отношения.

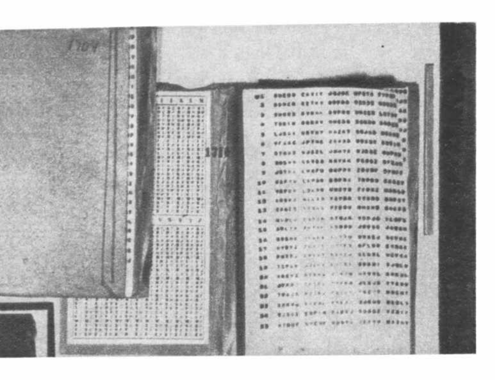
На узенькой, тихой, извивающейся улице Иманта, где жила Хильда, они остановились возле знакомого маленького серого дома. Сколько раз Сузи приходил сюда! И до войны, и тогда, когда в Таллине были немцы, и наконец совсем недавно. Ну, теперь-то он видит этот старомодный домишко в последний раз!

Эрнст попросил обождать и вошел в подъезд.

Прошло несколько минут. На улице было пустынно. Сузи неторопливо прохаживался взад-вперед по тротуару, сложив руки за

Окончание. См. «Огонек» №№ 12, 13, 14, 15.

Шифровальный блокнот.

спиной. Под ноги упал невесть откуда залетевший сюда сморщенный, пожелтевший лист. «Листья падают,— усмехнувшись, подумал Сузи, — листья падают. Это тоже в последний раз».

Он снова поравнялся с углом дома и снова прошел мимо. В то же мгновение двое людей взяли его сзади под руки.

— Эрнст?

Сузи обернулся.

— Спокойно, без шума, — проговорил человек, державший его за левую руку.

Шпион почувствовал, как второй человек — справа — вытащил из кармана его плаща пистолет.

Сузи что было силы рванулся, но те двое даже не сдвинулись с места.

Взвизгнула тормозами «Победа». Сузи посадили на заднее сиденье.

— Петро, теперь не мешкай, — сказал один из его соседей, обращаясь к шоферу. Машина рванула с места...

Сузи сидел перед следователем, положив ногу на ногу.

— Какое вы имеете право меня допрашивать? Какое вы вообще имели право меня задерживать? Я буду жаловаться, и вам придется отвечать!

— Значит, вы утверждаете, что приехали в Таллин с Кавказа?

— Да, возвращаюсь теперь через Ленинград.

— Есть ли у вас здесь знакомые, которые могли бы это подтвердить?

— Да, например, Хильда Ярвинг.

— Кто еще?

— Ну мало ли кто, я сейчас не припомню.

— А Эрнст Борстель?

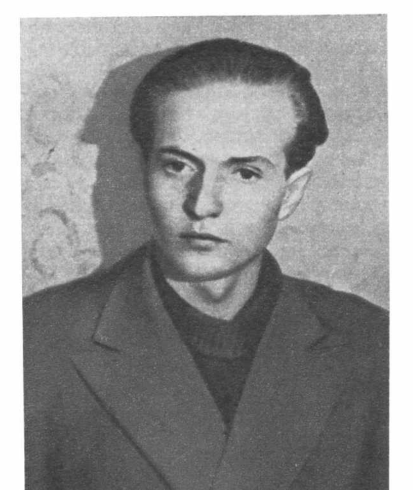
Сузи внимательно посмотрел на следователя: взяли они Эрнста или нет? Видимо, взяли.

— Борстель? Этот сын инженера? Я познакомился с ним через Хильду. Это очень нехороший человек, у него связи с уголовным миром, он пытался втянуть меня в свои аферы.

— Ну, а вы?

— Что я?

Шведский шпион Халлиск по кличке «Хабе».

— Вы не пошли на это?

— Конечно, нет. Я честный человек, я хочу возвратиться к себе на Кавказ. Вам придется оплатить мой билет. Он теперь пропал.

— Это мы сейчас проверим, — сказал следователь и, сняв телефонную трубку, попросил кого-то зайти.

Через минуту Сузи услышал, как за его спиной открылась дверь и вошел человек.

— Товарищ капитан, — обратился следователь к вошедшему, — объясните, пожалуйста, этому господину, что он может кончать игру.

Шпион обернулся и сразу же вскочил со стула. Губы у Сузи тряслись, рукой он непроизвольно оперся о край стола. Перед ним в форме капитана государственной безопасности стоял Эрнст Борстель и спокойно закуривал сигарету...

Из беседы корреспондентов «Огонька» с майором Ю. В. Угловым

— С какой целью органы госбезопасности поставили шпиона Сузи под свой контроль, а не арестовали его?

— Из показаний высадившихся с ним вместе шпионов — Ионаса, затем Вилли — нам стало ясно, что Сузи является старшим группы и на него возложено задание подготовить опорные пункты и явки для приема новых агентов шведской разведки, высадка которых должна была произойти весной. Поэтому задача наша усложнилась. Надо было не только найти Сузи — а ему долгое время удавалось скрываться и даже несколько раз связываться по радио с центром, — но и, согласно принятому решению, не арестовывать его, а создать у шпиона впечатление, что он может спокойно продолжать действовать. Это помогло бы нам захватить агентов, которых к нему собиралась посылать шведская разведка. Обнаружить Сузи нам удалось только накануне его прихода к Хильде. Когда он ехал в автобусе в Таллин, мы уже следили за ним. Но еще задолго до этого мы разыскали Хильду Ярвинг и обратились к ней с просьбой помочь нам.

— Каким же образом вам удалось узнать о существовании Хильды?

— После того, как Сузи заподозрил провал Вилли и Ионаса, он решил не идти на указанные ему явки, зная, что после ареста Вилли и Ионаса явки могут стать известны нам. Но он обязательно должен был сделать попытку с кем-то связаться. Таково было наше предположение. Однако Ионас, как вам известно, не смог назвать ни одного знакомого Сузи на территории СССР. О Хильде мы впервые услышали от Вилли, когда шпион оправился после попытки отравиться ядом и был в состоянии давать показания. Вилли знал о Хильде очень мало. Он показал, что однажды в Стокгольме во время выпивки Сузи упоминал имя своей знакомой в Таллине — Хильды. Фамилии Сузи ему не назвал. Вилли также было известно от Сузи, что Хильда училась в какой-то таллинской гимназии, а во время войны работала официанткой в кафе. За ней ухаживал друг Сузи — Герберт, погибший во время войны.

— Как же шли поиски Хильды?

— Прежде всего сотрудники органов государственной безопасности выяснили, в каком кафе во время войны работала официантка по имени Хильда. Таких Хильд оказалось семь. Работали они в разных кафе. Как мы узнали, две из них обучались до войны в таллинских гимназиях. Ну, а за какой из них ухаживал человек по имени Герберт, выяснить было уже не очень трудно. То была Хильда Ярвинг.

— Хильда Ярвинг знала, кто такой Эрнст Борстель?

— Да, конечно. На месте работы о Хильде Ярвинг в коллективе самое хорошее мнение и как о работнике и как о человеке. Мы объяснили Хильде Ярвинг, что, возможно, через некоторое время к ней придет один ее давнишний знакомый, приятель Герберта, который совершил преступление и разыскивается советскими органами. Мы попросили молодую женщину помочь нам и познакомить того человека, который к ней, возможно, придет с нашим сотрудником. Она согласилась и сама предложила очень удачный вариант, по которому Эрнст Борстель должен был на время изображать из себя ее жениха. Как видите, с этой ролью они оба справились весьма успешно.

— Итак, Сузи был обезврежен?

— Да. Он продолжал передавать в центр условную фразу «листья падают», а на самом деле находился под нашим контролем. Кроме коротких сведений о себе, Сузи ничего не мог сообщить в центр: Эрнст регулярно выводил из строя рацию. Мы были в курсе всех переданных и принятых им телеграмм: Борстель перефотографировал шифровальные блокноты.

После того, как к Сузи был направлен шведской разведкой шпион Эрмо, мы вторично после Кукка и Тоомлы услышали о существовании агента Никси. Наше предположение, что Сузи и Никси — одно и то же лицо, не оправдалось.

— Почему органы госбезопасности не арестовали сразу Эрмо и Хабе?

— Мы надеялись, что шпион Хабе приведет нас к Никси, но Хабе — в действительности Халлиск — сам потерпел неудачу в поисках Никси и обратился через Эрмо за помощью к Эрнсту, то есть... к нам. После этого оба шпиона перестали представлять для нас оперативный интерес, — Эрнст посадил их на мотоцикл и доставил на хутор под Пярну, где жила его «тетка»...

Третий шпион из этой группы — Нерис, — как вы помните, был убит в перестрелке с пограничниками. Этот агент шел в Литву со специальным заданием — уничтожить честного советского человека Альгердаса Песяцкаса. Песяцкас приехал из Швеции, где проживал как перемещенное лицо. Там его пыталась завербовать шведская разведка, но он отказался стать предателем своей родины и, несмотря на угрозы, обратился в советское посольство с просьбой помочь ему возвратиться в СССР. Работникам нашего посольства удалось удовлетворить его желание, и теперь шведская разведка решила отомстить Песяцкасу, опасаясь того, что он знает о некоторых ее планах и намерениях...

После того, как Сузи собрался возвратиться в Швецию, было решено арестовать его.

Но у нас оставался еще один скрывавшийся агент — Никси. Те четыре шпиона, которые пытались перейти границу в районе погранзаставы, носящей теперь имя старшего лейтенанта Козлова, никаких дополнительных материалов о Никси нам не дали.

— Как же вы действовали дальше?

— Дело в том, что шпион не подавал никаких признаков жизни. Могло быть два объяснения этому: либо Никси очень опытный агент, либо он погиб, и нам неизвестно об этом.

— Какая же версия оказалась правильной?

— Ни та, ни другая. Никси действительно, как американцы и шведы говорили своим агентам, некоторое время активно работал. Он даже устроился шофером в дорожном отделе. Несколько раз передавал в центр шпионские сведения. Но однажды кто-то из работников отдела кадров дорожного отдела, заинтересовавшись его анкетой, задал Никси несколько вопросов, и шпион решил, что провалился. Он немедленно закопал рацию, снаряжение, бежал и долгое время скрывался. Никси был до того запуган, что не выходил ни к одному из обусловленных тайников, хотя знал, что к нему должны прийти люди из Швеции и из США. Поэтому ни Кукк с Тоомлой, ни Хабе не могли найти его.

— Как же его удалось все-таки взять?

— Переждав значительное время, Никси наконец решил, что опасность миновала, вырыл рацию и попытался связаться с центром. Это случилось совсем недавно, в декабре 1956 года... Вот тогда-то мы и взяли Никси, оказавшегося шведским шпионом Энделем Муммом...

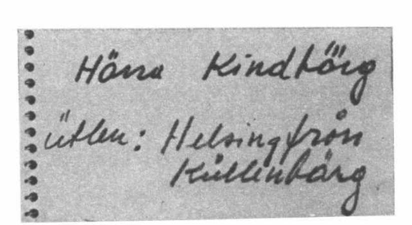
От авторов

Мы рассказали в этом документальном очерке об основных событиях, связанных с разоблачением советскими органами государственной безопасности действий некоторых шпионских групп, подготовленных шведской разведкой в контакте с американской разведкой и заброшенных на территорию Эстонской ССР.

Мы впервые узнали об этих событиях из официального сообщения, появившегося в «Правде» и «Известиях» 7 марта 1957 года. Откликаясь на многочисленные просьбы читателей, редакция «Огонька» обратилась в Комитет государственной безопасности СССР с просьбой предоставить ей дополнительные данные, связанные с работой органов государственной безопасности по разоблачению шведских шпионов.

Подробную схему событий изложил нам в Москве майор Ю. В. Углов, участник мероприятий по обезвреживанию действий агентов шведской разведки.

Затем мы побывали в Эстонии,

Запись, сделанная шпионом Эрмо в своей записной книжке: «Господин Киндберг. Скажу: Хельсингфрон Кюлленбёрг».

Молодые пограничники у стенда, посвященного памяти Михаила Козлова на заставе его имени.

где встретились с людьми, интересовавшими нас, как авторов очерка. Там мы беседовали с основными участниками событий — сотрудниками эстонских органов государственной безопасности.

Мы беседовали и со многими простыми советскими людьми, которые не только были очевидцами описываемых событий, но и помогали органам госбезопасности разоблачить шпионов.

Побывали мы на заставе имени старшего лейтенанта Михаила Козлова, геройски погибшего при исполнении своего служебного долга. На заставу пришло уже новое пополнение, но молодые пограничники свято чтут память своего старшего товарища. Каждый день на боевом расчете первым называют имя Михаила Козлова, и в глубокой тишине слышится четкий торжественный ответ правофлангового:

— Старший лейтенант Михаил Козлов пал смертью храбрых при охране государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Ночью и днем, в дождь и стужу несут бойцы заставы имени Михаила Козлова пограничную службу. И каждый из них, если потребуется, отдаст жизнь, защищая неприкосновенность наших границ.

Поэтому как клятва, как присяга звучат слова, повторяемые за командиром пограничниками, идущими в наряд:

— Слушаюсь выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!..

Руководство Комитета государственной безопасности предоставило нам возможность встретиться и беседовать с некоторыми из задержанных шпионов. Нельзя сказать, чтобы это были очень приятные для нас встречи и беседы. Но этого требовали интересы читателей, и нам пришлось разговаривать с людьми, предавшими Родину. В очерке мы не пытались сделать их хуже, чем они есть на самом деле. Все, что они думали и делали, будучи заброшенными на советскую территорию, изображено в очерке в полном соответствии с фактами. Некоторые из шпионов сейчас раскаиваются в совершенных преступлениях, некоторые же не считают свое предательство преступлением.

На основе их рассказов мы познакомили читателей с Аркадием Вальдином, капитанами Андреасоном, Иохансоном и другими работниками стокгольмского разведывательного центра, а также с американскими разведчиками, готовившими шпионов Кукка и Томулу. В очерке, например, нет ни одной мысли или фразы Аркадия Вальдина, которые он не высказывал бы в свое время кому-либо из задержанных шпионов в частных беседах, во время выпивок и т. п.

Телефонный звонок

Кстати, о Вальдине. В день, когда советская печать опубликовала сообщение о разоблачении шведских шпионов, редакция «Огонька» вызвала по телефону 47-32-12 Стокгольм, квартиру Вальдина. Это было рано утром, сразу после того, как в киосках стали продавать газеты. По телефону мы услышали сипловатый голос (разговор шел по-английски).

— Кто говорит? — спросили мы.

— А кто вам нужен?

— Нам нужен Аркадий Вальдин.

— Аркадий Вальдин у телефона.

— Господин Вальдин, мы прочли сегодня в газете интересное сообщение, где упоминается ваше имя.

Молчание. Затем голос чуть растерянно спрашивает:

— Кто и откуда говорит?

— Из Москвы, журналисты. Мы прочли сегодня в московских газетах о вас и решили позвонить вам, чтобы выразить свое «сочувствие».

Долгое молчание. Слышно, как наш собеседник сопит в трубку. Наконец он решается задать мучающий его вопрос:

— Что написано в газетах?

— В газетах написано, что вы, оказывается, не только шведский шпион, но и американский. Но теперь, после того, как все ваши агенты разоблачены, вы, видимо, лишитесь и той и другой работы. Вас выставят за дверь и те и другие хозяева. Мы вам сочувствуем, господин Атс.

— Это ошибка! — крикнул вдруг громким срывающимся голосом наш собеседник. — Это ошибка. Вы набрали не тот номер. Я не Аркадий Вальдин, я не Аркадий Вальдин!

— Но вы в начале разговора не отказались от своего имени и фамилии?

В Стокгольме повесили трубку.

В тот же день, как сообщалось в шведских газетах, к Аркадию Вальдину на Гимерставэген, 24, прибыли шведские журналисты. Растерявшийся Вальдин не принял их и отказался отвечать на вопросы. Видно, он еще к тому времени не получил инструкций от начальства. Но и отрицать что-либо он не посмел.

Несколько позже мы позвонили и в Хельсинки по телефону 48-44-87 небезызвестному господину Киндбергу, шведскому агенту в Финляндии. К аппарату подошел сам Киндберг. После взаимных приветствий он услышал от нас пароль «Хельсингфрон Кюлленбёрг». На секунду Киндберг смешался и затем медленно переспросил, откуда говорят. Мы сказали, что из Москвы. Он сразу стал плохо слышать. А когда мы передали ему привет от Андреасона и Вальдина, он перестал понимать английский язык. Надо сказать, что господин Киндберг на вопросы, заданные ему после этого в охранной полиции Хельсинки, ответил, что ему якобы «ничего не известно». Однако в беседе с представителем газеты «Суомен сосиалидемокраатти» Киндберг признал, что он знаком с капитаном шведской секретной службы Андреасоном и несколько раз встречался с ним в Хельсинки.

Господин Киндберг, видимо, не знал, что этим он опроверг заявление штаба обороны Швеции, согласно которому, как передало шведское телеграфное бюро, «шведского капитана Андреасона не существует в списках личного состава вооруженных сил Швеции».

Определенные круги в Швеции пытаются отрицать причастность шведской разведки к действиям, проводимым против Советского Союза. Они прикрываются фиговым листком, пытаясь свалить всю вину на эстонские эмигрантские организации в Швеции. Но факты — упрямая вещь. Выражаясь вашими же словами, господа из шведской разведки, «листья падают». Падают и фиговые листки. Во всей неприглядной наготе выступают действия шведской разведки и реакционных кругов этой страны, связавших себя с заокеанскими поджигателями войны. Такие действия идут вразрез с интересами шведского народа, с интересами дружбы между нашими двумя государствами.

Трезвые люди Швеции требуют серьезного расследования вопроса. Надеемся, что опубликованный очерк поможет этому.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА К. Н. БАТЮШКОВА

«Писать ничего не стану, кроме писем к друзьям: это мой настоящий род. Насилу догадался»,— шутливо сообщал Батюшков своему другу, поэту Н. И. Гнедичу.

Действительно, его письма полны ярких образов и, по словам академика С. П. Обнорского, «представляют собой лучший образец языка своего времени».

Эпистолярное наследие Батюшкова очень велико. В издании его сочинений, вышедшем под редакцией Л. Н. Майкова, опубликовано более 300 писем. Но и это еще не все. В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранятся неопубликованные письма Батюшкова. На этих серо-голубых листках ветхой бумаги, исписанных мелким, неразборчивым почерком, запечатлелись мысли и переживания поэта, отразились разные периоды его сложной и трагической биографии.

Во время Отечественной войны 1812 года Батюшков, офицер русской армии, жаждал возможно скорее принять активное участие в защите родины. Эти настроения, с большой силой выразившиеся в известном патриотическом послании Батюшкова «К Дашкову», звучат и в его неопубликованных письмах к поэту П. А. Вяземскому. «Зачем мы не вместе будем делить печали и нужду! — сетует Батюшков. — Как бы то ни было, я желаю с тобой увидеться в армии». «Когда обнимемся на развалинах московских? — спрашивает он Вяземского.— Когда соберемся на ее священном пепле... Когда? Когда?»

Попавший в конце концов в армию и участвовавший в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом Батюшков с чувством гнева и возмущения говорит о замыслах Наполеона, старавшегося поработить всю Европу.

В 1814 году поэт вернулся на родину из заграничного похода. Но здесь его ждали одни невзгоды и огорчения. Материальные дела поэта были совершенно расстроены, он вынужден был думать о поступлении на службу в качестве мелкого канцеляриста. В условиях александровской России конфликт поэта с верхами самодержавно-крепостнического государства все обострялся. Батюшков жаловался на то, что его поэтическая работа никому не нужна, кроме маленькой кучки друзей. «Никогда я так грустен не бывал. Живу без надежды и страдаю умом, сердцем и телом,— признается он в неопубликованных письмах к Вяземскому.— ...Какие стихи тебе надобны? Мне кажется, от роду не писал стихов, а если и писал, то раскаялся. Что в них! Какую пользу принесли они? кроме твоей дружбы и Жуковского?»

В 1818 году поэт отправился на дипломатическую службу в Италию. Неопубликованное письмо Батюшкова к Е. Ф. Муравьевой, посланное из Вены в декабре, ясно показывает, с каким горьким чувством поэт покидал родину, как тяжело ему было расставаться с друзьями: «Покидать вас, друзей и отечество право не легко, даже и мне, вечному бродяге, я радуюсь, что сохранил в душе моей столько любви к тому, что любить должно, без того, что было бы во мне?» Здесь Батюшков с любовью упоминает о своих троюродных братьях, будущих декабристах, Никите и Александре Муравьевых. «Буду писать из Венеции или Флоренции к вам,— сообщает он далее,— к Никите из Рима, ибо он Римлянин душою». Слова «римлянин душою» в условиях того времени получали совершенно особое значение. Напомним следующие строки Пушкина из его первого гражданского стихотворения — послания «Лицинию»:

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.

Письмо Батюшкова свидетельствует о том, что он знал о свободолюбии Никиты Муравьева, одного из виднейших деятелей декабристского движения.

Н. ФРИДМАН

Ягненку всего три недели.

ГИССАРСКИЕ ВЕЛИКАНЫ

Шуиля и ее невестка Хотича собираются шить своим мужьям новые халаты: ходят слухи, что животноводы Холмирзо Шербутаев и его сын Саидкул поедут летом в Москву, на выставку, с племенными овцами гиссарской породы, которыми на весь Таджикистан прославился колхоз имени Ленина, Шахринауского района.

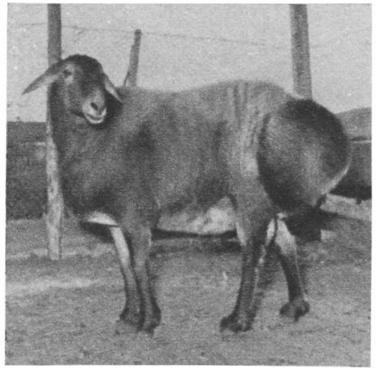
На берегу большого арыка Заркомар, орошающего 26 тысяч гектаров земель этого колхоза, в тени абрикосовых деревьев кошара с навесом и ажурными стенками из проволочной сетки. Там же топчан, накрытый кошмами и одеялами: Холмирзо Шербутаев с сыном спят здесь, чтобы не оставлять овец без надзора на ночь. Бывают холодные ночи, когда вода в арыке покрывается тонкой коркой льда и остывает земля; в такие ночи нельзя оставлять овец без движения. И Холмирзо несколько раз встает, выгоняет их из-под навеса за чащу абрикосовых деревьев, на простор предгорья, заставляет бегать, чтоб согрелись. А потом пусть лежат, отдыхают и спят спокойно.

За долгие годы жизни здесь, в кишлаке Турбакала, Холмирзо вырастил много овец. Он знает, где растут вкусные травы рангун, янгут и швак; знает, в каких ущельях самые лучшие водопои; наперечет помнит все места, где овцы любят лизать «соленую землю»,— там выходят на поверхность залежи соли.

Не зря Акрам Хасанов — председатель колхоза, Герой Социалистического Труда — назначил его ухаживать за овцами, которые поедут в Москву.

В разных отделениях, прижавшись друг к другу, столпились овцы и крупные ягнята; гуляют два приятеля — Кара и Кунгур — черный и серый бараны, которые в прошлом году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке представляли гиссарскую породу овец.

Вес их внушает почтение. Кунгур зимой весит 172 килограмма, а весной на хороших пастбищах наберет 180—185. Кара на несколько килограммов легче. Однако Кара и Кунгур нынче уступили свое первенство другому великану — барану из колхоза имени Кирова, Регарского района, который и зимой сохранил весьма солидный вес — 180 килограммов. До каких габаритов он дойдет на весенних пастбищах, пока трудно сказать,

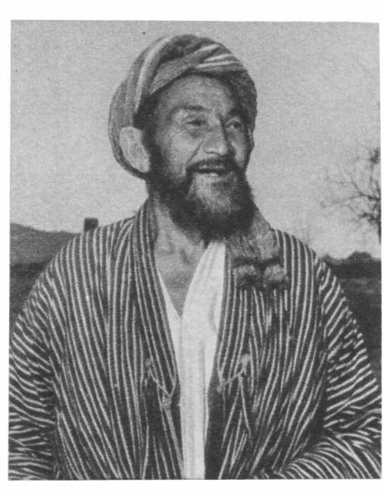

Кунгур весит 172 килограмма.

но он наверняка будет рекордсменом республики «в тяжелом весе»...

В годы гражданской войны басмачи угнали стада гиссарских овец в Афганистан. В 1935 году в Таджикистане было всего 100 тысяч гиссарок. Теперь их поголовье приближается к миллиону.

В стаде колхоза имени Ленина их почти 20 тысяч. В этом году оно увеличится еще на 7—8 тысяч. Зимой овцы пасутся в бесснежной

Животновод колхоза имени Ленина Холмирзо Шербутаев.

долине — среди горных цепей, а на лето возвращаются домой, на альпийские луга в отрогах Гиссарского хребта.

Сангин-Мурад Ниязов, заместитель председателя колхоза по животноводству, и 132 колхозных чабана следят за 33 отарами. В том, что колхоз получил в прошлом году на трудодень по 14 рублей и почти по 4 килограмма хлеба, есть большая заслуга колхозных чорвадоров, как называют животноводов.

У гиссарской овцы есть лишь один недостаток: она дает мало шерсти, и шерсть эта жесткая и грубая, она годится только на кошмы. Правда, было время, когда кошма заменяла таджику все: и дом, и одежду, и даже спасала от змей и скорпионов. Потому в старину животноводы и не заботились о том, чтобы обрастить овцу шерстью. А теперь республике нужно много шерсти, и хорошей!

Представьте себе гигантскую овцу, которая дает 40 килограммов мяса, 30 — сала да еще 5—6 килограммов добротной шерсти. Такие овцы уже есть, их можно увидеть в долине у кишлака Ой-Комар на пастбищах экспериментальной базы Академии наук Таджикской ССР. Их здесь около 7 тысяч голов. Новая порода — работа над ее выведением пока не закончена — будет не фабрикой мяса и сала, а настоящим мясо-сально-шерстным комбинатом.

Недалеко время, когда новая порода займет в животноводстве республики должное место рядом с гиссарскими, каракулевыми и тонкорунными овцами, которых теперь тоже разводят в Таджикистане.

С. МИХАЙЛОВА

ДЕВУШКА ИДЕТ В ИНСТИТУТ...

Утром Махбуба выходит на улицу, покрытую кружевом пробивающегося сквозь листву солнечного света. Где еще есть такой город, в котором карагачи и шелковица растут на улицах в двенадцать рядов?

Вон там ее школа, которую она кончила прошлой весной. Что-то сейчас делается на уроке химии в седьмом классе?

Махбуба Табибулаева увлеклась химией еще с тех пор, когда носила пионерский галстук и вместо двух заплетала чуть не двадцать косичек.

Потом ей стали нравиться и точные законы физики и алгебра. Решение самых трудных уравнений, столько неприятностей причинявших другим, было для нее интересным, увлекательным занятием.

Уже в девятом классе Махбуба Табибулаева решила стать инженером. В будущем она видела себя на заводе.

Первого сентября 1956 года в Сталинабаде открылся еще один вуз республики — Политехнический институт. Сюда, в большое белое здание на улице Куйбышева, и принесла свое заявление Махбуба.

...Сегодня у Махбубы напряженный день. С утра лекции по химии, это нетрудно и очень интересно: преподаватель Абдулхой Сангинович Сулейманов очень увлекательно ведет занятия. Интересны и лекции по физике, которые читает директор института Мухамед Сайфетдинович Асимов.

А вот на занятиях в лаборатории технологии металлов труднее: здесь над многим приходится подумать. Но кто сказал, что технология металлов девушкам дается хуже, чем юношам? Если кто-нибудь и думал так, то Махбуба и ее подружка Зулайхо Амедова — маленькая решительная девушка в очках — опровергли это: по успеваемости обе они лучшие студентки института, а по технологии металлов даже обогнали ребят!

Потом Махбуба спускается вниз, в мастерскую: сегодня там практические занятия на фрезерном станке.

Мастерские и лаборатории — гордость института: они прекрасно оборудованы. А к подъезду все еще подходят контейнеры со станками, машинами, приборами, изготовленными в Москве, Ленинграде, в странах народной демократии: это все для институтских мастерских и лабораторий.

Перед концом занятий Махбуба заходит еще на кафедру математики, где ведет консультации лаборантка Башорат Рахматуллаева. Она объясняет хорошо и понятно.

...С консультации Махбуба уходит вместе с Зулайхо.

— Рахматуллаева — талантливый математик,— говорит Зулайхо.

— Да,— отвечает Махбуба, думая и о Башорат и о многом другом, что происходит каждый день в институте.— И подумать только, Зулайхо, что наши бабушки не умели читать и носили паранджу!

В. СЕРГЕЕВА

Махбуба Табибулаева (справа) и Зулайхо Амедова в лаборатории технологии металлов.

Фото О. Кнорринга.

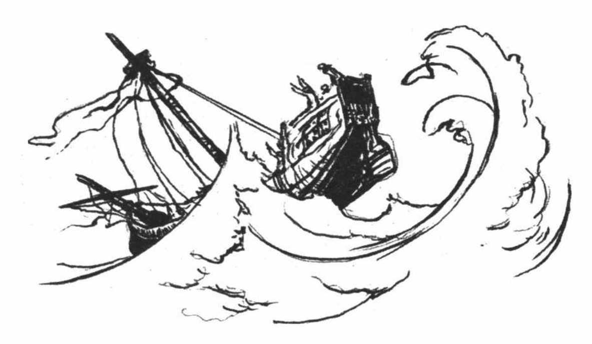
Два стихотворения

Джалолиддин РУМИ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Джалолиддин Руми (1207—1272) — крупнейший поэт и философ средневековья. Его произведения глубоко народны, широко известны на всем Востоке и входят в сокровищницу таджикской поэзии.

СПОР ГРАММАТИКА С КОРМЧИМ

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж
самовлюбленный:

«Читал ты синтаксис?»
«Нет», — кормчий отвечал.
«Полжизни жил ты зря!» — ученый муж сказал.

Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил
спокойный.

Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:

«Учился плавать ты?»
Тот в трепете великом
Сказал: «Нет, о муж любезный,
добрый ликом!»

«Увы, ученый муж! — промолвил мореход. —
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет!»

НАПУГАННЫЙ ГОРОЖАНИН

Однажды некто в дом чужой
вбежал;
От перепугу бледный, он дрожал.

Спросил хозяин:
«Кто ты? Что с тобой?
Ты отчего трясешься, как
больной?»

А тот хозяину: «Наш грозный
шах
Испытывает надобность в ослах.
Сейчас во исполненье шахских
слов
На улицах хватают всех ослов».

«Хватают ведь ослов, а не
людей?
Что за печаль тебе от их затей?

Ты не осел, благодаря судьбе.
Так успокойся и ступай себе».

А тот: «Так горячо пошли
хватать,
Что и меня, пожалуй, могут
взять!

Готов тиран безумный, полный
зла,
Хозяина схватить взамен осла».

Перевел Владимир ДЕРЖАВИН.

«Я встретил девушку». Лола — Роза Акабирова,
Саид — Д. Саидмурадов.

Встречи в киностудии

«Старый халат, пусть с сотней заплат, милее нового» — эту пословицу мы услышали в колхозе имени Сталина невдалеке от таджикской столицы. Колхозный бригадир старик Одильбой-ота проявлял свой характер: под смех колхозников он пытался удержать молодого тракториста от вспашки хлопкового поля по-новому. «Что-то еще даст узкорядная, а нам и по-старому неплохо работалось!» — говорил он, приведя эту пословицу.

— А я знаю другую пословицу: «Плохая привычка — беда для души»,— вмешивается в спор подоспевший агроном Наврузов.

На поле громыхали два трактора, за которыми следовали кинокамеры, а поодаль на коврах расположились артисты, ожидающие своего вызова. Шла съемка кадров нового художественного фильма «Мой друг Наврузов», который киностудия спешила закончить к декаде в Москве.

Сталинабадская киностудия подготовила к декаде три художественных фильма: «Мой друг Наврузов» (сценарий Е. Лопатиной), «Дохунда» (экранизация романа С. Айни) и современную музыкальную кинокомедию «Песни Лолы» (сценарий Е. Смирновой), переименованную теперь по начальной строке песенки героини: «Я встретил девушку».

А вот и красавица Лола — совсем молодая артистка Госфилармонии Роза Акабирова. Только вчера расставшись с самодеятельностью, она с увлечением играет и поет. «Мне полюбилась моя первая роль девушки-певуньи»,— говорит нам артистка.

Оказывается, не так легко таджичке из кишлака выйти на сцену: отец Лолы, Мухтар, считает позором для девушки петь и плясать перед чужими мужчинами. На помощь Лоле приходит старая тетушка Махринисо (ее роль играет ведущая артистка Театра имени Лахути Софья Туйбаева): сама много испытавшая от деспотизма отца и мужа, она не дает племянницу в обиду.

Фильм обильно насыщен народными песенными и танцевальными мелодиями; в нем участвуют лучшие музыкальные коллективы республики, профессиональные и самодеятельные певцы и танцоры.

Среди документальных фильмов, созданных к декаде,— цветная кинокартина «Люди солнечной страны». На экране голубое таджикское море. «На карте республики его еще нет,— говорит диктор.— Длина новорожденного моря — до 60 километров, ширина — 20. Его рождение связано с величайшим сооружением республики — мощной электростанцией «Дружба народов» (Кайрак-Кумская ГЭС). Ее строили таджики и узбеки, русские и украинцы...»

Фильм показывает героев стройки, переселение многих сотен колхозных семей на новые, обводненные места, рождение кишлаков и поселков — их тоже еще нет на карте. Зритель путешествует вместе с кинооператором по всему Таджикистану и в заключение любуется нарядной столицей республики — Сталинабадом, выросшим на месте пыльного и убогого кишлака...

— В этом кишлаке Дюшамбе, можно считать, и произошло около 30 лет назад рождение Сталинабадской киностудии,— рассказывал нам ее директор В. П. Хабур.— Комсомольский работник Василий Васильевич Кузин, ныне старейший наш кинооператор, нашел здесь свое второе призвание. Тульский комсомолец, он прибыл сюда в 1926 году по путевке ЦК комсомола, чтобы помочь созданию организаций молодежи. Случайно ему попала в руки старая кинокамера. Освоив ее, Кузин создал первый таджикский хроникальный фильм — «Прибытие в Дюшамбе поезда по вновь отстроенной железной дороге». Было это в сентябрьские дни 1929 года.

Е. НИКОЛАЕВА

На съемках фильма «Мой друг Наврузов». Слева (сидит) режиссер-постановщик Ш. Киямов.

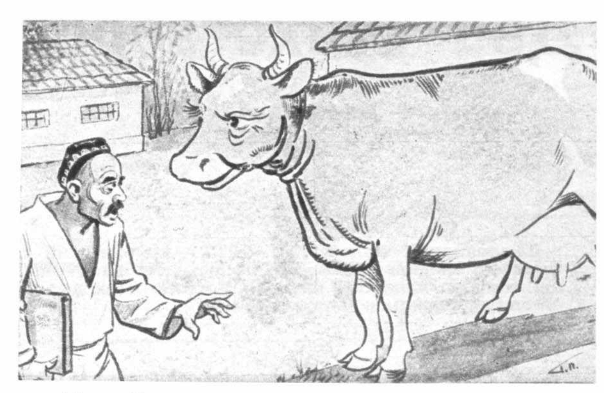
Из журнала „ХОРПУШТАК"

/„Еж"/

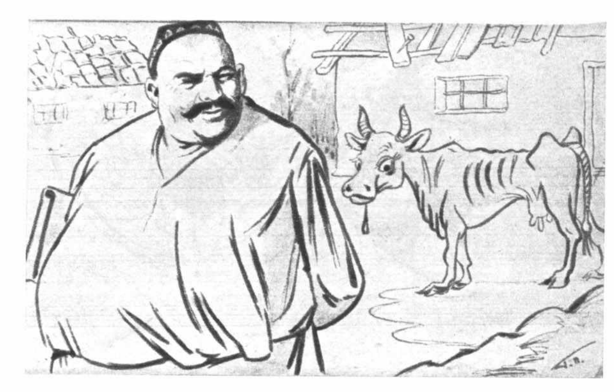

— Чем занята Кандалатхан?
— Межрядной обработкой бровей и прополкой ресниц.

Рисунок Д. Ильябаева.

— Первый день заведующего фермой Баднафарходжаева...

— ...Последний.

Рисунок Г. Петухова.

— Погадай, бабушка: исключат меня из комсомола или только выговор дадут?

Рисунок З. Хабибулаева.

— Что это он так за своей ухаживает?
— Она трудодней много заработала...

Рисунок М. Краснопольского.

— Если еще раз так рано меня разбудишь,— зарежу!

Рисунок И. Мартинова.

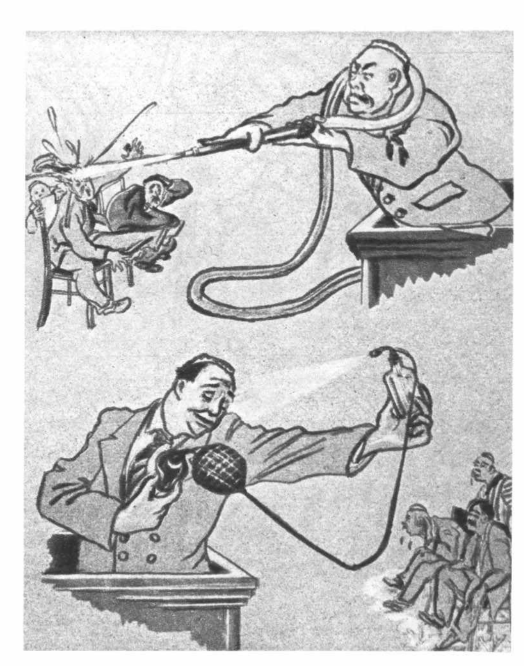
— Ты почему на поле не бываешь?
— То есть как это так не бываю?! Кто, как не я, три раза в день жене обед приносит.

Рисунок Х. Расулова.

— Почему лепешка сырая?
— Так она ж из сырого теста делается...

Рисунок К. Закирова.

Критика...

...Самокритика.

Рисунок Х. Расулова.

На пресс-конференции в Берлине

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Руководитель ведомства печати при премьер-министре ГДР Ф. Бейлинг открывает пресс-конференцию. Слева — ответственный секретарь Комитета за возвращение на родину А. Н. Дубовиков.

Западные журналисты не очень любят посещать пресс-конференции, на которых сообщаются документальные данные о преступных действиях иностранных разведок против стран социалистического лагеря. Но пресс-конференция, организованная 2 апреля в Берлине Комитетом за возвращение на родину, привела в здание Национального фронта демократической Германии многих представителей прессы не только с востока, но и с запада.

Перед присутствующими встает бьющая в глаза правда о подрывной работе американских шпионских центров. Один за другим на трибуну поднимаются живые люди, те, которых иностранные разведки превращали в орудие выполнения своих злодейских планов.

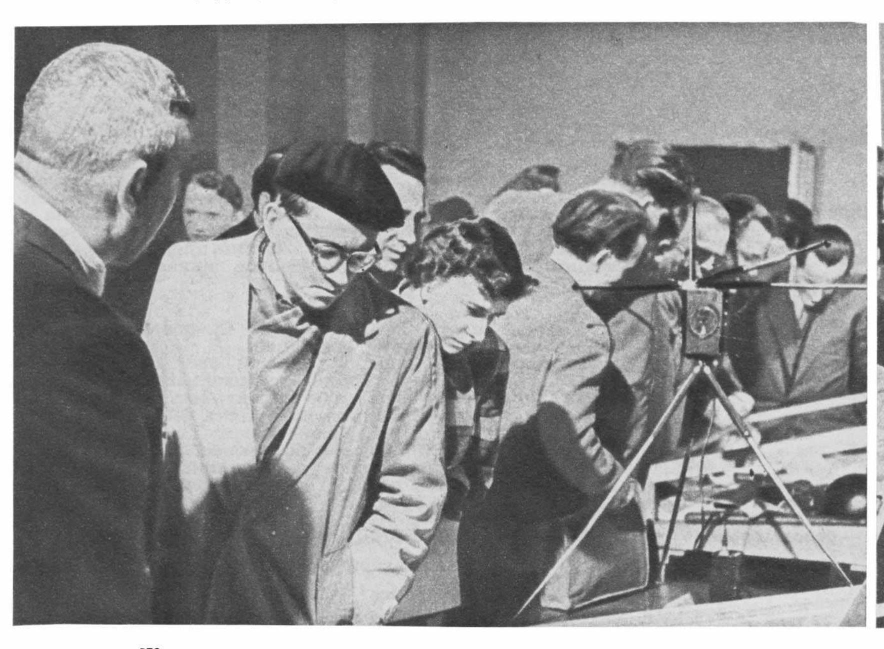
Корреспонденты получают ответы на все заданные вопросы. Факты, о которых рассказано в этом зале, неопровержимы.

В соседнем помещении выставлены предметы снаряжения шпионов, арестованных советскими органами госбезопасности. Журналисты разглядывают радиостанции, оружие, фотоаппараты и другое снаряжение.

Пресс-конференция, устроенная в Берлине Комитетом за возвращение на родину,— новый удар по гнездам шпионажа и диверсий, которые свили на территории Западной Германии американские империалисты.

За столом участники пресс-конференции: Ю. П. Телегин, М. К. Колосов, В. Ф. Залесский, С. Ф. Рудаков, В. Н. Кравец-Сорокин. Американская разведка пыталась использовать их для шпионских действий против СССР.

Журналисты осматривают шпионское снаряжение.

В зале пресс-конференции.

ВОКРУГ МАТЧА НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

Борьба за звание чемпиона мира продолжается с прежней напряженностью. Счет матча колеблется. Каждый день может принести сюрприз.

А мы пока спросим читателя:

ЗНАЕТ ЛИ ОН, ЧТО

стать чемпионом мира очень непросто. Желающих миллионы людей. Только шести шахматистам удалось завоевать почетное звание: В. Стейницу, Э. Ласкеру, Х. Капабланке, А. Алехину, М. Эйве, М. Ботвиннику.

...матч Ботвинник — Смыслов является двадцатым розыгрышем первенства мира.

...самым долгосрочным чемпионом был Э. Ласкер — 27 лет. Самым кратковременным М. Эйве — всего два года.

...матч Ботвинник — Смыслов является уже пятым розыгрышем первенства мира, происходящим в Москве. Конечно, не все могут помнить, что еще в 1896 году в Москве встречались Э. Ласкер с В. Стейницем.

...Э. Ласкер шесть раз защищал звание чемпиона, В. Стейниц и А. Алехин по три раза. Х. Капабланка и М. Эйве в первом же матче потеряли титул чемпиона. М. Ботвинник сейчас в третий раз защищает шахматную корону.

...самым продолжительным был матч между А. Алехиным и Х. Капабланкой в 1927 году: при 25 ничьих победил А. Алехин с результатом 6 : 3.

...наиболее бледная и скучная встреча происходила в 1910 году между Э. Ласкером и К. Шлехтером. При 8 ничьих партнеры выиграли всего по одной партии. Матч не для нашего зрителя!

...в матче В. Стейница с М. Чигориным в 1889 году Стейниц победил со счетом 10 : 6. Только одна партия закончилась вничью.

— Вот это игра! — скажут ненавистники ничьих.

...крайне обидная, досадная ошибка была допущена во втором матче В. Стейниц — М. Чигорин в 1892 году в Гаване. При положении 9 : 8 в пользу В. Стейница русский шахматист имел в 23-й партии совершенно выигранную позицию, но «зевнул» мат в два хода. Счет стал 10 : 8 (тогда играли до 10 выигрышей). Чего только не бывает!

...два матча на первенство мира закончились с «сухим счетом». В 1907 году Э. Ласкер разгромил Ф. Маршалла 8 : 0 (при 8 ничьих). Но в 1921 году тот же Э. Ласкер проиграл Х. Капабланке 0 : 4 (при 10 ничьих) и сдал матч.

...В. Стейниц стал чемпионом мира в возрасте 30 лет, Э. Ласкер — в 26, Х. Капабланка — в 33, А. Алехин — в 35, М. Эйве — в 34, а М. Ботвинник — в 37 лет. В. Смыслову — 36 лет. Поэтому он торопится. Сейчас — или «время просрочено».

...Х. Капабланка и Э. Ласкер вели переговоры относительно матча в течение десяти лет, пока он наконец состоялся. А. Алехин и Х. Капабланка вели переговоры относительно матч-реванша в течение одиннадцати лет, но реванш так и не состоялся. В наше время существует строгая система розыгрыша. Никаких разговоров, никаких переговоров. Каждый третий год чемпион обязан защитить свое звание.

...у чемпионов мира были разные характеры. Когда первый чемпион В. Стейниц проиграл последнюю партию и матч Э. Ласкеру, он встал со своего места и воскликнул: «Трижды ура новому чемпиону мира!». В матче А. Алехин — Х. Капабланка в 1927 году обошлось явно без «ура». Х. Капабланка отложил решающую партию в безнадежной позиции и сдался на следующий день в письменной форме.

А. Алехин был единственным экс-чемпионом (1935—1937), которому удалось взять реванш и вторично овладеть шахматной короной. Непревзойденный гений шахмат умер непобежденным.

...чемпион мира имеет право, по правилам ФИДЭ, защитить свой титул у себя дома.

...Ботвинник сейчас хочет удержать свое звание,— это вы, конечно, знаете.

...Смыслов хочет стать седьмым чемпионом мира в шахматной истории,— это вы тоже знаете.

Чем же кончится нынешний матч? Вот этого никто не знает!

Сало ФЛОР

ЮМОРЕСКИ

Влюбленный или астроном?

Встретился юноша с девушкой вечером в парке.
— Ты мое солнце, луна моя, звезда, сверкающая в созвездии...
Улыбнулась девушка и спросила:
— Это что, объяснение в любви или урок астрономии?

Глухой

Спросил композитор критика:
— Почему ваш брат ничего плохого не сказал о моей музыке, а вы обрушились на нее?
— Видите ли,— ответил критик,— если бы я был так же глух, как и мой брат, уверяю вас, я бы тоже ничего плохого не сказал.

В швейной мастерской

— Безобразие, почему вы скроили мне такие короткие брюки?
— Успокойтесь, пожалуйста. Я шил по мерке, но кто виноват, что за эти два года вы выросли?

Т. УСМАНОВ

Вопрос и ответ

Мальчик покупал папиросы. Прохожий сердито заметил:
— Как тебе не стыдно? Я скажу об этом твоему учителю.
— Пожалуйста,— улыбнулся малыш.— Но я папиросы для учителя покупаю.

Любитель собраний

У одного руководителя, которого хлебом не корми, а дай провести собрание, спросили:
— Какие у вас сегодня важные дела?
— Два производственных, четыре торжественных собрания и митинг.
— А работать когда?
— Этот вопрос надо обсудить на особом совещании,— ответил руководитель.

Кратчайший день

Спросили лентяя:
— Какой день в году самый короткий?
— Воскресенье,— вздохнув, ответил тот.

Семейные дела

Прогульщик хвастался:
— Я и моя жена в этом году заработали 600 трудодней!
— А сколько вы лично выработали?
— Я? Попрошу не вмешиваться в мои семейные дела!

В чем разница

Спросили Ежа:
— В чем разница между чайной и чайханой?
— В чайной водку и вино пьют из рюмок и графинов,— ответил Еж,— а в чайхане из чайников и пиал.

С. ГАНИЕВ

Утренний туалет

Как-то ранним утром, проходя по улице горняцкого поселка вблизи Ленинабада, я увидел, как у водопроводной колонки совершала свой «туалет» белая уточка. Лилась тонкая струйка прозрачной воды. Уточка стояла под этой струйкой и, видимо, с удовольствием полоскалась.
— Она каждое утро сюда приходит,— сказал мне знакомый горняк.— Ее так и прозвали: чистюля!

И. РОМАНОВ

ТАДЖИКСКИЕ ЗАГАДКИ

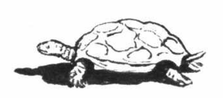
Рук и ног не имеет,
А всех трясет и качает.

По воде пройдет — не замочится,
По пропасти пройдет — не свалится.

Низ его каменный, но не камень.
Верх его каменный, но не камень.
Четыре ноги, но не корова,
Голова змеи, но не змея.

Что это такое? Ест зеленые листья,
Шьет свою одежду,
А став ткачом,
Сам себя связывает.

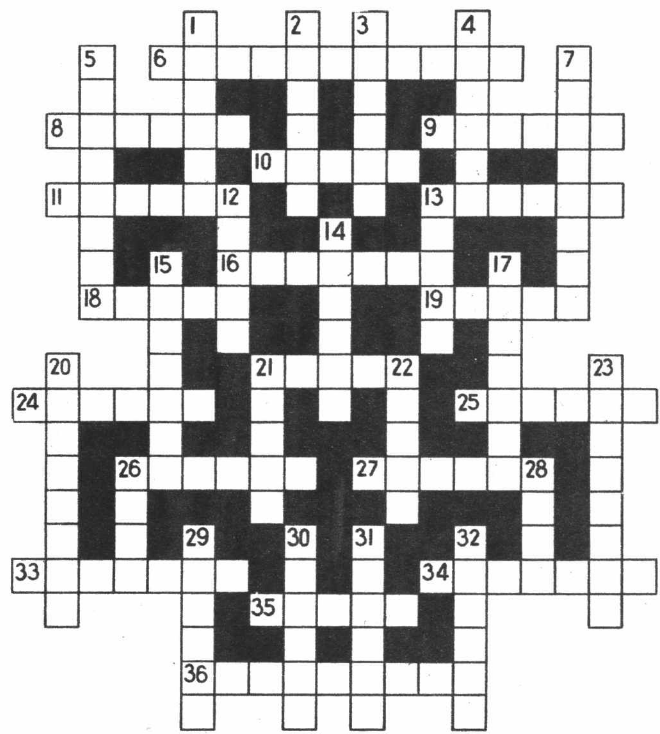

Что такое? Имеет пять комнат,
В комнатах — белое, словно снег,
И в нем — зерна.

На вкладках этого номера: репродукции картин М. Хошмухамедова «Строительство Кайрак-Кумской ГЭС», Ф. Салманова «Дорога», А. Хмылева «Восстание Восе», М. Шипулина «Народный артист СССР М. Касымов в роли шаха из спектакля «Алишер Навои» и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Союзная советская республика. 8. Растения семейства рутовых. 9. Текстильное волокно. 10. Высокогорная страна. 11. Каменная куропатка. 13. Горная цепь. 16. Передовой работник. 18. Дерево — подвой для абрикоса и персика. 19. Надежная защита, твердыня. 21. Гурт овец. 24. Род крупных многолетних травянистых растений семейства зонтичных. 25. Плод. 26. Глубокая и узкая долина с крутыми склонами. 27. Периодическое издание. 33. Безлистое дерево. 34. Героический эпос. 35. Тип предгорий в полупустынных областях. 36. Искусственное орошение.

По вертикали:

1. Советский поэт. 2. Селение. 3. Сушеный виноград. 4. Однолетнее масличное растение. 5. Латинизированное имя ученого Ибн-Сины. 7. Горный воск. 12. Искусственное русло. 13. Центр Горно-Бадахшанской автономной области. 14. Духовой музыкальный инструмент. 15. Обработка кожи, меха. 17. Минерал, плавиковый шпат. 20. Река. 21. Ответвление горной цепи. 22. Дикий баран. 23. Ценный мех. 26. Вид топлива. 28. Народный поэт-певец. 29. Полудикое животное, акклиматизированное в Таджикистане. 30. Плотная масса движущегося льда. 31. Каменное дерево. 32. Масличный лен.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

4. Самообладание. 9. Залог. 11. Пирей. 12. «Колыбельная». 13. Стотинка. 14. Михайлов. 15. Влтава. 16. Рельеф. 19. Индостан. 20. Модерато. 22. Экранизация. 24. Втора. 25. Скала. 26. Зимостойкость.

По вертикали:

1. Зарок. 2. Пловец. 3. Сирия. 5. Отсылка. 6. Дольник. 7. Капитальность. 8. Теплоцентраль. 10. Горихвостка. 11. Парагенезис. 17. Занавес. 18. Помазок. 21. Мисхор. 22. Эрбий. 23. Якуты.

Таджикские пословицы и поговорки

Боишься воробьев, не сей проса.
Самому сказать о своем недостатке — закрыть рот злопыхателю.
Одна рука в ладоши не хлопает.
Как с арбуза, вода стекает.
Жизнь лжи коротка.
Старой корове снятся жмыхи.
Не всякий день праздник, чтобы есть сдобные лепешки.
Ученый без практики — пчела без меду.
Если пища твоя честным трудом приобретена, ешь ее хоть посреди улицы.
Наносить узор на воду.
Сидя на верблюде косить траву.
Если ты сердишься, укуси свой нос.
На поверхности воды дождевой капли не видно.
Пока корень в воде, есть надежда на плод.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00774. Подписано к печати 10/IV 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 302. Заказ № 827.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Колхоз имени Хрущева выращивает лимоны в траншеях. Кагановичабадский район, Таджикская ССР.

Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: Братья Исмаиловы. Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени Ленина Раджаб Исмаилов и дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Москва» Карим Исмаилов. Орджоникидзеабадский район, Таджикская ССР.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: В детском саду Хорога. Памир.

Цена номера 3 руб.